

Валентина Елисеева

Черная кошка для генерала

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Полагаете, что демонов не существует и другие миры это тоже миф? По-настоящему вы поймете, как ошибались, когда знакомый красавец махнет хвостом и переселит вас в мир позднего Средневековья, да еще и не в человеческое тело, а в тело черной кошки.

Что делать современной девушке, адвокату, в кошачьем теле? Для начала — научиться ходить на четырех лапах и воровать еду у местных жителей, суеверия которых не позволяют им приютить черную кошечку, затем — найти себе покровителя. Лучший вариант хозяина — это бравый генерал, герой войны, родственник короля, не верящий в плохие приметы.

Итак, он — суровый военачальник, она — милая умненькая кошечка, готовая защищать своего единственного друга когтями и клыками. Как вернуться в родной мир? Или остаться в этом, где нечаянно встретила любовь? Но какая может быть любовь между кошкой и человеком?

- [Валентина Елисеева](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Валентина Елисеева
ЧЕРНАЯ КОШКА ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

Глава 1

ЗНАКОМСТВО

На выездном заседании суда рассматривались вопросы по определению меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого. Пожилой судья Леонид Долгалев проводил усталым взглядом людей, покидающих закрытое судебное разбирательство, и спросил:

— Кто там у нас следующим пунктом?

— Иванова Елизавета Алексеевна. Четырнадцать лет. Обвиняется в грабеже: с группой подельников отнимала у подростков мобильные телефоны, затем продавала их за десятую часть реальной стоимости в полулегальных салонах связи, не требовавших документов на технику. Всего восемь доказанных эпизодов, — пояснила следователь.

— А что скажет наша защитница? Адвокат Савельева, что думаете по поводу этой девочки: кто в группе этих подростков главный зачинщик и подстрекатель? Вы хоть и очень молоды, но уже успели завоевать репутацию проницательного человека, что для ваших лет — весьма большое достижение.

Адвокат Савельева, она же Лариса Васильевна, она же просто Лара (для друзей и близких), задумчиво ответила:

— Думаю, что она и есть их лидер. Но еще я думаю, что держать четырнадцатилетнюю девочку в СИЗО во время проведения расследования (а оно может растянуться на несколько месяцев) — это негуманно и неразумно. Это ее первое нарушение закона. Ничему хорошему она в СИЗО не обучится, а вот «полезные» связи приобрести сможет.

— А на свободе она сможет запугать всех наших пострадавших и свидетелей — уже пробовала, когда поняла, что жареным запахло! Эта девица успела так застрашать двух потерпевших маленьких девочек, что они из дому без взрослых выйти боятся теперь! — выдвинула контраргумент следователь.

— Вы этих-то дылд раскрашенных и избалованных маленькими девочками называете?! Да это стервы почище Лизы Ивановой!

— Им всего пятнадцать, и за их спиной не стояли пьяные подростки...

Но договорить следователю Лавровой не дали: судья хлопнул ладонью по столу и приказал:

— Прения сторон оставьте для суда, который будет определять наказание для этой Ивановой, нам сейчас нужно определиться лишь с одним вопросом: отпустить ее под надзор без лишения свободы или оставить в СИЗО на время следствия. Зовите всех, мне пока все ясно.

Адвокат Савельева вышла в коридор:

— Все приглашенные на слушание дела Ивановой Елизаветы Алексеевны — прошу пройти в зал суда.

Осмотрев немногочисленных людей, просочившихся в двери, и полицейского, отконвоировавшего в зал подследственную, Лара схватилась за мобильный телефон:

— Анна Олеговна, вы где?! Уже заседание начинается!

— Дома! И не собираюсь ехать ни на какое заседание: у меня маленький ребенок на руках, а эта дрянь мне не дочь! Я вам уже говорила — нечего мне названивать, Лизка сама дел наворотила, пусть сама и расхлебывает!

— Она ваша дочь! Без поддержки законных представителей она может остаться в СИЗО на полгода, а то и на год! Я же вам объясняла! Пока будут вестись следственные действия, ей каждые два месяца будут по новой продлевать пребывание под стражей.

— Не нужна мне такая дочь! У меня новая семья, понимаете? Новый муж, новый ребенок: сын, который вырастет нормальным человеком, а не таким мерзавцем, как Лизка! Не звоните больше!

Адвокат, еле удерживаясь от бранных слов, проговорила:

— Как скажете.

В ответ раздались гудки. Лара горько вздохнула и пошла в зал — нехорошо заставляя суд ждать.

«Вот что значит начать жизнь с чистого листа! А что там осталось, на перевернутой странице, и не важно, пусть даже собственные дети. Новые же теперь есть!»

— Где мать подследственной? — недовольно спросил судья Долгалев.

— Ваша честь, она не смогла приехать, у нее маленький ребенок на руках...

Леонид Долгалев только головой покачал и не стал разглагольствовать на тему того, что ребенка можно было бы с кем-нибудь и оставить на часок. Иллюзий относительно великой родительской любви у судьи давно не было.

Заседание пошло своим чередом: следователь озвучила свои опасения, что подследственную нельзя оставлять на свободе, педагог из школы предоставила суду крайне негативную характеристику Ивановой Е. А., из

которой следовало, что эта девочка — весьма трудный подросток, необучаемый и «невоспитуемый», от которого школа будет рада избавиться хоть на время, а лучше бы навсегда. Детский психолог охарактеризовала Иванову как крайне агрессивную личность, замкнутую, неконтактную и неуправляемую.

«Интересно, с чего психолог сделала такие выводы, если эта Лиза с момента ареста ни слова никому не сказала, на все вопросы и предложения психолога отвечала только молчанием: и тесты отказалась проходить, и картинки их мудреные отказалась раскрашивать? Видно, кто-то из „авторитетов“ сказал девочке, что лучшая защита — это молчание, вот она так себя и ведет», — думала Лара.

Тем временем судья уже успел принять какое-то решение и обратился к отцу подследственной:

— Алексей Александрович, вы готовы взять на себя ответственность за примерное поведение вашей дочери? Если вы обещаете следить за ней, за ее кругом общения, за тем, как она проводит свободное время, то я готов отпустить ее вам на поручительство.

Адвокат Савельева встрепелулась — она уже и не рассчитывала на такую благосклонность Долгалева. В глазах Лизы адвокат увидела ту же робкую надежду, что расцвела и в ее сердце.

Отец Ивановой Е. А. встал. Это был щуплый человечек с рябым невыразительным лицом.

— Это чё, она, типа, со мной жить должна будет?

— Конечно, — удивился судья, — это же ваша дочь.

— Она с моей бывшей раньше жила, чё это ко мне ее переселять? — недовольно спросил отец подследственной.

— Анны Олеговны здесь нет, и она не может подписать поручительство, — поспешила объяснить адвокат.

— От это Анютка круто отмазалась! Знал бы — тоже не пришел бы! Я живу вместе со своей матерью в малюсенькой однокомнатной квартирке, и этой, — ткнул Алексей Александрович пальцем в сторону дочери, — там места нет. Понимаете?!

Судья нахмурил кустистые брови:

— Если вы не готовы отвечать за собственную дочь и выделить ей место под вашей крышей, то она останется в СИЗО, и, возможно, останется надолго. Понимаете?

— Места нет, — упрямо повторил отец подследственной. — Пусть к матери чешет — у той теперь муж при деньгах, а у меня зарплата слишком мала, чтоб еще одну нахлебницу содержать.

«Совесть у тебя мала, а не зарплата», — зло подумала адвокат.

Лиза Иванова снова с отрешенным меланхолическим видом уставилась в окно, громко чавкая жвачкой.

В итоге суд принял закономерное решение: Иванова Елизавета Алексеевна остается в СИЗО на время следствия. Без поддержки законных представителей шансов, что спустя два положенных месяца суд изменит свое решение, у девочки не было.

Лара бегом бежала в здание городского суда — ей предстояло забросить в свой кабинет документы и быстро переодеться: выездное заседание заняло куда больше времени, чем она рассчитывала. Лара работала в государственной бесплатной юридической консультации, которая размещалась в здании суда и юристы которой частенько вызывались государственными защитниками в суды и следственные комитеты. Специализацией Лары были экономические вопросы, но из-за вечной нехватки государственных адвокатов ее частенько вызывали и по уголовным делам, и по гражданско-правовым.

На пороге кабинета Лара столкнулась со своей лучшей подругой — Кариной Исоян. Девушки вместе учились на юридическом факультете и устроились на работу потом тоже вместе, в родном городе на Черноморском побережье. Карина работала в прокуратуре, здание которой стояло бок о бок со зданием городского суда.

— Откуда летишь? — спросила Карина.

— Скорее не откуда, а куда. Была на выездном заседании по несовершеннолетним, в очередной раз сделала вывод, что все мужики — сво..., а теперь лечу по личному делу. Дверь закрой на ключ, мне переодеться надо.

Карина повернула ключ, насмешливо уточнив:

— Дорогая подруга, слухов не боишься? В нынешнее время даже с женщиной наедине закрываться опасно для репутации. И не обобщай, приписывая всем мужчинам один негативный образ: они все разные, иногда и приличные особи встречаются.

Лара фыркнула, быстро натягивая короткое облегающее красное платье и распуская длинные выющиеся черные волосы. Карина, наблюдая, как подруга четкими привычными движениями наносит на лицо «боевой раскрас», прокомментировала ее действия:

— Новый кавалер на горизонте замелькал? Или ты так ради Сергея вырядилась? С чего вдруг, ведь расстаться с ним уже хотела?

— Просто расстаться не получится: не забывай, что он главный во

всей папиной бухгалтерии и мне нужно предъявить отцу весьма убедительную причину для разрыва отношений. Сергей — прекрасный специалист, один из лучших, и папочка ведь спит и видит, что я за него замуж выйду.

— Не понимаю, — пожала плечами Карина, — ты уже давно совершеннолетняя и самостоятельная дама, а все на мнение отца оглядываешься. Лара, тебе уже двадцать пять лет! Встречайся с кем хочешь!

— Встречалась, как ты помнишь. Однако всегда очень быстро выяснялось, что и для кавалеров моих мнение моего отца и его деньги куда важнее, чем я. А Сергей, в отличие от моих прошлых увлечений, достаточно обеспеченный человек. У него ведь собственная фирма раньше была, пока папа к себе его большими деньгами и возможностями не переманил.

— Все равно не понимаю, зачем так нарядилась: решила подразнить женишка напоследок, чтоб оценил, что теряет?

— Нет. Образ модельной девочки облегчает общение с противоположным полом, сильно снижает их подозрительность и позволяет добиться куда большего, чем образ бизнес-леди. Деловых и уверенных в себе женщин не очень-то любит наш сильный пол.

— Опять не поняла, но искренне желаю успеха. Тебе нужен сильный, крепко стоящий на собственных ногах мужчина, настоящий мачо, а не этот бухгалтер.

Час спустя Лара была у въезда на территорию частного загородного клуба с пляжем. Охрана здесь была на уровне: шлагбаум, проверка документов, полный фейсконтроль, чтобы, не дай бог, какой-нибудь журналюга не просочился. На этом пляже отдыхали серьезные люди, расслабляясь в приятном обществе, которое почему-то никогда не состояло из законных супругов и детей. Более того, здесь существовал и такой вид услуги, как своевременное предупреждение клиента о нежелательных гостях, список которых он мог заранее оставить на посту охраны, контролирующей въезд, так что при неожиданном визите второй половины клиент мог быстро покинуть территорию через запасной выход. Лара надеялась, что ее женишок не догадался обезопасить себя таким образом, зная о ее профессиональной нелюбви к подобным местам отдыха.

Охранник на посту внимательно осмотрел откровенный наряд Лары, губы бантиком, ресницы-опахала, улыбку вида «я крутая секси, малыш» тоже оценил, проверил фамилию по спискам и пропустил машину.

«Итак, первый акт Марлезонского балета прошел успешно. Приступим ко второму». — Лара осмотрелась по сторонам, выйдя из машины.

По волнам Черного моря скользили прогулочные яхты и лодки, отдыхающие серфингисты взлетали на своих досках в голубое небо, девочек ярко выраженной модельной внешности тут было пруд пруди, и Лара ничем не выделялась в их толпе.

«А папиных знакомых тут много, проблем с его оповещением не возникнет, надо только красочнее выступить», — и Лара собралась с духом.

Солидные люди, отдохавшие от дел, недовольно наблюдали за девушкой в красном, которая громко кричала, размазывая по лицу крупные слезы, что лились безостановочным потоком:

— Я тебе верила, думала, что ты не такой, как все!!! Но тебе тоже на меня плевать, только папины деньги и связи нужны!!! Еще свадьбы не было, а ты уже налево ходить начал!!!

Солидные люди морщились, охрана бежала к скандалистке, а бледный молодой человек пытался спихнуть со своих колен худющую девицу в мини-бикини (а точнее, в микро-бикини). Девица же вцепилась в него мертвой хваткой: даром что худосочная — силенок было у дамочки немало.

— Не будет никакой свадьбы! Я не стану безропотным залогом в твоих делах с моим отцом! — вопила девица в красном, и окружающие мужчины брезгливо кривились.

В итоге в сторону бледного молодого человека полетело кольцо, а охрана, подхватив буйную девицу под локотки, вежливо понесла ее к выходу. Секьюрити уже явно прошли инструктаж, что орать и шуметь тут изволит дочь весьма уважаемого человека и обращаться с ней следует очень нежно.

— Пустите, я еще не все сказала!!! — вопила Лара и продолжала демонстративно заливаться слезами.

— Действительно, отпустите девушку, я сам ей компанию составлю, — прозвучал за спиной Лары мужской голос. — И успокою тоже.

Лару неохотно отпустили. Линия пляжа уже была довольно далеко, сейчас девушка находилась в тенистой аллее местного парка. За спиной нерешительно топталась охрана загородного клуба, а прямо перед Ларой стоял представительный мужчина средних лет, расплывшийся в белозубой улыбке.

«Хороший фарфор, качественный. Никак из самого Голливуда», — оценила улыбку спасителя Лара.

— Разрешите представиться, милая леди: Борис Татаринцев. Давно

знаком с вашим батюшкой, уверен, вы обо мне слышали, так как у нас с Василием Ильичом есть несколько совместных проектов. Помню, вас зовут Ларисой. — Мужчина протянул руку, намекая на то, что Ларе следует подать свою для галантного поцелуя.

Девушка чуть замялась и протянула левую руку. Борис удивленно поднял брови, но поцелуй запечатлел.

«Поддай я вам правую руку, и вы бы уже не улыбались», — мысленно объяснилась Лара, а Борис продолжил свою речь:

— Лучшее средство от депрессии после разрыва с мужчиной — это новый мужчина! Который будет ценить именно вас, а не возможности вашего отца. Охрана, вы свободны!

— Какие вы шустрые, русские мужчины, — раздался приятный мужской голос с легким акцентом. — Даже нам, испанцам, такие быстрые решения не свойственны.

Лара повернулась на новый голос. Он принадлежал просто потрясающему образцу мужской красоты: высокие скулы, четкий контур лица, черные как смоль волнистые волосы и большие темно-карие, почти черные, глубокие глаза под темными росчерками бровей. В комплекте к волосам и глазам шли подходящие по форме и размеру губы, ровный римский нос, высокий лоб. Эта совершенная голова крепилась на сильной шее, которая росла посреди широких плеч обалденного мускулистого торса. И все это великолепие было покрыто ровным загаром теплого оттенка.

Лара напомнила себе, что так пристально разглядывать с ног до головы незнакомого, почти голого мужчину, стоящего перед ней в одних плавках, неприлично. Но какие ноги! Лара тряхнула головой и сосредоточилась на словах незнакомца, а не на его шикарной, потрясающей... Лара тряхнула головой еще раз, и ее давление почти вернулось к норме.

— Дамиан, ты можешь смело вернуться к своей девушке, я сам провожу Ларису. Даже довезу до дома, а то в таком состоянии она может попасть в аварию.

Борис сжал руку Лары, ревниво поглядывая на своего красавца-приятеля. Приятель усмехнулся, презрительно осмотрел Лару и вальяжно шагнул в сторону пляжа. Легкий ветерок чуть взъерошил его кудри, и испанец оглянулся, удивленно посмотрев на заплаканную девушку.

— А это что за запах? — Названный Дамианом одним прыжком подскочил к Ларе и схватил ее за правую руку, разжимая пальцы.

На землю выпал носовой платок, в воздухе отчетливо запахло

хлорацетофеноном из слезоточивого газового баллончика, которым Лара обильно пропитала платок. Да, ей надо было поплакать, какая же сцена скандала может быть без женских слез? Верно, только самая неубедительная, а Ларе был нужен реализм!

— Я думаю, что в особых утешениях девушка не нуждается, — заметил Дамиан. — Хорошо подготовились, леди, даже про тушь водостойкую не забыли. Рискну предположить, что и дамочка бывшего жениха вам знакома, а скорее всего, вами же и оплачена?

Лара нахмурилась: «Ишь, проницательный какой!» — а вслух сказала:

— Не издевайтесь над чужим горем! — и душераздирающе всхлипнула.

— Не верю! — расхохотался испанец.

«Тоже мне Станиславский: верю, не верю, — зло подумала Лара. — Я же адвокат, а не актриса».

— Надеюсь, вы не любители посплетничать. Охрана ушла, свое представление я закончила и тоже пойду домой. Всего доброго!

Лара выдернула ладонь из руки растерявшегося Бориса, но Дамиан держал куда крепче. Красавец-испанец медленно склонился над рукой девушки, провел жаркими губами по тыльной стороне ладони и столь же плавно распрямился.

«Ой! — подумала Лара, увидев, как в темных глазах мужчины разгораются искры нешуточного и весьма страстного интереса. — Какого-то плотоядного интереса!» — пронеслась мысль в голове Лары.

— До скорой встречи, Лариса, — бархатным голосом прошептал Дамиан, и Лару бросило в жар.

«Это не мой тип мужчины! — убеждала себя девушка, быстро садясь в машину и ударяя по газам. — Не люблю таких „хищников“! Это Карина у нас — укротительница тигров, а я даже на роль помощницы укротительницы не гожусь. Надеюсь, больше мы с этим испанцем не увидимся, у него же там и девушка вроде имеется».

Но жизненный опыт настойчиво нашептывал Ларе, что после таких заинтересованных и жарких взглядов ни один мужчина тихо в тенек не уйдет, а будет настойчиво маячить перед глазами.

«Ладно, поживем — увидим. Мелькание рядом настолько красивого лица может быть даже приятно!»

Глава 2

РАЗУМ И ИНТУИЦИЯ — ВЕЧНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Лара проживала в родительском доме (отдельном двухэтажном доме в центре их курортного города). Отец Лары, Василий Ильич Савельев, был крупным теневым авторитетом в лихие девяностые, но с уходом бурной юности превратился в законопослушного (и весьма богатого) бизнесмена. Деловые контакты нового русского предпринимателя базировались на прежних связях, наработанных еще в той самой юности, а потому никаких проблем с контрагентами и партнерами у Савельева не было: все работали четко, «по понятиям», как и сам Василий Ильич.

Мать Лары вышла замуж за господина Савельева неискушенной девушкой семнадцати лет, только-только окончив школу. В восемнадцать у нее родилась дочь, которую отдали под присмотр многочисленных няnek и воспитательниц, чтобы молодая Елизавета Савельева могла без забот сверкать на небосклоне светской жизни города, сопровождая мужа на все приемы, банкеты, коктейльные вечеринки, выставки, открытия торговых и прочих центров и так далее. Лара росла, империя ее отца расширялась и процветала, и было бы в семье Савельевых все как и в других обеспеченных семьях, если бы Елизавета вдруг не ударилась в религию. Мать Лары, к бесконечному удивлению мужа и дочери-одиннадцатиклассницы, стала истовой приверженкой православной веры: вставала в четыре часа ночи, чтобы успеть к заутренней службе, потом спешила к обедне и так далее, все дни напролет проводя в храме и помогая в церковной лавке. Дома она перед каждой трапезой зачитывала молитву, хотя еще недавно не ведала даже слова такого: трапеза. Зато теперь Елизавета Савельева дословно цитировала Евангелие, знала наизусть множество акафистов, аграфов, псалмов и молитв, постоянно постилась (семья дружно отказалась составить ей компанию в этом начинании) и все выдававшиеся ей на карманные расходы деньги относилa на пожертвование Русской православной церкви.

Василий Ильич пару лет сохранял надежду на возвращение жены в суетную мирскую жизнь, но надежды эти так и не оправдали себя. В итоге эстафету светской жизни вынуждена была подхватить дочь, и последние пять лет Лара исправно сопровождала отца на все мероприятия, которые он

обязан был посещать и на которые было не принято являться без спутницы. Елизавета теперь убеждала мужа и дочь, что им следует отречься от мира дьявольского, жить смиренно и тихо и раздать все богатства бедным.

Домой Лара приехала к ужину. Переодевшись и спустившись в большую кухню, она присоединилась к родителям, уже сидевшим за столом. Отец выразительно посмотрел на дочь, давая понять, что ему уже обо всем известно, но выяснение отношений начал только за чаем (Василий Ильич был твердо убежден, что негативные эмоции и ссоры во время еды приводят к гастриту и язве желудка):

— Итак, ты опять рассталась с очередным мужчиной. Да еще и со скандалом. Не боишься, что твоя профессиональная репутация пострадает от таких выходов?

— Ты забываешь, что я работаю государственным защитником, и моими клиентами являются люди весьма небогатые и далекие от мира бизнеса и гламура. Они понятия не имеют, кто мой отец и каковы последние светские сплетни, им важнее та реальная помощь, которую я могу оказать.

— Причем бесплатно! Ты опять отказалась вести дело моего партнера по трастовому фонду. Почему?

— Ты отлично знаешь, почему, папа. Я не собираюсь прикрывать махинации вашего серого бизнеса.

— Вот только Марью Сергеевну Швецову из себя не строй! Тысячи адвокатов мечтают о тех клиентах, что я тебе на блюдечке преподношу, а ты все нос воротишь! Давай-ка определяйся с дальнейшими планами: ты должна жить как дочь богатого человека и помогать мне защищать наше семейное дело, которое в конце концов перейдет к тебе. Хватит притворяться кристально честным юристом, ты недостаточно бедна для такого образа. Знаешь, почему все твои коллеги по государственной конторе работают на полторы ставки? Потому что при работе на одну ставку не хватает денег, чтобы поесть, а при работе на две ставки не хватает времени, чтобы поесть! А ты не волнуешься о пропитании — тебя семья кормит.

— Спасибо семье за это. Я отрабатываю свой кусок хлеба тем, что провожу почти все свои свободные вечера, мило улыбаясь твоим партнерам по бизнесу, журналистам, чиновникам и прочим полезным людям. Избавляю тебя от трат на эскорт-услуги, а они недешевы, смею заметить.

Отец недовольно поморщился, но возразить тут было нечего. Умная элегантная дочь, свободно разговаривающая на трех иностранных языках и

способная поддержать разговор на любую тему, очень помогала бизнесмену Савельеву (с его девятью классами образования) налаживать контакты с зарубежными компаньонами. Василий Ильич искренне гордился дочерью и тем фактом, что она самостоятельно (без всяких знакомств и взяток) поступила на бюджетное отделение университета и окончила его с очень хорошими результатами. Огорчало лишь нежелание дочери открыть собственную платную юридическую консультацию, куда могли бы обращаться все его многочисленные небедные знакомые, часто нуждающиеся в услугах надежного «своего» адвоката.

— С Сергеем ты мириться не готова, как я понимаю? — сменил тему отец.

— Не готова, — спокойно подтвердила Лара.

Тут вмешалась мать и трагическим тоном проговорила:

— Доченька, живя с мужчиной без венчания и божьего благословения, ты прелюбодействуешь, а это смертный грех!

— Да, мама, — покорно пробормотала Лара, уже не в первый раз выслушивая подобные замечания.

— Только брачный венец покроет такой грех. Если жила с Сергеем — венчайся, иначе кара божия падет на твою голову!

— Да, мама.

— Нельзя беспорядочно менять мужчин как перчатки, одумайся! Демон прелюбодейский заберет твою душу, и будет она маяться в геенне огненной!

— Да, мама.

— Ты хорошая девочка, тебе не свойственны ни гордыня, ни зависть, ни гнев, ни алчность, ни уныние, ни чревоугодие, но даже один грех отдает твою душу в лапы дьявола. Вспомни об этом и покайся!

— Да, мама.

— Давай я отведу тебя завтра к отцу Серафиму на исповедь и причастие...

— Нет, мама!!! Завтра утром у меня заседание в суде, — поспешила отказаться Лара.

«Это я-то прелюбодействую?! Никогда с женатыми не встречалась и не планирую, а остальное — не грех. Да у меня за всю жизнь мужчин было меньше, чем у других за неделю бывает», — рассуждала Лара.

Следующий день начался удачно: Ларе удалось оправдать молодого человека, которого обвиняли в махинациях с ценными бумагами, доказав, что юношу просто грамотно подставили профессионалы этого бизнеса.

Ларе посчастливилось найти счета, на которые уплыли деньги, и даже выявить владельцев этих счетов (спасибо сотрудникам отдела по борьбе с экономическими преступлениями). В итоге ее подзащитного отпустили прямо в зале суда.

— Спасибо вам, огромное спасибо! — со слезами на глазах благодарил Лару молодой человек в коридоре здания суда. — Я и не надеялся, что бесплатный адвокат может помочь в таком деле!

— Зря не надеялись. Сейчас в российском обществе сложилось странное мнение о том, что бесплатный адвокат — как бесплатный сыр, и толку от него нет никакого, кроме вреда. Но на самом деле хороших бесплатных адвокатов много. Ведь не все, кто получает государственные копейки, делают свою работу некачественно. Молодые специалисты готовы трудиться в поте лица, чтобы заработать себе репутацию, а есть и те, кто за идею радеет. Самое главное — найти человека, который сможет и захочет вам помочь.

Распроставшись с уже бывшим подзащитным, Лара отсидела три часа в кабинете, составляя иски и претензии, пока это благородное занятие не прервал телефонный звонок:

— Ларочка, там самолет из Москвы лекарства для детей с редкими видами онкологических заболеваний привез, те самые, на которые мы деньги собирали. Дети уже в клинике — ждут начала процедур, а у нас машина, как назло, сломалась! Такси в разгар туристического сезона мы до ночи ждать будем! Сгоняешь в аэропорт, заберешь груз — у тебя ведь есть удостоверение нашего внештатного сотрудника, а доверенность на получение груза я тебе по факсу сейчас вышлю, ты ведь у себя в офисе?

— Где же еще? Жду твою доверенность, — ответила Лара директорисе Фонда помощи больным детям, который занимался сбором пожертвований на лечение детей и распределением собранных средств на закупку дорогостоящих лекарств, оплату лечения в российских и европейских клиниках, приобретение персонального медицинского оборудования для детей (ингаляторы, физиотерапевтическое оборудование, кресла-коляски и многое другое) и на прохождение выздоравливающими детьми реабилитации в специализированных центрах.

Следующие два часа Лара по пробкам медленно добиралась до аэропорта, потом столь же медленно — до детского отделения онкологической клиники, на пороге которой ее уже ждали приплясывающие от нетерпения друзья-волонтеры из фонда и родители тяжелобольных детей, белые от волнения, с трясущимися руками и полными надежды глазами.

Отдав сумки-холодильники с лекарствами, Лара покатила в офис: бумажную работу никто не отменял. Вечером, когда уходящая домой секретарша заглянула в кабинет попрощаться, Лара оторвалась от документов и спохватилась, что сегодня ей нужно сопровождать отца на прием у губернатора!

«Вот нечистая сила подтолкнула его среди рабочей недели приемы устраивать! Неужели до выходных нельзя подождать?!» — повздыхала Лара и поспешила домой.

В загородном особняке губернатора собралась вся элита деловых кругов города. Хозяева приветствовали всех гостей радушными улыбками, дамы привычно обменивались вежливыми комплиментами с очевидным ехидным подтекстом. («О, дорогая, какое великолепное кольцо: я тоже присматривалась к нему в ювелирном салоне Рабиновича, но взяла поизящнее», «Какое элегантное платье! Мне тоже очень нравится эта коллекция кутюрье, жаль, что в ней все модели рассчитаны только на размеры XL и выше, — мне ничего не подходит».)

К Ларе дамочки старались не приближаться, так как трудно соперничать в красноречии (и ехидстве) с практикующим адвокатом, который постоянно выступает в суде. Впрочем, и среди этого серпентария встречались умные и приятные женщины, с которыми Лара охотно общалась.

Изюминкой, так сказать, сегодняшнего приема было новое пополнение коллекции картин губернаторской четы: они купили на аукционе в Лондоне два полотна Пабло Пикассо и теперь горели желанием послушать восторженные отзывы о своем приобретении.

Лара подождала, пока основная масса почитателей изобразительного искусства вернется назад в банкетный зал и с куда более искренним восторгом начнет почитать шедевры от шеф-повара, и поднялась в картинную галерею.

Спокойно полюбоваться на творения гениального художника ей не дали: две молоденькие «возлюбленные» двух престарелых чиновников еще маячили перед полотнами. Увидев госпожу Савельеву, девушки отвлеклись от рассматривания новых браслетиков на руках друг у друга и собрались было покинуть собрание картин, но, взглянув на выход из галереи, вдруг решили остаться и вдохновенно защебетали:

— Ах, какая игра цвета, сколько экспрессии! Ларочка, вы только посмотрите! — Девушки потянули Лару к холстам, не дав ей обернуться и увидеть причину такого ажиотажа в любовании прекрасным.

— Какой многогранный взгляд на мир! Какой кубизм! Такие яркие квадратики!

— Это дома, — не выдержала Лара. — Условный образ городского пейзажа.

— О-о-о, — недоуменно моргнули красотки, — само собой, но какое исполнение замысла! Жаль, что среди нас нет художников, способных по достоинству описать этот шедевр.

— Художники редко описывают шедевры, — заметила Лара. — Это искусствоведы, когда собираются вместе, говорят о форме, структуре и замысле. Когда художники собираются вместе, они говорят о том, где можно купить дешевый растворитель.

— Какое странное замечание! Это в вас говорит адвокатский практицизм!

— Это говорил сам Пабло Пикассо, — пояснила Лара.

За ее спиной раздался отчетливый мужской смешок. Лара обернулась и узрела вчерашнего испанского полубога, который в смокинге смотрелся не менее впечатляюще, чем в плавках.

— Ах, Дамиан, а вы еще не знакомы с нашей Ларочкой? — расцвели улыбками красотки, делая вид, что только что заметили мужчину.

— Еще не знаком, — голос испанца горячим медом растекся по телу Лары, — но очень-очень хочу познакомиться!

Мужчина протянул Ларе руку и представился:

— Дамиан Сантеро. В серебряном платье вы так же хороши, как и в красном. Жаль только, что оно не такое короткое.

— Лариса Васильевна Савельева.

— Так официально! — Дамиан прикоснулся губами к ладони девушки, и по бледной руке Лары побежала целая толпа взбудораженных мурашек.

— Еще как официально, Ларочка у нас адвокат, причем бесплатный! — округлив глазки, просветили иностранца дамочки. — И она исключительно честный адвокат, так что если у вас есть хоть одна неблагоприятная цель пребывания в России, вам лучше держаться от Ларочки подальше.

— Предлагаете немедленно развернуться и сбежать?

— Развернуться обязательно, а сбежать мы поможем и даже скроем от правосудия, — захихикали красотки, вовсю строя глазки заграничному гостю.

— Тогда я обязательно развернусь, — очаровательно улыбнулся Ларе Дамиан, — на триста шестьдесят градусов.

— Зачем же так утруждаться? — столь же мило улыбнулась Лара. —

Достаточно и на сто восемьдесят.

Красотки озадаченно примолкли, видимо пытаясь откопать в памяти краткий курс геометрии седьмого класса. Дамиан не стал дожидаться окончания их бурной мозговой активности:

— Милые дамы, разрешите временно похитить вашу приятельницу, — и, подхватив Лару под руку, повлек ее во второй зал картинной галереи.

Прогуливаясь вдоль стен, на которых были развешаны шедевры уже русской живописи (включая и современных художников), Лара не стала мучиться сомнениями и прямо спросила:

— Зачем же я вам понадобилась, господин Сантеро? Или сеньор?

— Просто Дамиан. Работа в адвокатуре сделала вас излишне подозрительной. После вчерашнего демарша вы свободная женщина, и любой свободный мужчина имеет право ухаживать за вами.

— А вы свободны? — пытливо посмотрела Лара на своего спутника.

— Абсолютно.

«Не врет», — отметила про себя Лара, еще в университете хорошо усвоившая необходимый профессиональный навык чтения по лицам.

— Не могу понять только, зачем вы так долго встречались с этим мужчиной и почему ваш отец позволил вам это, если подозревал своего финансового директора в жульничестве. — Дамиан вопросительно посмотрел на Лару.

— Не подозревал, а был уверен, что тот подворовывает. — Вчера после ужина у Лары был откровенный разговор с отцом, и они расставили все точки над ё. Лара узнала много нового и о своем бывшем женихе, и о планах отца на ее будущее.

— Тем более не понимаю, — пожал широкими плечами Дамиан.

— Есть такой старинный анекдот про богатого еврея, которого спросили: «Абрам, как ты мог отдать свою единственную дочь Сару за Мойшу — сам же говорил, что он ворует у тебя из кассы!» — на что еврей ответил: «Я не могу перевоспитать Мойшу! Зато теперь все, что он украдет у меня, он отнесет моей Сарочке!»

Дамиан расхохотался. Лара заворуженно слушала его рокошующий смех и думала: «Нужно срочно найти в нем хоть один недостаток. Хоть самый малюсенький, а то меня уносит куда-то не туда. А вдруг обратно не принесет?»

— Потрясающая логика, такое можно услышать только в России! — воскликнул Дамиан. — А просто уволить вора никак нельзя?

— Чтобы уволить, нужно завести уголовное дело о хищении и

прилюдно признать, что тебя годами обкрадывали, а папа слишком горд для этого, — пояснила Лара и домыслила про себя: «И такое признание сильно ударило бы по его репутации крупного авторитета, пусть даже и бывшего».

— Но теперь-то он его увольняет за воровство, — недоуменно нахмурился Дамиан.

— Теперь все подумают, что причиной увольнения является разрыв со мной, а дело о хищении средств — лишь прикрытие личных мотивов, — пожала плечами Лара. — Иметь личные мотивы не стыдно, их все имеют.

— У нас в Европе все наоборот: больше всего директора волнуются о том, как бы их не заподозрили в личных мотивах для увольнения работника, — рассказал Дамиан. — Но Россия и тут уникальна. Лара, можно попросить вас быть моим внештатным консультантом по особенностям российского бизнеса?

— Я адвокат, а не консультант. Так что извините — нет.

— Я знаю, что вы адвокат, знаю, где вы работаете, и даже то, что всю заработанную нелегким трудом зарплату вы переводите в Фонд помощи больным детям, тоже знаю. Кстати, почему именно свою зарплату, почему не деньги отца?

— Чувствую моральное право распоряжаться лишь тем, что сама заработала, — хмуро заметила Лара. — Вы собирали сведения обо мне?

— Конечно. И просто убит тем фактом, что вы сведений обо мне не собирали! — Дамиан о-о-очень печально посмотрел на Лару таинственно мерцающими очами цвета южной ночи.

Девушка, не выдержав, улыбнулась. Дамиан буквально просиял в ответ и тут же взял ее за руку и принялся поглаживать большим пальцем ладонь.

— Не собирала, но кое-какие выводы уже сделать могу, — заметила Лара.

— Какие же? — полюбопытствовал Дамиан.

— Вы не женаты и никогда не были женаты. Ваше состояние оценивают в пределах от пятнадцати до двадцати миллионов долларов. Девушек вы меняете часто, но не скупитесь на подарки. В России вы недавно и не собираетесь здесь задерживаться.

Дамиан замер и недоверчиво всмотрелся в довольное лицо Лары.

— Угадала? — поинтересовалась та.

— Честно говоря, да. Если вы не наводили справок, то откуда такая точная оценка моих финансов?

— Те девушки, что так дружно восхищались творениями Пикассо, явно намекали вам на возможность близких отношений. Состояние их

нынешних кавалеров — порядка двадцати миллионов долларов, и менять их на менее выгодного покровителя дамочки не стали бы. С другой стороны, они и не пытались вцепиться в вас мертвой хваткой, следовательно, вы не богаче их мужчин.

— Но вы все же назвали нижнюю планку в пятнадцать миллионов, — напомнил Дамиан.

— Девушки еще юны и охотно делают скидку ради молодости и привлекательной внешности «возлюбленного», — пояснила Лара.

Дамиан поморщился:

— А почему решили, что я в России недавно и не планирую задерживаться?

— Это совсем просто: высшее светское и деловое общество юга России весьма невелико, сплетни распространяются по нему как огонь по сухой траве, а про вас до вчерашнего знакомства я ничего не слышала. Следовательно, приехали на днях. Почему не предположила, что вы приехали из другого региона России? Потому, что вчера вы были с Татаринцевым, а мне известно, что его фирма работает только напрямую с Европейским Союзом, и он последние месяцы провел в Европе, следовательно, мог познакомиться с вами только там. А если бы вы планировали задержаться в нашей стране, то при первом появлении на приеме у губернатора вовсю общались бы с нашей бизнес-элитой и управленческой верхушкой администрации региона, налаживая деловые контакты, а не бродили бы со мной по картинной галерее.

— А отношения с девушками? — улыбнулся Дамиан.

— Когда дамы, уже имеющие зажиточных кавалеров, готовы сменить их на другой вариант, это значит, что они предварительно оценили не только финансы нового варианта, но и его готовность этими финансами делиться. А то, что женаты вы еще не были, — так пуганого зверя от непуганого отличить несложно.

«Какой глубокий и завораживающий у него голос и особенно смех. Сделано в Европе!» — в очередной раз заслушалась мужчину Лара.

— Bravo! Теперь я окончательно поверил, что вы юрист и часто общаетесь со следователями и сотрудниками вашей полиции, — признал Дамиан. — А раз вы так хорошо меня теперь знаете, то поможете завести полезные деловые контакты, или, как говорят у вас, связи?

— Уверены, что вам нужны российские связи? — удивилась Лара.

— Абсолютно уверен. Я определенно намерен задержаться в России.

Лицо Дамиана приобрело такое выражение, словно он только что принял бесповоротное и окончательное решение. Подхватив Лару под руку,

он энергично зашагал с ней в зал на первый этаж, где собрались сливки местного общества.

Естественно, первым делом Лара представила испанца своему отцу, втайне надеясь, что тот будет против такого поклонника дочери (Василий Ильич хоть и имел иностранных деловых партнеров, но всегда относился к ним настороженно). Однако отец только довольно улыбнулся и потом весьма поощрительно посматривал на Лару, пока та водила заграничного гостя от одного знакомого к другому.

Дамиан определенно имел успех: мужчины уважительно его слушали, а женщины восторженно внимали и разглядывали не отрывая глаз. Лара даже задумываться не хотела о тех пожеланиях, что многие девицы мысленно слали ей вослед, пока она дефилировала по залу под ручку с красавцем-испанцем: тут замыслов и мотивов не на одно кровавое убийство с отягчающими.

Поведение испанца резко контрастировало с привычным Ларе поведением русских мужчин, которые легко могли увлечься беседой с деловыми партнерами и напрочь позабыть о своей спутнице, и той предоставлялась возможность развлекаться по мере сил самой, а в конце вечера долго дергать кавалера за рукав, напоминая, что не худо бы отвлечься от друзей-приятелей и до дома ее проводить. Европейский же миллионер каждым жестом, каждым словом демонстрировал свою заинтересованность в Ларе, с улыбкой пресекая малейшие попытки окружающих мужчин увлечь его в свой круг и оторвать от общения с ней. На предложения сыграть партию бильярда в мужской компании и обговорить важные моменты будущего плодотворного сотрудничества Дамиан отвечал, что для работы есть рабочее время, а сейчас он наслаждается обществом своей прелестной спутницы и ничто другое для него пока не существует. Дельцы Черноморья недоуменно пожимали плечами, но делали скидку на заграничные причуды и договаривались о встречах на дневное время. Если бы хоть миллионную часть женской зависти всех девиц в зале можно было превратить в массу, то Солнце перестало бы быть крупнейшим телом Солнечной системы.

В самый разгар приема любимый папочка Лары, которому весьма приглянулся заграничный кавалер дочери, не мудрствуя лукаво, заявил, что у него разболелась голова, но доченьке не стоит из-за этого портить такой замечательный вечер: она может остаться, а он потом придет за ней машину. При этих словах папочка многозначительно посмотрел на Дамиана, а тот поспешил заверить, что сам с удовольствием довезет

Ларочку до дома.

«Интриган мой папочка! Оба они интриганы! Улыбаются друг другу улыбками Чеширского Кота. Вот почему меня так упорно пытаются пристроить в чужие руки? За четверть века я так сильно надоела своим родителям? Руки, конечно, удивительно красивые, как и все остальные части тела этого испанского мачо, да и мозгами он не обделен. Боюсь, как бы комплекс неполноценности у меня не развился рядом с таким совершенством. Если продолжит так настойчиво ухаживать, обязательно попрошу ребят из следственного комитета прошерстить всю его подноготную. А то впечатление складывается, что это не реальный мужчина, а ожившая девичья мечта, точнее — нереальная греза», — обдумывала планы на будущее Лара.

Автомобиль у этой грезы оказался тоже сказочным: спортивный БМВ серии М4 GTS. Машина неслась по серпантину, будто ныряя в сияющий огнями ночной город. Шуршание шин и ощущение полета среди звезд. Никаких ненужных речей и вопросов, только уютное молчание. И невозможно красивый мужчина рядом.

Когда Дамиан остановился у особняка Савельевых и помог девушке выйти из машины, у Лары было ощущение полной иллюзорности происходящего.

— Вы верите, в существование фантомов? — спросила Лара.

— Нет, — Дамиан изумленно посмотрел на девушку.

— Неправильный ответ, — покачала головой очарованная испанцем Лара. — Вам надо было сказать: «Ну конечно!» — и ме-э-эдленно растаять в воздухе.

Дамиан с нежностью улыбнулся.

— Я реален, — прошептал он и поцеловал Лару.

«Точно нет. Реальные мужчины так не целуются», — убедилась в своих подозрениях Лара.

Домой она вошла на подгибающихся ногах.

А ночью Ларе приснился странный сон. Она шла по раскаленному песку вдоль берега огненного моря. Вместо брызг воды до нее долетали искры, вместо белых барашков пены волны покрывали язычки пламени. Пахло серой. Лара брела к одинокой хижине, прилепившейся к черной скале, но чем ближе она подходила, тем отчетливее слышала доносившиеся из окна вой и скрежет зубовой. Лара хотела развернуться и бежать прочь, но непреодолимая сила влекла ее вперед, чтобы хоть одним глазком посмотреть, что же там...

Затаив дыхание девушка заглянула в приоткрытую дверь: чудища рогатые и хвостатые, с черными лицами и острыми клыками распивали пылающий огнем напиток, хохотали с рыком и воем и делали ставки в неведомой игре.

— Ты пришла, я рад, — прошептал кто-то за спиной Лары.

Девушка испуганно обернулась. Дамиан! Он чарующе улыбнулся и обнял ее. Загорелое лицо его потемнело вдруг до черноты, в глазах отчетливо замелькали алые всполохи, а среди волос проросли витые массивные рога, плавно загибающиеся назад.

— Ла-а-ара, — протянул Дамиан.

Меж красных губ мужчины проглянули клыки. Дамиан медленно склонялся к шее гостьи.

«Он даже в этом облике красив, — беспомощно затрепыхалась в его объятиях девушка, — но мне нужно проснуться! Сейчас же! Мне не нравится этот сон!»

Горло полоснуло болью.

— Отпусти мою дочь, демон! — с крестом в руках появилась мать Лары. — Не поддавайся ему, Лара! Беги прочь!

Дамиан поднял голову и раздраженно зашипел. С его клыков капала кровь. Чудища в хижине злоеде захохотали.

«Это же моя кровь! А-а-а!!!»

Глава 3

БУДНИ ЮРИСТА. ВЫБОР

Лара с бьющимся сердцем резко села в постели. Уже рассвело, и через полчаса должен был сработать будильник. Спотыкаясь, девушка побрела в душ и долго грелась под струями горячей воды.

«Это подсознание напоминает, что я слишком мало знаю об этом человеке. Сегодня же загляну к ребятам в следственный отдел — пусть расскажут мне о темной стороне его души», — решила Лара.

Быстро позавтракав с отцом (матери уже не было) и выслушав множество рассуждений на тему, как хорошо бы породниться с представителем деловых кругов Европы, Лара посоветовала отцу не строить воздушных замков (несолидно для человека в его возрасте и статусе!) и отправилась на работу. Точнее, в соседнее с городским судом здание — прокуратуру.

— Это по какому делу тебя вызвали? Мы на сегодня запрос к вам не отправляли, — спросил Саша Муравьев, дожевывая бутерброд (видно, дома позавтракать не успел).

— Меня не вызывали, я сама пришла, по личному вопросу. — Среди предназначенных для посетителей офисных кресел Лара заняла единственное крепкое новое кресло.

— Ого, и к кому же у тебя личный вопрос, красотка? Надеюсь, ко мне? — заиграл бровями Олег Маринов.

— Ко всем! Мальчики, мне нужны сведения об одном иностранном гражданине, который недавно приехал в наш город. О Дамиане Сантеро.

— А-а, о том испанском мачо, с которым ты вчера весь вечер шашни на губернаторском приеме крутила и с которым на шикарной тачке в ночь улетела? — загоготали все оперативники и следователь. — Так надо было вчера его подноготную выяснять, а теперь-то поздно уже? А? Или адрес нужен, чтоб было куда потом требования об алиментах направить?

Лара, привычная к грубым шуточкам ребят, независимо закинула ногу на ногу и покачала туфелькой:

— Бедные ваши жены, как им скучно с вами жить — все-то вы знаете, все ведаете. Небось и завтрашние серии мыльных опер рассказать им можете. Откуда такие сведения о моей личной жизни?

Муравьев развернул к ней экран ноутбука, на котором уже красовалась свежая статейка местного журналиста, пестревшая фотографиями Лары с Дамианом: вот он обнимает ее за плечи, вот они вместе смеются над какой-то шуткой, вот она представляет его своему отцу... Ну и комментарии имелись соответствующие. И фото, где Дамиан усаживает ее в машину, тоже имелось.

— В четыре часа ночи опубликовано. — Муравьев отправил в рот очередной бутерброд и временно выпал из разговора.

— Лара, ты не волнуйся, выясним все, даже марку памперсов, которые ему мама в детстве надевала, — пообещал следователь Гаврилов. — Зайди на обеденном перерыве, и мы все косточки твоему кавалеру перемоем.

— Спасибо, Алексей Иванович! — пропела довольная Лара и ответила на звонок мобильного телефона: — Да, Сонечка, я уже рядом. Что случилось? Клиентка? Сильно разозленная? Да? Ого! Сейчас буду.

Алексей Гаврилов нервно забарабанил пальцами по столу:

— Разгневанная клиентка? Олег, проводи-ка девушку до кабинета, убедись, что ее там адекватная дама ожидает.

— Не волнуйтесь, Алексей Иванович, она не на меня зла, она жалобу на косметическую фирму подать хочет, — успокоила следователя Лара.

— Ничего, Олегу полезно прогуляться.

Капитан полиции Олег Маринов тоже считал, что пройти до соседнего здания ему несложно, так что в приемную Лара вошла с временным личным телохранителем. Секретарша Сонечка (студентка-заочница юридического факультета девятнадцати лет) тут же подскочила и с явным облегчением сдала ей с рук на руки недовольную клиентку.

Клиентка имела весьма... нестандартный... облик: ее лицо распухло так, будто его, как шарик, надули изнутри, и теперь оно приобрело форму и вид резинового мяча.

— Садитесь, пожалуйста, что с вами произошло? — обратилась к женщине Лара, пока капитан Маринов в шоке рассматривал интерфейс этой дамы.

— Крем этот чертов купила! Для лица. Дорогуший, в торговом центре! Его еще рекламируют по телевизору: мажьте на ночь, будет вам лифтинг-эффект, все морщины разгладит! Претензию писать буду, пусть ответят за свое вранье!

— Какое вранье? — искренне удивился Маринов. — Все морщины разгладились — ни одной не вижу.

«Мужская простота подчас хуже женского коварства!» — простонала Лара и бросилась звать охрану: надо было срочно спасать капитана

полиции от зверского избиения.

— И что я не так сказал?! — бурчал Олег, рассматривая в зеркале кровавые полосы на щеках от ногтей разъяренной дамы.

Саму даму уже проводили на улицу, посоветовав обратиться в отдел по защите прав потребителей и в отдел контроля качества продукции.

— Запомни золотое правило: иногда лучше молчать, чем говорить! Вот теперь эта женщина будет на всех углах трещать о том, как ее хамски обсмеяли в нашей конторе! — негодовала Лара. — Не ожидала от тебя такой выходки!

— Какой именно выходки, хотелось бы уточнить? — прозвучал от двери холодный голос. — Может, и мне стоит добавить?

На пороге, с букетом цветов в руках, с мрачным выражением на красивом лице стоял Дамиан. За его плечом топталась Сонечка, уставившись на чеканный профиль мужчины восторженно-щенячьим взглядом.

— Не стоит, капитан достаточно пострадал за свой несдержанный язык. — Ларе пришлось напомнить себе, что у нее нет времени, чтобы битый час любоваться мужскими очами. Даже такими красивыми. — Спасибо, что проводили, Олег. До встречи.

Капитан полиции придирчиво осмотрел иностранного бизнесмена с букетом, напомнил:

— На обеденном перерыве ждем! — и выразительно взглянул на Лару.

Та чуть покраснела и кивнула. Дамиан, прищурившись, посмотрел вслед капитану и решительно закрыл дверь в кабинет.

— Мне, вообще-то, работать надо, — вежливо намекнула Лара на несвоевременность визита молодого человека и поставила цветы в вазу.

— Я не планирую тебе мешать, а вот помогу охотно. Особых дел в России у меня пока нет, так что до пятницы я абсолютно свободен, — улыбнулся Дамиан.

— Помочь, помочь... — Лара прищурилась. — От волонтера бесплатному адвокату отказываться грех. Но мне надо речь для суда писать, а здесь ты помочь мне никак не можешь: адвокатская этика, тайна клиента и все такое... Но! Нас недавно обязали в общий электронный реестр внести наш каталог по всем делам за последние три года. Там описания дел нет, только ФИО клиента, дата обращения к нам и суда, если был, и номер дела в картотеке.

— Хорошо, я заполню твою электронную базу. Картотеку давай, — усмехнулся Дамиан.

Лара вытащила первый ящик картотеки и настороженно посмотрела

на гостя:

— Ты русский язык достаточно хорошо знаешь?

— Не волнуйся, хорошо. — Дамиан уселся за компьютер. — Пиши свою речь, не хочу, чтоб во время обеда ты ее обдумывала.

Посмотрев, как бойко испанец набирает текст на русском, причем без ошибок, Лара села работать. Вскоре тихо тренькнул телефон: пришла эсэмэс от секретарши Сонечки. Брови Лары взмыли вверх: с чего это девушка, сидящая в соседнем помещении, вздумала писать сообщения на мобильный, тем более что в кабинете есть внутренний телефон?

Сообщение гласило: «Извините, если я вам мешаю, но тут еще одна посетительница. Сказать, что вас нет?»

Лара не поняла, в чем проблема, и вышла в приемную. Там сидела женщина средних лет, которая радостно встрепенулась при ее появлении:

— Я прочитала на сайте городского суда, что у вас можно получить бесплатную юридическую консультацию, примете меня?

— Конечно, проходите, я сейчас.

Пропустив клиентку в кабинет, Лара нагнулась к Соне и спросила шепотом:

— В чем дело, почему сразу ее в кабинет не провела?

— Так вы же закрылись там с этим красивым молодым человеком, — промямлила девушка и багрово покраснела.

Лара раздраженно вздохнула и произнесла, строго глядя в глаза секретарши:

— На работе я работаю, Соня.

Вернувшись к себе, Лара улыбнулась посетительнице:

— По какому вопросу вам нужна консультация юриста?

Женщина вытащила листки какого-то договора, положила их перед Ларой и начала возбужденно рассказывать:

— Понимаете, мой муж — идиот. А я теперь по конторам бегать должна и судиться буду. Обязательно буду!

— Про мужа понятно. Из-за чего конкретно судиться планируете?

— Я давно хотела заменить окно на кухне, оно у нас старое, деревянное было, и я решила стеклопакет поставить, а так как окно выходит на шумную улицу, то захотела поставить не простой стеклопакет, а двойной, чтобы тише было, понимаете?

— Понимаю. И что, поставили? — Лара пролистала договор — он был заключен между Ивановым Сергеем Ивановичем и фирмой «ОкноЛюкс».

Женщина всхлипнула:

— Понимаете, когда приходили размеры замерять и договор

подписывать, я на работе была, а дома муж ждал замерщиков. Я ему строго-настрого наказала: стеклопакет заказывать двойной! Вечером пришла поздно, спросить про стеклопакет забыла, только на следующий вечер уточнила: «Двойной стеклопакет заказал?», а он мне: «Двойные они сейчас временно не делают, но ты не волнуйся, я заказал два одинарных!»

Лара усилием воли подавила смешок и восхитилась Дамианом, который тоже удержал смех.

— И что? — спросила Лара.

— И то! Фирма теперь требует, чтобы я заплатила за оба сделанных стеклопакета, а зачем мне второй?! У нас на кухне одно окно!

— Так, — сосредоточилась Лара. — Одно окно вам установили? — Женщина кивнула. — Второе где?

— На кухне у стены стоит, — снова всхлипнула женщина. — Муж акт приемки подписа-а-ал! И они требуют оплаты! А у меня нет лишних денег, и так полгода на это окно копила!

— Не волнуйтесь. Замерщик не мог не видеть, что окно на кухне одно, так что факт небольшого мошенничества со стороны фирмы доказать можно. Давайте-ка еще вспомним...

Эта клиентка оказалась далеко не последней. Время до обеда для Лары пролетело совершенно незаметно. И если бы не Дамиан, который твердой рукой вывел ее из кабинета, когда часы показали тринадцать ноль-ноль, то Лара вполне могла бы остаться до вечера голодной, как частенько бывало в рабочие дни. Но до обеда Ларе нужно было обязательно заскочить в отдел к Гаврилову — за сведениями...

Отговорившись тем, что в прокуратуру без специального разрешения Дамиана не пропустят, Лара забежала в следственный комитет, оставив его ожидать ее в машине: испанец пригласил Лару на обед, заявив, что столик в ресторане с ночи забронирован и отказа он не примет.

— Явилась не запылилась! — встретили ее сотрудники комитета. — Куда своего испанского Отелло дела?

— В машине остался. Но предупреждаю сразу: долго не усидит, нас столик в ресторане ожидает.

— Ничего, подождет. Его все равно на вахте не пропустят, — прожевав плюшку сказал Муравьев.

— Не скажи, не скажи... — протянул Олег. — Ты помнишь, что на проходной у нас сегодня Рита Егорова сидит? А этот мачо такое магическое действие на женский пол оказывает — в пору по статье за психологическое давление привлекать. Я Сонькин взгляд видел, и любая баба отреагирует так же!

— За эротико-психологическое давление, — поправил Муравьев. — Но в целом ты прав — Ритуля не устоит.

— Мальчики, время дорого! Что нашли, какие скелеты? — поторопила Лара.

— А что, у вас все так серьезно и срочно? — измывался над женской психикой Маринов. — Уже заявление в загс отнесли?

— Олег!!! Скажу твоей женке, что ты мне глазки строил и в баньку свою новую зазывал!

Олег чуть на пол со стула не рухнул:

— Лжесвидетельство карается по закону, Ларка! Ладно, вот сводка по твоему ненаглядному, внезапно нарисовавшемуся. Дамиан Агустин Игнасио Сантеро — единственный владелец империи «Сантеро», торгующей бытовой электротехникой во всех странах Евросоюза, и не только. Прапрапрадедушка этого Сантеро чистокровными рысаками торговал, а в начале двадцатого века своевременно переключился на новые технологии. Корпорация досталась Дамиану в наследство от его отца Родриго Игнасио Сантеро, который не имел других детей и близких родственников, кроме твоего Дамиана. В их семье много веков складывается странная ситуация: глава семьи всегда одинок, никогда не женится, на старости лет признаёт сына одной из многочисленных любовниц — и наследник обеспечен. Признанного сына глава рода растит самостоятельно, скрывает ото всех, пока наследнику восемнадцать лет не стукнет, а судьба матери этого ребенка, как правило, неизвестна. Более того, про детство самого ребенка тоже данных кот наплакал, складывается впечатление, что он уже взрослым из пробырки вышел. Про мать Дамиана имеются сведения, что она была из России (отсюда и отличное знание русского языка у твоего Дамиана — решил не утрачивать связи с родиной безвременно почившей матери) и что она умерла при родах в возрасте восемнадцати лет. Его отец умер десять лет назад, оставив двадцатитрехлетнему Дамиану наследство с общей нынешней стоимостью восемнадцать миллионов долларов. То есть сейчас твоему красавчику тридцать три года, он богат, успешен и свободен от каких бы то ни было обязательств. Его бизнес процветает, никаких подозрительных дел с корпорацией «Сантеро» не связано, все законно и легально, по крайней мере, все выглядит таким на первый взгляд. С последней постоянной (более-менее постоянной) любовницей расстался еще полгода назад. Женат никогда не был, детей не имеет (по крайней мере, никого еще не признавал, и судов по установлению отцовства у него не было). Теперь плохие новости: любит юных домашних девочек, красиво ухаживает за ними,

завоевывает доверчивые девичьи сердца и безжалостно их разбивает, расставаясь быстро и без сожалений. Таких эпизодов удалось установить более десятка! Мотай на ус и будь настороже, папочкина дочка!

— И что дальше происходило с этими девочками? — нахмурилась Лара.

Новости действительно были плохими.

— Суицидов не зафиксировано, — вынужденно признал следователь Гаврилов, — но жизнь этих девочек изменялась кардинально: оргии, беспорядочные половые связи, иногда наркотики и алкоголизм.

— Не вижу тут ничего удивительного. — Вечно голодный Муравьев распаковал ланч-бокс. — Девочек он выбирал всегда молоденьких, неопытных. Причащал их к радостям секса, одаривал дорогими подарками и деньгами, малышки начинали чувствовать вкус сладкой жизни с этим Сантеро, и вот результат — продолжают жить на полную катушку.

Лара сникла от таких известий. Ее-то молоденькой и неопытной, конечно, не назовешь, но в искреннюю симпатию этого сногшибательного красавца она теперь не верила. Гаврилов заметил упадническое настроение адвокатессы:

— Не вешай нос, Савельева! Где эти юные дурочки — и где ты! Перевоспитаешь и к юбке своей навечно пришьешь, будет муж не хуже прочих!

Тут дверь с шумом распахнулась, и вихрем влетела Карина Исоян:

— О-о-о!!! Ларка!!! Это твой шикарнейший брюнет убеждает нашу Ритулю, что ему жизненно необходимо забрать свою женщину из следственного отдела? Предупреждаю — почти убедил, скоро здесь будет. Ты где его нашла?! Я видела фото с приема, но в жизни он еще сногшибательнее, чем на фото! Какого дьявола ты торчишь здесь с этими хлюпиками, — (сотрудники прокуратуры насупились: они регулярно посещали спортзал, между прочим, и на хлюпиков никак не походили!), — когда тебя такой мачо дожидается?!

Гаврилов ворчливо заметил:

— Рыльце в пушку у этого мачо! Девочек наивных любит окрутить и бросить.

Карина отмахнулась сумочкой от таких проблем:

— Лара не наивная девочка, сама кого хочешь бросит. Лихо ты позавчера своего Сергея опрокинула — мне в красках твое мелодраматическое представление расписали, сочувствовали тебе, бедной, очень сильно. И не стыдно тебе, Савельева?

Лара пожала плечами, но ответить не успела: дверь распахнулась

вторично, и на пороге возник Дамиан.

— Лара, ты не успеешь пообедать, — ласково заметил он, обводя всех находящихся в кабинете предостерегающим взглядом.

Лариса попрощалась с коллегами и отбыла в ресторан.

Столик у Дамиана был заказан в отдельном кабинете, отгороженном от общего зала зеленой стеной вьющихся растений. Тихо скользили официанты, звучала ненавязчивая приятная мелодия. Дамиан поднял бокал амонтильядо:

— За знакомство!

Лара пригубила сладковатый херес с ореховым ароматом. Сведения, представленные ребятами из следственного комитета, лежали на душе горьковатым осадком. Дамиан крутил в длинных изящных пальцах свой бокал, и блики света играли в янтарном напитке.

— И что же тебе сообщили такого, что ты теперь как поникий подснежник? — мягко спросил он.

Лара положила подбородок на ладонь и задумчиво рассматривала мужчину:

«Тому, кто столь совершенен, место в музее, — грустно думала она. — Ему не следует смущать покой наивных девочек. И ненаивных — тоже. Что же мне делать? Плыть по течению? А куда оно меня занесет, это течение? Если в крутой водоворот — смогу ли выплыть?»

— Сообщили, что за тобой шлейф из разбитых сердец тянется, — честно призналась Лара.

Дамиан подождал, пока официант поставит перед ними закуски. Помолчал задумчиво.

— Я не святой и не монах. Да, у меня были романы, которые заканчивались не по обоюдному согласию. Справедливости ради могу заметить, что у тебя тоже. — Дамиан снова наполнил бокалы. — Чего ты опасаясь? Я никогда не лгу и на прямой вопрос всегда отвечаю честно — родовая особенность. — Дамиан иронично усмехнулся.

— Ты любил женщину когда-либо?

— Нет.

— Я тебе действительно нравлюсь?

— Да, очень.

У Лары на кончике языка вертелся вопрос: «А почему нравлюсь?» — но она не решилась его задать, уж больно глупо бы прозвучало. Но девушке упорно казалось, что увлеченность Дамиана ею не совсем случайна, — она еще помнила, как внезапно он загорелся интересом к ней тем вечером на пляже.

Ее руки легко коснулась мужская рука. Дамиан невесомо погладил ее пальчики и сказал, пристально смотря в глаза:

— Ты мне нравишься. Не пытайся объять необъятное, пусть все идет своим чередом. Ты в своем городе под защитой влиятельного отца — чего тебе бояться?

— Не знаю. Наверное, нечего.

На этой ноте серьезный разговор и был завершен. И впоследствии не возобновлялся. Дамиан умел ухаживать красиво: цветы, встречи и проводы, голубиная почта, прогулки на яхте по Черному морю, уютные ресторанчики, романтические прогулки под луной, стихи на нескольких языках мира и многое-многое другое.

Глава 4

В ШЕЛКОВЫХ СЕТЯХ

— Неужели тебя совсем не задевает, что на твоём мачо висит эта девица? — удивленно спрашивала Карина у Лары, рассматривая деву в облегающем суперкоротком платье, которая всеми сильно обнажёнными выступающими частями тела прижималась к Дамиану и буквально облизывала его взглядом. — Она его сейчас слюной закапает! — со смешком предупредила Карина.

— Ничего, тряпочкой протру! — хихикнула Лара. — Главное, чтобы слюна была неядовитой, а то в больницу на ночь глядя нестись не хочется.

Карина Исоян пытливо всмотрелась в лицо подруги:

— А серьёзно?

— А серьёзно — он взрослый человек и вправе сам решать, кому давать позволение висеть на своей руке. Не скажу, что это зрелище мне приятно, но не может же он её стряхивать силой при всем честном народе? Я не сторонница бурных проявлений ревности и недовольства, мне вообще кажется, что такие чувства, как ревность и недоверие, унижают и меня, и моего кавалера. Если я закатываю представление на публику, то делаю это продуманно и с определенной целью, а вовсе не из ревности, ты же знаешь.

Подруги стояли в фойе театра, ожидая второго звонка к началу спектакля. Вокруг них колыхалось море знакомых лиц, с которыми следовало мило здороваться и справляться о здоровье, а также отпуская общаться с ними своих спутников. Парень Карины сейчас тоже стоял в отдалении, выслушивая брюзжание пожилого лысого мужичка о недостатках российской внутренней политики и тоскливо поглядывая в сторону девушек.

— Знаешь, мне частенько кажется, что он специально хочет вызвать в тебе ревность, чтобы ты проявила свои собственнические инстинкты, показала свою горячую заинтересованность в ваших с ним отношениях. Не боишься, что твоё спокойствие и доверие Дамиан расценит как равнодушие? Может, стоит проявить чуточку страстного негодования? — посоветовала Карина.

Лара заливисто рассмеялась:

— Кариночка, я не специалист по таким страстям! У меня все просто: нравится человек — веди себя с ним по совести, не предавай и не

обманивай. Не нравится — не встречайся! Я никогда никого не донимала ревностью и сейчас не собираюсь!

— Хм... — задумчиво протянула Карина, — у вас ведь еще не было интима? Может, после этого накал твоих эмоций возрастет? Кстати, чего тянем? Уж три недели как он за тобой ухлестывает, а возраст у вас уже не подростковый, чтобы годами вокруг да около ходить.

Лара смутилась. При внешней невозмутимости и сдержанности эмоции Дамиан вызывал в ней весьма кипучие и страстные. Испанец откровенно тянул Лару в постель, и она была не против, но ее удерживало от последнего шага ощущение какой-то темной подоплеки его интереса к ней. Ларе не было свойственно сомневаться в своей привлекательности для мужчин, но в отношениях с Дамианом она почему-то чувствовала себя очень неуверенно. У нее даже мелькала мысль поговорить об этом с подругой — психологом из фонда, но идея эта так и погасла на ранней стадии.

«Нет уж, побаиваюсь я этих психологических консультаций. Ходишь себе ходишь спокойно, считаешь, что ты самодостаточная, уверенная в себе современная женщина, а как с психологом пообщаешься — так сразу осознаешь, что самодостаточность — это подавленная нереализованная потребность в общении с людьми, уверенность — попытка сознания скрыть бессознательный комплекс неполноценности, а ощущение, что шагаешь в ногу со временем, — эффект растворения твоего личного „я“ в массовом сознании толпы. Брр!» — И Лара ответила на вопрос Карины так:

— Не подростки, но и взрослым людям нужно время, чтобы лучше узнать друг друга.

Прозвенел второй звонок. Дамиан с улыбкой оставил свою поклонницу рядом с ее спутниками и двинулся к Ларе, раздвигая людской поток, как изящная яхта разрезает синие воды моря.

— Не соскучилась? — приобнимая девушку за плечи, нежно спросил он.

— Нет, — улыбнулась Лара, и ей показалось, что при этом спокойном ответе в черных глазах испанца мелькнули искорки недовольства.

Скоро должны были дать третий звонок, так что молодые люди поспешили занять свои места в ложе.

Прошло еще несколько дней. Поцелуи Дамиана становились все настойчивей, голова Лары кружилась от них все сильнее. После веселого празднования дня рождения Карины, на котором было выпито слишком

много шампанского за здоровье именинницы, Лара сдалась-таки на милость победителя: с вечеринки она уехала с Дамианом в его пентхаус в отеле.

Это была лучшая ночь в жизни Лары. Она даже не предполагала, что действительно возможно испытать все то, о чем частенько пишут в романах, но тут убедилась на собственном опыте. Дамиан поцеловал каждый сантиметр ее тела, любил ее страстно и яростно, а потом томительно и нежно. Всю ночь напролет. К утру тело Лары стало частной собственностью Дамиана Сантеро, она теперь и помыслить не могла, что у нее может в будущем быть другой мужчина после этого испанца.

— Кошечка моя ласковая, — прошептал утром Дамиан, прижимая Лару к себе и позволяя ей наконец провалиться в глубокий сон без сновидений.

После выходных, проведенных в объятиях страстного бойфренда, Лара приползла на работу в свою контору, чтобы тут же подвергнуться допросу подруги.

— Ну как?! — с горящими глазами спросила Карина. — Ничего себе, как ты покраснела! Да тебя никакие фото- и видеоматериалы по делам бордельным в такую краску не вгоняли! Я уже умираю от зависти, все было круто, да? Или внешность обманчива?

— Не обманчива, — признала Лара. — Порой я чувствовала себя неискушенной и наивной девочкой в сравнении с ним. Но подробностей не жди!

Карине не нужны были подробности — она и без них радовалась за подругу.

Отец тоже не возражал против такого кавалера дочери, и только мать настойчиво твердила про распущенные нравы современной молодежи, про необходимость одуматься, раскаяться и замолить свои грехи. Спустя неделю Лара решила пригласить Дамиана на воскресный семейный обед на их загородную дачу, которую все Савельевы давно привыкли называть фазендой. Эта фазенда размещалась на паре гектаров земли, где помимо самого двухэтажного дома, большой бани и гаража находились еще открытый бассейн, теннисная площадка, фруктовый сад с качелями и цветниками, дубовая аллея и небольшой огород, на котором выращивалась клубника (которую обожала Лара), различная зелень и ароматные травы (повар Савельевых предпочитал приправы свежие, прямо с грядки). Ухаживали за всем этим хозяйством профессионалы садоводства — семейная пара, которая постоянно проживала на фазенде в небольшом флигеле, примыкавшем к дому.

— У меня своеобразная мама, она очень верующая, соблюдает все посты и обряды и пропагандирует среди всех наших знакомых смирение и воздержание, — заранее предупредила Лара возлюбленного. — Ты пропустиай мимо ушей некоторые ее высказывания, ладно?

Дамиан усмехнулся, провел рукой по длинным черным волосам девушки и пообещал вести себя максимально смиренно.

К Савельевым Дамиан Сантеро явился с двумя букетами орхидей, с улыбкой вручив их Ларе и хозяйке дома. Елизавета тщательно осмотрела кавалера дочери и недовольно поджала тонкие губы.

«Мамочка, ты только с порога отношения выяснять не начинай, дай хоть в комнату пройти! — взмолилась про себя Лара, умоляюще взирая на родительницу. — Просто полюбуйся на него как на прекрасное творение природы».

Ее мольбы были услышаны. Мать чопорно кивнула гостю и повела его в гостиную. Разговор привычно завертелся вокруг событий культурной жизни города и прогноза погоды на ближайшие дни. Свою партию хозяйка дома начала только после горячего:

— Дамиан, скажите, а вы какого вероисповедания? Католик?

— Скорее нет, чем да. По сути дела, я не являюсь приверженцем какой-то одной религии и не посещаю храмы и церкви каких бы то ни было конфессий.

— Но в Бога вы веруете? — испытующе всмотрелась в гостя мать Лары.

— Само собой, — улыбка Дамиана сейчас больше походила на оскал. — Более того, совершенно убежден в его существовании!

Это признание, явно правдивое, почему-то совсем не обнадежило Елизавету. Наоборот, она еще сильнее нахмурилась.

— Если веруете, то почему не следуете его заповедям? Не живете богобоязненно? Грешите? Души своей не бережете?

— Лиза! — не удержался Василий Ильич. — Не начинай! Молодой человек не на исповедь к нам пришел, а ты не святой отец, чтобы наставлять.

Дамиан внимательно посмотрел на прожигающую его неприязненным взглядом хозяйку дома и заметил:

— Бог дал человеку свободу выбора — как жить. Я считаю, что тратить жизнь на подготовку к смерти и последующему воздаянию за праведность неразумно. Жизнь на земле коротка, а существование по ту сторону могилы весьма длительно, успеешь все осознать и во всем

раскаяться, зачем же делать это сейчас?

— Полностью с вами согласен, Дамиан! — поддержал гостя Василий Ильич. — Вы играете в карты? Моя жена считает и карточную игру грехом, даже если она идет не на деньги, и никогда не составляет нам с Ларой компанию.

Хозяйка дома оскорбленно замолчала, Дамиан уверил, что играет во все известные карточные игры, и после обеда Лара с отцом и гостем играли в саду в баккара и плескались в открытом бассейне. Мать Лары в этих развлечениях не участвовала, но общение поддерживала и даже воздерживалась от чтения нотаций о пользе праведной жизни. Если же иногда в ее речах и прорывались поучительные нотки, то она не пыталась развить из них целую лекцию. Дамиан же выслушивал все замечания матери Лары с самым сосредоточенным видом и если и пожимал порой плечами, то делал это незаметно для хозяев дома. Лара с Дамианом сыграли и партию в теннис, но только одну: Лара признала, что различие в уровне мастерства у них с Дамианом слишком велико, чтобы играть с настоящим интересом. Лара играла как слабенький любитель, а испанец вполне тянул на профессионала. Василий Ильич не стеснялся расспрашивать Дамиана о его планах по развитию семейного бизнеса в России, а он добросовестно отвечал на все вопросы, не выказывая и тени недовольства. Лара чутко прислушивалась и радовалась, что Дамиан действительно намерен задержаться в ее стране, как и говорил на приеме у губернатора.

— Может, ты окончательно переедешь жить ко мне? — спросил Дамиан, когда они с Ларой уже покинули гостеприимную дачу ее родителей. — Перевози вещи: какой смысл каждый день заезжать к родителям, чтобы просто переодеться?

Дамиан притормозил на повороте и посмотрел на девушку. Лара не спешила отвечать, так как затруднялась определиться с собственными желаниями. До сих пор она никогда не жила в одном доме с мужчиной постоянно: встречаться встречалась, но совместно проживать — это совсем другое дело.

Сантеро решительно остановил автомобиль и развернулся к спутнице.

— О чем ты опять так долго размышляешь? Ты и без того практически живешь у меня. — Дамиан отстегнул ремень безопасности и перетащил Лару к себе на колени.

Под натиском его горячих губ мысли разбежались шустрыми зайчиками. Дамиан с возрастающей страстью целовал Лару, и рука его

целенаправленно скользила вверх по ее ноге...

— Светло еще! И мы стоим на обочине оживленной дороги, — одернула молодого человека Лара.

Дамиан, тяжело дыша, прислонился лбом к ее плечу:

— И что? Окна тонированные! Для тебя так важно, что кто-то может мельком нас заметить, пролетая мимо?

— Важно, — смутилась Лара. — Я не могу... так...

— Сколько чепухи в твоей головке. На самом деле имеют значение лишь наши чувства. Встречаться с человеком, к которому у тебя нет искренних чувств, действительно нехорошо. И тут твоя мама права. — Дамиан начал поглаживать обнаженную спину в вырезе платья Лары и снова поцеловал в губы. — У тебя есть ко мне чувства, ты готова отдать мне душу и сердце? — прошептал он.

Странноватый вопрос неприятно кольнул девушку, но она решила, что такой выбор слов обусловлен длительным общением с ее матерью и ее сентенциями о душе и морали.

— Обычно просят только сердце, — с улыбкой заметила она, — а тебе и душу подавай?

— Вы, русские, много значения придаете именно душе. Выражения: «свет души моей», «души моей царица», «душа компании», «в глубине души», «вкладывать в дело душу» — это чисто русские выражения. Но ты не ответила на мой вопрос.

— Конечно, чувства есть, — поспешно отозвалась Лара. — Поехали, мне еще на работу собраться надо: я в пятницу много бумаг домой взяла, в субботу над ними работала.

Дамиан молча тронулся с места. Лара же задумалась над тем, какие именно чувства она испытывает к своему спутнику. Она не была уверена, что это яростное влечение, желание постоянно видеть это исключительное по красоте лицо, прикоснуться к этому идеальному телу — и есть любовь. Ей казалось, что самой верной характеристикой ее чувств будет слово «одержимость». Она словно помешалась на этом испанце: оставшись прошлой ночью в доме родителей, она не смогла заснуть в одиночестве в своей постели; в рабочем кабинете она не могла спокойно сосредоточиться на делах, постоянно ожидая его звонка и мечтая хотя бы услышать его голос: один лишь взгляд черных глаз мог зажечь огонь желания в ее теле.

«Если это и не любовь, то влюбленность точно. Все классические симптомы: дрожь, томление, рассеянность, заикленность на одном человеке. Такое я уже проходила, и не раз, но между прошлыми увлечениями и нынешним такая же разница, как между огнем свечи и

извержением вулкана. Совсем иной по мощности огонь», — думала Лара.

Этой ночью Дамиан будто задался целью свести Лару с ума. Он часами заставлял ее стонать и молить о пощаде, впиваться ногтями в его спину и лихорадочно прижиматься к губам.

— Ты моя! — рычал Дамиан.

— Да.

— Вся моя! Душа и тело!

— Тело твоё, но душа в комплекте не идет, — задышавшись, умудрялась ерничать Лара и старалась опрокинуть Дамиана на спину и занять наконец доминирующую позицию.

— Кошечка моя, до души очень легко добраться через тело, они связаны куда теснее, чем ты предполагаешь, — проникновенно прошептал Дамиан.

Сегодня он не был настроен уступать. Но в некоторых ситуациях так приятно быть побежденной, что Лара не сожалела о своем проигрыше в борьбе за лидерство.

Утром Дамиан объявил, что к пяти часам заедет за Ларой на работу, чтобы она не вздумала засидеться за бумагами допоздна, так как у него уже готовы планы на вечер. Планы оказались аховые: посещение недавно открывшегося элитного клуба «для взрослых». Как говорилось в рекламе: «Красивые шоу, танцы и музыка, вкусная еда. Близкое знакомство с артистами заводить необязательно!»

Лара нерешительно замерла перед входом в клуб. Уголовных дел по нему не было, но слухи ходили. Да и как они могли не ходить, если тут развлекали гостей десятки девушек и юношей в очень откровенных нарядах, танцующих очень грязные танцы.

— Ханжеское воспитание не ко времени проснулось? — мурлыкнул на ушко Дамиан. — Не дрейфьте, адвокат Савельева! Ничего ужасного не будет: посмотрим шоу, поужинаем (шеф-повар чистокровный француз, между прочим!), станцуем (только мы с тобой, не смущайся!) и пойдем домой. Ты не на работе, имеешь право отдыхать, как хочешь!

— А я хочу? — неуверенно пробормотала Лара, чувствуя себя действительно ханжой-моралисткой.

Дамиан растрепал ее черные локоны и заметил:

— Кошечка моя, здесь отдыхает после трудовых будней множество твоих знакомых. Именно твоих, а не твоего отца! Доблестные стражи правопорядка, представители прокуратуры, суда, юристы. Пойдем?

Дамиан шагнул вперед и протянул Ларе руку. Девушка решила и

протянула ему свою.

Следующим утром Карина Исоян смеялась по телефону, говоря подруге:

— Ларочка, ушам своим не верю! Ты — и в «клубе для взрослых»! Бедная моя, ты не сгорела там от смущения? И как, понравилось? Даже не думала, что Дамиан сможет подбить тебя на такую авантюру! В следующий раз и меня позовите!

Спустя месяц Карина уже не смеялась. С озабоченным видом она вошла в кабинет подруги и закрыла за собой дверь на замок. Бросив на стол россыпь листов и фотографий, она резко спросила:

— Лара, что с тобой происходит? Я понимаю, что ты влюблена, счастлива, у тебя обалденный возлюбленный, но ты становишься не похожа на саму себя! Ночные клубы, раскованные танцы, песни под караоке с полуголыми стриптизерами, страстные объятия у всех на виду... Тебя уже начинают узнавать ваши клиенты и явно выказывают удивление, что их делом будет заниматься такая эпатажная (!) фигура! Это адвокат Савельева-то эпатажная и скандально известная личность!

— Сама же говорила раньше, что у меня слишком скучная жизнь, что мне нужен мачо, а теперь опять недовольна, — вяло возмутилась сконфуженная Лара, рассматривая весьма откровенные фотографии, разложенные на столе Кариной.

Качество было так себе: подруга явно потрясла своим удостоверением работника прокуратуры и затребовала копии записей с камер видеонаблюдения в клубах.

«Интересно, чем она им пригрозила в случае отказа? Ордера на изъятие записей у нее быть не могло», — задумалась Лара, а Карина продолжала:

— У меня уже складывается впечатление, что это не ты, а твой двойник. Посмотри, это фото с камер видеонаблюдения на дороге: качество, конечно, не ахти и как доказательство в суде не пройдет, но тут и речь не о преступлении. Лара, я не собираюсь читать мораль об общепринятых нормах приличного поведения, но раньше ты так себя не вела. Лара, если бы ты не изменилась так резко, я бы и слова не сказала: все живут так, как считают нужным, и я тоже далеко не ангел. Но уверена ли ты сама, что тебе хочется так кардинально изменить собственную жизнь и имидж? Если какой-то журналист вздумает сейчас облить тебя грязью и опубликовать красочные фотографии твоего досуга, то ему отлично удастся растоптать твою репутацию! И тогда тебя уволят из государственной

конторы, перестанут приглашать государственным защитником, и будет тебе одна дорога: богатых знакомых своего папочки от нападков прокуратуры и налоговой инспекции защищать. А ты никогда этого не хотела!

— И сейчас не хочу, — согласилась Лара и обхватила голову руками. — Я действительно сильно изменилась?

— Еще как!!! Лара, ты помнишь, когда мы с тобой в последний раз встречались и общались только вдвоем: ты и я?

— Когда? — Лара недоуменно посмотрела на подругу.

— До моего дня рождения, а был он месяц назад! Когда ты в последний раз заходила в следственный комитет, чтобы уточнить данные по делу, которое ведешь?

— Когда?

— Тогда же! Ты теперь не пытаешься вести собственное расследование, если подозреваешь, что обвиняемый не так сильно виноват, как хочет представить прокурор. Ты только читаешь материалы дела и все выводы делаешь из тех сведений, что тебе предоставило следствие. У тебя перестали гореть здоровым рабочим азартом глаза. Ты действуешь на автомате, не вкладывая душу в свою работу!

— И ты о душе! — простонала Лара. — Будто Дамиана мне мало!

Карина Исоян озадаченно изогнула смоляные брови:

— И что же Дамиан говорит о твоей душе?

— Чтобы отдала ему свою душу. — Лара скорчила комичную рожицу и нарочито пугливо округлила глаза.

Карина нахмурилась:

— В чем-то ты ее и отдаешь. Раньше ты светила внутренним светом, а сейчас поблекла. Раньше ты с энтузиазмом занималась любимым делом, переживала за своих подследственных и подсудимых, помогала в работе Фонду больных детей, встречалась с друзьями, коллегами по работе, ходила не только в клубы, но и в театры, в филармонию, на выставки, на лекции в музей изобразительного искусства, была постоянным посетителем бассейна и теннисного корта. Твои прежние мужчины шли рядом с тобой, не затмевая твоего света и не гася его. Да, у них были свои недостатки, но с ними ты не теряла себя. А Дамиан заменил тебе всё и всех. Ты с этим согласна? Если да, то и ладно. Многие женщины живут только ради своих мужчин, особенно в России. Национальная особенность, так сказать.

«Неужели все действительно так скверно? Но я ведь ничего чересчур плохого не делаю! Просто отдыхаю после работы не так, как раньше, и

выходные провожу не с друзьями, а с близким человеком, что тоже естественно...» Но убедить себя, что все хорошо, не удалось.

— Карин, я подумаю, — печально пообещала Лара.

— Подумай, — вздохнула подруга.

Глава 5

ЛИЦО БЕЗ МАСКИ

Неприятные разговоры в этот день не закончились с уходом Карины. Внимательно вчитываясь в материалы дела по Игорю Латвинову, обвинявшемуся в хищении государственных бюджетных средств в особо крупных размерах, Лара вспоминала этого чиновника, с которым ее отец был шапочно знаком. Латвинов работал в управлении здравоохранения края, отвечал за распределение федеральных денег, выделенных на модернизацию оборудования больниц и медицинских центров. Сейчас ему инкриминировалось присвоение денежных средств в размере двухсот миллионов рублей и вывод этих средств в офшорные зоны.

Изучив тоненькое дело, переданное ей следственным комитетом, Лара удивилась двум моментам: во-первых, почему такой обеспеченный человек, как Латвинов, затребовал себе бесплатного государственного адвоката, а не обратился в многочисленные престижные юридические конторы, специализировавшиеся на крупных финансовых махинациях и коррупционных делах? У Лары возникло подозрение, что это дело специально направили именно к ней. Во-вторых, ее поразил объем этого дела, а точнее — полное отсутствие этого самого объема. Доказательной базы практически не было, все собранные улики были косвенными, многие утверждения свидетелей были явно голословными и никак следствием не подтвержденными. Это дело следователю просто не имело смысла направлять в суд: даже студент-первокурсник любого юридического вуза выиграл бы его у прокуратуры и добился оправдания обвиняемого.

Лара припомнила, что недавно она добилась оправдательных решений по двум похожим делам, которые тоже буквально рассыпались как карточный домик на первом же заседании суда. Но тогда она не обратила на это внимания. Почему? Да потому, что голова другим была забита! Черноволосым и черноглазым другим, а не работой!

Лара вскочила и вытащила копии архивных дел. Точно: еще два чиновника из того же управления, что и Латвинов. И следователь тот же — Громыкин Александр Александрович. Сердце тревожно екнуло: Громыкин заслужил себе не самую лучшую славу среди коллег, и хотя вслух его никто и никогда не обвинял, но подозрений вокруг его личности витало много.

Схватив все три папки, адвокат Савельева понеслась в здание

прокуратуры.

Вошедшую в кабинет Лару встретили гробовым молчанием. Гаврилов насупился и уставился в монитор компьютера, яростно щелкая клавиатурой, Маринов сразу отвернулся от нее, закачался на стуле и молча созерцал пейзаж за окном, а Муравьев отложил пирожок и укоризненно взирал на девушку.

Вопрос: «Ребята, вы чего?» — застрял в горле, и Лара лишь тоненько пропищала:

— Я по делу...

Олег Маринов резко развернулся на стуле и сухо спросил:

— По какому?

— Игоря Латвинова.

Оперативники и следователь нахмурились еще сильнее.

— С чего вдруг? — снова закачался на стуле Олег. — Ты с таким жаром защищала его подельников, а теперь чего явилась? Громыкин плохо поработал — не все улики из дела вычистил? Так к нему и обращайся, это его дело, не наше.

Лара, еле удерживаясь от слез, кинула папки на стол Гаврилова. Холодность товарищей больно ударила по ней, а их пренебрежительные взгляды кололи как кинжалы.

— Я не думала, что они виноваты, дела-то пустые! Никаких реальных доказательств их причастности к пропаже денег нет!

Оперативники заржали:

— Александр Александрович — специалист высокого класса: то ордер сотрудники прокуратуры поздновато получили, то всей кучи разрешений, необходимых на изъятие вещдоков, не оформили — поспешили, то свидетелей, видите ли, в СИЗО злые дознаватели запугали и на оговор и клевету подбили. Можно подумать, ты того не ведала, когда дела вести бралась!

— Я не задумывалась над этим, — скорбно прошептала Лара и закрыла лицо руками.

Алексей Иванович вздохнул и пригладил седые волосы.

— И чего теперь убиваться-то? Ты адвокат, твое дело — защищать подсудимых независимо от их виновности-невиновности, — напомнил он. — Это грех Громыкина, а не твой. И тех, кто такого следователя не увольняет, а в званиях повышает.

«Опять мне про грехи говорят! Мой, не мой — какая разница, если деньги до больниц так и не дошли?! Обветшавшее оборудование, которое нечем теперь заменить, — чей грех? Люди, которых теперь бесплатно не

вылечить, — чей грех?» И Лара решительно сказала:

— Я буду требовать замены следователя по этому делу. Как адвокат имею право.

— И какие ты укажешь основания?! — Муравьев чуть не подавился своим пирожком.

— Основание, что следователь лично заинтересован в исходе данного дела. Ведь так оно и есть, ему явно немалую мзду посулили.

— А адвокатская этика? Ты же будешь действовать не в интересах клиента, а вопреки им, — внимательно посмотрел на девушку Гаврилов. — Это прокуратура может такое основание выдвинуть, а не адвокат.

— Ну так выдвигайте, — грозно потребовала Лара, — а я поддержу! Или боитесь, что доказать ничего не сможете?

Маринов с Муравьевым обиженно на нее посмотрели:

— Ишь, очнулась от любовного дурмана и раскомандовалась тут! Доказать будет сложно — с поличным брать придется. Как поднимется суета с заменой следователя, Громыкин занервничает, и мы словим его на горячем. Точно словим!

— Лариса, присядь, — кивнул на ее любимое кресло Гаврилов. — Тебе явно не известен еще один нюанс этого дела.

— Какой? — Лара чувствовала себя так, словно вышла из долгой спячки, и теперь в ней буквально забурлила деятельная энергия.

— Офшорные фирмы, в которые уплыли деньги, оформлены, естественно, на подставные лица, но наши аналитики клянутся (хоть доказать и не могут), что все следы ведут в корпорацию Сантеро. И что теневое состояние Дамиана Сантеро в сотни, а то и в тысячи раз превышает официально известное.

Хорошо, что Лара сидела.

— Вы шутите? — хрипло спросила она. — Если восемнадцать миллионов долларов умножить на несколько тысяч, то получится миллиардер мирового уровня! С чего бы ему сидеть у нас в провинциальной России третий месяц?

— Ну, я вижу только одну причину — ты. Вряд ли он изначально планировал тут остаться дольше чем на неделю, — заметил Алексей Иванович, но Лара не почувствовала себя польщенной этим предположением. — Так что, подаем требование на отвод Громыкина?

— Да.

Лара попрощалась с ребятами и вышла на улицу.

«Поеду к морю, воздухом свежим подышу. Что же мне теперь делать?»

Лара, сняв модельные туфельки, шла по теплой гальке и бездумно

смотрела на белую пену прибоя. Ей вспомнился ее сон, который теперь казался пророческим. Не хватало только огня на воде и хижины у скал. Дикий пляж, на который приехала Лара, был абсолютно безлюден: туристы сюда не забредали, а у местных еще рабочий день не закончился.

— Лара! — окликнул ее Дамиан.

Девушка замерла: вдоль полосы прибоя к ней навстречу шел ее мужчина. Удивительно красивый, мужественный, умный и хладнокровный... хищник.

«Как я и подозревала ранее — укротительница из меня не вышла. Это меня приручили и под себя почти переделали!» — с горечью подумала Лара.

Дамиан встал перед ней и приподнял за подбородок.

— Что?

— Латвинов — твой сообщник? И много у тебя таких прикормышей по свету разбросано?

— Ларочка, что за сленг! Я никого не прикармливаю, все нечистые на руку люди сами меня находят. Лично я за все время своего существования не украл ни копейки. — Дамиан брезгливо скривил губы. — В отличие от большинства людей у меня нет неудержимой тяги к деньгам и обогащению. Мне не это в жизни нужно, дорогая моя кошечка.

— Однако именно ты скрываешь и отмываешь украденное, и явно не бесплатно, — возразила Лара.

— Ты права: очень даже платно. Люди не ценят и частенько даже не уважают тех, кто готов помогать им бескорыстно. А я не хочу, чтобы меня считали наивным идиотом, готовым и вору помочь по «доброте душевной».

— Неужели тебе мало тех денег, что ты зарабатываешь своим легальным бизнесом?

— Я уже объяснял, что мне нужны не деньги, — улыбнулся Дамиан, привлек к себе Лару, обнял ее, невзирая на сопротивление. — Расскажи мне, какие у тебя планы теперь на наше совместное будущее?

— Никаких! — Лара вырвалась из рук Дамиана. — Я хочу снова жить так, как жила раньше, до встречи с тобой. Мне давно предлагали место штатного государственного защитника в одном районном центре, и я решила принять это предложение. В том городе меня никто не знает, моего отца — тоже, так что буду жить, как все: на зарплату. Теперь у меня будет только одна жизнь — моя собственная, где никто не заставит и не уговорит меня делать то, что я не желаю делать. Богатой папочкиной дочкой я теперь даже пяти минут в день быть не хочу.

— И девушкой моей быть не хочешь? — Глаза Дамиана опасно

сверкнули.

Лара заколебалась. К Дамиану ее влекло неудержимо. Но жить по его сценарию она не хотела и не могла.

— Уедешь со мной? — робко предложила она. — Вернешь деньги в больницы?

Дамиан расхохотался как сумасшедший. Даже капельки слез на длинных ресницах повисли.

— Кошечка, ты меня перевоспитать решила?! Удивительное совпадение — я тоже собираюсь поучить тебя уму-разуму. Мне бесконечно надоели твои попытки вести себя приторно-правильно, чтобы, не дай бог, не нарушить матушкины повеления жить «по совести». Ты вечно сопротивляешься моему стремлению привить тебе любовь к свободному от всяких глупых запретов существованию, к яркости чувств: диких, необузданных! Почему ты все стараешься повернуть на нудные рельсы «приличий»? Даже отношения со мной пытаешься строить «нормальные», как ты это понимаешь!

Дамиан положил широкие ладони на плечи девушки и встряхнул ее.

— А тебе не нужны нормальные отношения, верно? — печально вздохнула Лара.

— Не нужны, — хладнокровно подтвердил испанец. — Мне нужно море красочных эмоций: ревность, ярость, желание удержать при себе несмотря ни на что и готовность на любые безумства, если они помогут реализовать это желание!

— К чему удерживать того, кого требуется удерживать? Я считаю, что любые отношения надо строить на взаимном доверии и уважении, а не на игре в завоевание и ревность! — воскликнула Лара. — Если тебе нужно развлечься «испанскими страстями», то это не ко мне! Я и без того долго шла у тебя на поводу!

Дамиан схватил Лару за руку и дернул к себе. Вокруг них вдруг поднялся сильный ветер, вспенились волны, небо заволокло тучами. В черных глазах испанца зажглись красные всполохи, а клыки заметно удлинились, как во сне Лары.

Дамиан склонился к лицу девушки:

— Какой вкусный свет ты сейчас излучаешь. — Раздвоенный язык облизнул ярко-красные теперь губы мужчины. — Искристо-белый свет. Как быстро вернул блеск поблекший свет твоей души. Такое глубокое раскаяние? Ты поразительна, Лара, я уже очень давно не встречал тебе подобных.

— Кто ты? — в полуобморочном состоянии прошептала перепуганная

Лара, не способная оторвать взгляда от проросших надо лбом витых, загнутых назад рогов Дамиана.

— Демон, кошечка моя. Тебе надо было внимательнее слушать маму и придавать больше значения ее словам. «Даже один грех отдает твою душу в лапы дьявола», — говорила твоя матушка. Это почти верно: он открывает демону доступ к тебе, дает возможность влиять на тебя, подталкивать к поступкам, очерняющим душу.

— Очернять, чтобы потом забрать в ад? — Ларе казалось, что она попала в кошмарный сон какого-то воинствующего храмовника, апологета веры.

— Ад — понятие абстрактное. Люди вполне успешно творят его и на земле. А у демонов все куда прозаичнее: нам, как и всем, нужна энергия, чтобы жить. Всякая энергия выделяется и поглощается в процессе преобразования. Это химическое изменение вещества, превращение атомов одних элементов в атомы других элементов, превращение воды в пар, превращение частиц и античастиц в поток фотонов и так далее. Есть и духовная энергия: она выделяется, когда светлая душа начинает темнеть, тускнеть, утрачивая присущий ей оптимизм, жизнерадостность, активное доброе отношение к окружающему миру, разнообразие творческих интересов — эта энергия и питает демонов. У людей есть понятие греха. Что такое, по сути, грехи гордыни, зависти, гнева, уныния? Это самые надежные способы утратить оптимизм и ощущение полноты бытия. Грехи чревоугодия, алчности, сладострастия — надежный метод все многообразие жизни свести лишь к одному идолу — изысканной пище, деньгам, сексу — и поклоняться только ему, отдаляясь от друзей и близких, не обращая внимания ни на что другое и ни на что другое не затрачивая душевных сил.

— А если у всех людей будут светлые души, которые не темнеют? — дала знать о себе адвокатская привычка Лары рассматривать даже самые крайние возможности развития событий.

— В Царствии Небесном демонов не будет, — усмехнулся Дамиан. — Но оно наступит очень и очень не скоро. И даже, возможно, не в этом мире, милая. А свет твоей души поразил меня при первом же прикосновении к тебе: в тебе нет ни капли зависти, нет злобы. Ты, дочь бывшего бандита, которая могла бы купаться в роскоши и привольно жить в безделье, наполнена такой бьющей через край жизненной энергией, таким бескорыстным желанием нести добро, что просто удивительно! Ты не представляешь неподражаемый вкус такого сочетания душевных качеств! Ты отдашь свою душу мне, и только мне, кошечка. Так же, как и тело.

Дамиан прикоснулся к губам Лары. Давление отросших клыков и раздвоенный язык сильно изменили ощущения от поцелуя... сделали их еще глубже и интимнее.

— Нет, — твердо сказала Лара и отстранилась.

Дамиан всмотрелся в глаза Лары и понял, что это ее окончательное решение. Раздалось змеиное шипение, глаза демона стали абсолютно красными, а кожа почернела. Он яростно встряхнул Лару, как тряпичную куклу:

— Такая слабая оболочка, ее так легко сломать, раздавить, смять. Но внутренний свет только ярче и ярче... Не зли меня, Лара, тебе не понравятся последствия моего гнева! Смирись и останься со мной. Меняй себя так, как я хочу. Я — высший демон!

Дамиан опять взгляделся в очи Лары. Ее решение осталось неизменным:

— Нет.

— Ты сама, добровольно, отдала мне свое тело, помнишь? — прорычал Дамиан. — Я изменю его так, что ты взмолишься о пощаде и сама попросишься вернуться ко мне, в мои объятия, на моих условиях.

Дамиан распрямылся. Мир вокруг закрутился черной воронкой. Яркие вспышки и сотрясения земли ошеломили Лару. Нарастающий гул давил на уши, потом раздался громкий хлопок, мир померк, но через миг снова возник перед глазами. Однако появившаяся перед девушкой картина напугала ее еще больше.

Мир стал черно-белым, как в старом кино. Моря не было, песка не было, родного города не было тоже. Лара стояла на опушке густого леса, занимавшего три четверти открывшегося пейзажа. На последней четверти раскинулось голое черно-белое поле.

«Я перестала видеть цвета — небо тоже серое, без малейшего проблеска голубого! — Лара в ужасе зажмурилась. — Спокойствие, только спокойствие, как говаривал знаменитый Карлсон», — прошептала про себя Лара и резко распахнула глаза.

Щелк. Мир стал цветным. Ура! Но таким же незнакомым... Здесь не было жаркого августа Черноморского побережья. Тут таял снег, обнажая старую прелую листву, и ощущалось наступление весны.

«Что это за место? Какие высокие здесь кусты. И пожухлая трава почти по грудь. А птицы?! Это же самая обычная ворона, а размером в половину меня!» — Лара переступила с ноги на ногу и чуть не упала лицом в грязь весенней распутицы: у нее задвигались четыре ноги вместо двух!

Лара в шоке опустила взгляд на свои ноги и узрела вместо них четыре

пушистые черные лапки. Рефлекторная попытка поднести передние лапки к лицу, чтобы рассмотреть получше, закончилась-таки падением мордочкой вниз, прямо в мокрую слякоть. Именно мордочкой — усатой кошачьей мордочкой, как она отчетливо увидела в маленькой лужице. Стало ясно, что это не кусты и трава высокие, а она маленькая — обычная кошка, только заметно крупнее среднестатистической.

Сверху раздался мрачный смешок:

— Ай-ай, какая ты грязнуля, кошечка моя! — Лара почувствовала, как ее оторвало от земли и заболтало в воздухе. — Была черноволосая, стала черношерстная.

Сосредоточившись, девушка (точнее, уже не девушка) увидела, что висит напротив лица Дамиана, и поняла, что он ее держит сейчас за шкуру, как любую обычную кошку.

— Милая моя Ларочка, я вернусь через полгода, когда ты все осознаешь, одумаешься и будешь готова добровольно отдать мне то, что еще останется от твоей светленькой души. Если, конечно, останется. Знаешь, очень трудно сохранить человеческую душу в зверином теле, но я в тебя верю. Впрочем, если моя вера не оправдается, я все равно получу все сполна, хоть и не таким приятным образом, как мне бы хотелось. Но предупреждаю: в этом случае ты останешься кошкой навсегда, так как мне просто нечего будет вернуть в твое родное тело. И напоследок: это не твой мир, кошечка. У вас есть поговорка, что дома и стены помогают, так вот: это чужие стены, чужие люди и тебе никто не поможет. Знание местного языка я вложил тебе в память, это уменьшит твои шансы погибнуть до того, как я вернусь.

Дамиан поставил кошку на землю, насмешливо послал ей воздушный поцелуй, взмахнул хвостом (!) и красочно растворился в столбе дыма.

Путаясь во всех четырех лапах и периодически падая, свежеиспеченная черная кошечка поковыляла куда глаза глядят.

Глава 6

ЕСЛИ НЕВОЗМОЖНО ИЗМЕНИТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, К НИМ СЛЕДУЕТ ПРИСПОСОБИТЬСЯ

Трудно, очень трудно привыкнуть к совершенно другому телу с иным положением центра масс, с другой координацией движений, с другими особенностями всех органов чувств. Лара слышала раньше, что животные видят мир в черно-белом цвете. Она не знала, так это или не так, но радовалась, что хотя бы восприятие цветов осталось у нее человеческим. Воспоминания о первоначальной черно-белой картинке до сих пор пугали.

А вот обоняние изменилось очень сильно: мир наполнился едкими, странными, незнакомыми запахами, большинство из которых Лара не могла идентифицировать. Она брела по опушке леса, обнюхивая все, что встречалось на пути, и старательно запоминая: вот это — запах молодой травы, а это — прелой; так пахнет кора дуба, а так — березы; вот ветер донес запахи синицы и вороны, а издалека — явно аромат какого-то зверька, но зверька увидеть не удалось. Углубляться в лес Лара боялась, понимая, что встречу с любым хищником она не переживет, так как даже убежать не сможет: лапы еще плоховато слушались. Лара выбрала дорогу через поле, надеясь, что в итоге выйдет к поселению людей: Дамиан же упоминал о том, что люди здесь есть, хоть и чужие.

«Пусть чужие, не важно, если даже близкий человек, которого я почти любила, оказался самым чужим и непонятным. И вовсе не человеком. Кормился он мною, значит. То-то мне сразу его интерес показался плотоядным, гастрономическим. Слушать надо было свою интуицию, а не либидо, Ларочка! Как ребята из следственного комитета сообщили о его пристрастии к хорошим девочкам — сразу бежать надо было, а не разыгрывать „укрощение строптивого“. Доигралась. Боже, пусть это будет просто страшный сон, ладно? И я скоро проснусь в своей постели...» Тут передняя правая лапка подвернулась, и Лара кубарем полетела в ров с холодной талой водой.

— Мя-а-ау! — разнесся над полем обиженный вопль.

«Не сон, — вздохнула Лара, отряхиваясь. — Попадалово. Ну, Дамиан, не дожدهшься ты моей капитуляции. Сдохну, но к тебе не приползу!»

Лара шла и шла, а конца полям и рощицам все не было. Она устала и немножко захромала. Смеркалось. Лара стала задумываться о ночлеге. Выбор у нее был небольшой: или запрятаться под куст и зарыться в прошлогоднюю мокрую листву, или залезть на дерево. Второй способ внушал большее опасение: Лара и в родном теле не умела лазить по деревьям, а в новом, плохо ей повинующемся, и вовсе рисковать не хотела.

Дело решил случай. Издалека послышался волчий вой, который быстро приближался. По телу прошел озноб и...

«Никогда не сомневайтесь в своих способностях, господа! Они огромны, и лучше всего вы это осознаёте, когда на вас несется голодная волчья стая! Можете проверить, — прокомментировала свой фантастический марш-бросок на вершину дуба Лара, которая привыкла мысленно проговаривать свои будущие речи в суде, объясняя мотивы, причины и следствия. — Вот и разрешилась проблема выбора, где спать, путем потери возможности выбора. Только бы не свалиться с этого дерева».

Лара посмотрела на облизывающихся внизу волков, поудобнее устроилась в развилке кроны (здесь обнаружилось довольно уютное углубление, окруженное крепкими ветвями, и шанс выпасть из этой «колыбели» был невелик) и издевательски помяукала волкам на сон грядущий. Те ответили разочарованным воем, потоптались под деревом, потом решили, что мелкой кошки им на всех все равно не хватит, и отправились на поиски более лакомой добычи.

Заснула Лара моментально: она так устала и перенервничала за день, что сил на рефлексию и осознание всего произошедшего уже не было.

Ночь прошла на удивление спокойно. Утром Лара проснулась, поднялась, привычно потерла руками лицо... и с громким мявом ткнулась мордочкой в жесткую корявую ветку дерева.

Вывод первый: передние лапки от поверхности отрывать не стоит. Вывод второй: забывать, что ты не человек, тоже не стоит. Вывод третий: срочно нужна стая голодных, злобных, страшных сов, готовых растерзать глупую кошку, сидящую на дереве. Иначе с дерева ей не спуститься...

Увы, совы, видать, уже спали и не спешили устраивать выплеск адреналина неумелым кошкам. А как без адреналина с высоченного дерева на четырех разъезжающих лапках вниз сползти? Ну, примерно так:

— Мя-ау! А-ау! — Стук, бах, шмяк. — Мя-а-а-ау-у! — Бух, трах, бах. — У-а-ау!!! — Скрежет когтей по дереву и последний шмяк. — Мяв!!!

Черная кошка встала на все лапки, степенно отряхнулась, посмотрела по сторонам с таким видом, будто только так кошки с деревьев и спускаются (а кто не так — тот бездарный недотепа), рыкнула на

изумленно взирающих на нее синиц и потрусила на поиски человеческого жилья.

Лара двинулась в путь, шагая строго на юг, так как только в этом направлении не было непроходимых лесов. Сегодня бежать было легче: мозг уже успел приноровиться к новшествам и нововведениям в управляемом им теле, лапки вместо рук рефлекторно использовать уже не давал и вообще обзаводился новыми условными и безусловными рефлексам. Отсутствие необходимости думать над каждым шагом имело и обратную сторону: у Лары появилась возможность осознать все, что с ней произошло, и тут ее накрыло лавиной ярости, злости, боли от предательства и жалости к себе.

«За что он так со мной?! За то, что не захотела быть его едой-игрушкой? Как меня угораздило на демона нарваться? Они же сказочные персонажи, вот и сидели бы в сказках, а не шастали по мирам! Как я проживу эти полгода в кошачьем теле? А питаться чем? Родители с ума сходят от беспокойства, что я пропала неизвестно где! Или не пропала? Может, кошачья душа теперь в моем теле живет?! Об этом лучше не думать: представить страшно, что там мое тело в таком случае творит... Одни вопросы и никаких ответов. Может, это все-таки сон?» — бились в голове Лары бессвязные мысли и призрачные надежды.

При воспоминании о Дамиане в душе теперь пробуждалось лишь одно яркое и страстное чувство: жажда убийства.

Тем временем на Земле, в городе на Черноморском побережье, в палате интенсивной терапии сидели у постели дочери мрачный отец и заплаканная мать. Лариса Васильевна Савельева была найдена днем без сознания на отдаленном пляже и никак не могла прийти в себя. Родители с тоской смотрели на бледную и неподвижную дочь. В палату вошел врач.

— Вы выяснили, что с моей дочерью? — обратился к нему Василий Ильич.

Врач поправил очки и откашлялся:

— Анализы, МРТ и УЗИ не выявили в организме Ларисы никаких патологических отклонений. Собственно говоря, проведенное нами подробнейшее обследование показало, что ваша дочь... абсолютно здорова. Абсолютно! Дай бог каждому такого здоровья...

Тут врач запнулся, видя, что отец пациентки побагровел и сжал кулаки.

— Здорова?! Дай бог каждому?! Она в сознание почти сутки не приходит!

— Она спит, — поспешно пояснил врач. — Летаргическим сном.

— И как ее вывести из этого сна?

Врач развел руками:

— Все, что мы могли сделать, мы уже сделали.

— А если она так и не придет в себя? — прошептала мать Лары.

Врач вздохнул и снова поправил очки:

— Мы кормим ее внутривенно, легкие и все остальные органы работают нормально, нет оснований опасаться за жизнь Ларисы. В итоге она придет в себя. Повторяю: она здорова.

В дверь палаты постучали, и вошел Дамиан Сантеро. Врач дружески приветствовал нового гостя.

— Добрый день, Елизавета Ивановна, Василий Ильич. Не переживайте, Аркадий Сергеевич очень хороший врач, он обещал мне лично следить за состоянием Ларисы. Ей будут делать все процедуры, которые смогут поддержать ее в отличном состоянии, пока она не придет в себя. Она обязательно поправится, вот увидите, — утешающе сказал Дамиан родителям Лары. В вазу на прикроватном столике он поставил девять белых роз.

Отец Лары вымученно улыбнулся и кивнул, а мать подозрительно посмотрела на молодого человека:

— А вы не знаете, зачем она поехала на тот пляж? Она была там не с вами?

— Лиза, нам ведь уже сообщили, что Лара уехала из здания прокуратуры одна и на своей машине. И ее машину нашли рядом с этим пляжем. Она была одна! — устало напомнил Василий Ильич.

— Я не знаю, зачем Лара поехала на пляж. Мы договаривались с ней, что встретимся вечером после работы, — печально поведал Дамиан и пригладил черные локоны Лары. — Я так же, как и вы, надеюсь на ее скорое возвращение к нам.

И ведь ни единого слова неправды не сказал!

Утро пришло и ушло, а у Лары маковой росинки сутки во рту не было. Она сильно проголодалась, а человеческих поселений на горизонте еще не мелькало. Лара бежала по полям, обнюхивая все, что казалось съедобными, но не находила ничего. Только воды в многочисленных лужах было вдоволь. Кошачий организм не был наделен брезгливостью и спокойно употреблял талую воду. Многочисленные птички разных цветов и размеров щебетали на проталинках. Они и прежде встречались, но теперь Лара смотрела на них другими глазами. Неотступное чувство голода пробудило в ней хищнические кошачьи инстинкты. Лара попробовала подкрасться к

птицам, но они были слишком проворны для охотницы-новичка и всегда улетали вовремя. Промучившись битый час, Лара была вынуждена признать, что птицы хоть и пища, но пища недосыгаемая. Над вопросом, сможет ли она съесть сырую неоципанную птицу, Лара предпочитала не задумываться. А тот общеизвестный факт, что исконной едой кошек всегда были мышки, задвинула в самый отдаленный уголок сознания. Лара всю жизнь панически боялась мышей, и никакие появившиеся вдруг кошачьи повадки не могли излечить этот иррациональный страх перед маленькими, беспомощными, хвостатыми серенькими существами.

А днем ветерок донес до чуткого кошачьего носа запахи человеческого жилья: горящих дров, готовящейся еды (кошка облизнулась), хлебов и конюшен. Лара приободрилась и понеслась вперед.

Открывшийся с холма вид на селение напоминал декорации к фильмам про Россию времен Екатерины Великой: бревенчатые крестьянские дома, хлева с покосившимися крышами, гарцующие в загонах кони, стада коров и овец, пасущиеся на берегу широкой реки, петлявшей по долине. В центре села стояло несколько домов подорожнее и побольше, с несколькими крыльцами и флигелями. Одежда людей суконная, явно домотканая, подпоясанная бечевками. Мужчины все поголовно бородатые, а женщины с длинными косами и в платках. В домах на окраине, как и на Руси-матушке, обитало население бедное, избы некоторых даже топились по-черному. Однако на всех улицах было удивительно чисто, дорожки посыпаны толстым слоем речного песка, через сточные рвы перекинута чистые добротные доски, выгребные ямы находились далеко за линией села и не портили свежий воздух «ароматами», которыми отличались в родном мире средневековые города.

Триумфальный бег Лары к цивилизации был прерван появлением коренного пушистого и четырехлапого населения деревни: путь ей преградили два кота и кошка.

— Мя-ау! — предостерегающе и грозно высказалась белая пушистая киса.

То ли все кошки не обладают способностью понимать мяуканье друг друга, то ли Лара уродилась такой бездарной, но перевод этого «мяу» был ей неизвестен. Впрочем, в некоторых случаях толмач не нужен. В университете и в конторе Лара вращалась преимущественно в женских коллективах, где всегда складывались условия, выжить в которых мог далеко не каждый. И Лара давно уяснила для себя, что главное для новичка в любом серпентарии — это умение постоять за себя (причем это умение нужно ненавязчиво продемонстрировать с первого же шага, иначе второго

может и не быть) и умение установить границы в общении с коллегами.

Лара выгнула спину, распустила шерсть и чуть повернулась, демонстрируя габариты, превосходящие размеры членов встречающей делегации. Потом лениво зевнула и громко клацнула белыми зубками. Очередное «мя-ау!» прозвучало тоном тише. Лара спокойно пошагала навстречу белой кисе, угрожающе рыкнула на попытку той мявкнуть еще раз и, не оглядываясь, такой же размеренной трусцой вбежала в село. Недовольное сопение оставленных за спиной котов Лара расценила как согласие на вооруженный нейтралитет.

Влекомая вперед чарующим ароматом вареного мяса, Лара, не обращая внимания на лай привязанных во дворах собак, перебежала дорогу и доверчиво подскочила к полной женщине в цветастом фартуке, которая варила на уличном очаге какую-то похлебку.

— Му-ур-р, — вежливо попросила Лара мисочку похлебки.

— А-а! Черная кошка! — завизжала женщина и бросила в нее железный ковш. — Пошла отсюда, окаянная, без тебя тошно, нечего еще несчастий кликать!

От ковша Лара увернулась, но на крик матери выскочили из-за всех углов пацанята и начали обстреливать кошку камнями. Лара пустилась наутек.

«Это что за предрассудки и мракобесие?! Чем вам черный цвет не угодил? Все цвета равны перед законом!.. О чем это я? „Гринписа“ на них нет! И общества по защите животных! — Лара забилась в щель под полом старого сарая, встретившегося на пути бегства. — И что мне делать, как раздобыть себе еды, не нарушая уголовный кодекс? Заработать на похлебку? Не смешите! — Лара недовольно посмотрела на черные лапки. — Милостыню черной кошке тут не подадут, это уже ясно. Кормушек для бездомных животных что-то тоже не видно, и даже свалок, что поразительно, тут нет. С голоду помирать? Или стащить что-нибудь потихому? Меня всегда бесили высокопарные речи нашего прокурора на суде, когда он рассуждал на тему того, что любой, кто хочет работать и жить честно, может так и жить. Наивные и опасные разговорчики! Люди месяцами работу ищут, даже дворником устроиться не могут! Что им есть?! Что мне есть?!»

Отдышавшись, Лара с опаской выглянула из-под сарая: жестоких кошконеавистников вокруг не было. Есть хотелось очень сильно, и Лара стала продумывать варианты действий. На глаза попались двое мальчиков, сильно похожих друг на друга, но один — постарше, а второй — помладше. Ребята бодро шагали в сторону реки и тащили на плечах палки с узлами.

«В большем узле — картошка, тушенная с мясом, — сообщил всезнающий кошачий нос, — а в меньшем — медовуха».

Медовуха Лару не заинтересовала, а вот мясо... Лара прислушалась к разговору мальчишек: два брата несли на речку обед для отца и деда, которые с утра ушли на лодке рыбу ловить. Лара тихонько кралась следом: дети беспечно болтали друг с другом, выдумывая разные страшилки, и ничуть не беспокоились о сохранности своего груза, а это давало надежду на возможность урвать кусочек, когда они в очередной раз на что-нибудь отвлекутся. Голод окончательно подавил нежелание дипломированного юриста нарушать статью 158 УК РФ под названием «Кража».

Тем временем младший брат вдохновенно врал про то, что в лесу водится страшный дикий леший, который заманивает детей в чащу и водит их кругами, пока те не умрут от усталости.

«А может, и не врет. Если демоны существуют, почему бы и лешим не быть», — хмыкнула про себя Лара. Но воспоминание о Дамиане и его поступке отдалось в душе острой болью, и Лара постаралась целиком сосредоточиться только на мальчишках и еде.

— Это не страшно, — снисходительно молвил старший. — Это ты мамины истории пересказываешь. Она специально их рассказывает, чтобы мы без взрослых в лес не ходили.

— Ты в леших не веришь? — спросил младший брат и посмотрел на старшего как на величайшего авторитета по вопросам лесной нежити.

— Верю, вестимо. Тут и спору нет, что лешие в лесу обитают. Только чего их бояться-то? Чтобы не потеряться, иди всегда на солнце и к селу выйдешь. А если солнца нет — иди туда, куда муравейник у дерева повернут, и все, — важно пояснил старший мальчик. — Самая опасная тварь в лесу — это не леший, а... лешехвост, вот!

— Какой еще лешехвост? — засомневался младший. — Выдумываешь!

— Ничего не выдумываю! Его Илька видел, и Анритка видела тоже. Лешехвост — он такой... весь черный, покрупнее кошки, одет в жуткие лохмотья, а из-под лохмотьев черный хвост торчит. Голова — как горшок глиняный, а воет так зловеще, что помереть со страху можно.

— А лешехвоста приручить можно? Если я ему понравлюсь, например? — с серьезным видом спросил младший.

— Лучше молись, чтобы ты ему не понравился, — зловещим шепотом проскрежетал старший. — Они не приручаются, они людей едят!

— Ой! — Младший стал испуганно озираться вокруг. — Прямо целиком едят?

Старший с превосходством посмотрел на брата:

— Конечно, целиком. А ты думал, надкусят и выплюнут? Они под воду маленьких детей затаскивают и съедают там, понял?

Младший поежился и оробело посмотрел на речку:

— А лешехвосты где водятся?

— К воде поближе, сам понимать должен! Они же добычу вначале топят, а потом уже заглатывают ее потихоньку-потихоньку: сперва ноги, потом туловище, потом...

Младший всхлипнул от ужаса и взмолился:

— Хватит, хватит! Врешь ты все про лешехвоста, нет таких зверей!

Старший брат с умным видом стал доказывать, что лешехвосты в их краях кишмя кишат и все про них знают, а младший дрожал и озибался. Лара пристально следила за большим узлом. На берегу мальчики поставили оба узелка на траву под куст и пошли к реке — платками цветастыми махать, родных на обед звать.

Лара оперативненько шмыгнула под куст и впилась зубами в шерстяной платок, которым был обвязан теплый горшок. Покуда мальчики звали отца и деда, платок развязался. Пока Лара катала горшок по земле, пытаясь выдернуть зубами деревянную затычку, которую нехорошая хозяйка засунула в широкое горлышко, шерстяной платок рвался и обматывался уже вокруг Лары, но она не обращала на это внимания. Затычка со скрипом вылезла из горшка, и Лара с упоением сунула нос внутрь: там действительно было мясо с картошкой. И все бы хорошо, но кошачья голова в горшок не влезала, а вытряхивать свой обед на землю не хотелось...

Лара обхватила горшок передними лапками, покрепче уперлась задними в землю и протиснула-таки мордочку в горшок. Гип-гип, ура! Вкусно!

— Чавк-чавк, — доносилось теперь из горшка. (Лариса Васильевна была девушкой воспитанной, но кошки есть не чавкая не могут в принципе.)

Лара очень проголодалась, так что еда закончилась быстро. Тревожась, как бы ее не застигли на месте преступления, Лара дернула голову из горшка, намереваясь смыться по-быстрому, но голова застряла накрепко...

Братья, стоявшие у реки, увидели, что лодка отца направилась к берегу, и двинулись к узелкам, чтобы разложить обед по глиняным тарелкам. Куст, под которым они оставили снедь и утварь, подозрительно раскачивался.

— Там кто-то сидит, — перепуганно прошептал младший брат и

ухватил старшего за руку.

— Да ну, ветром качает, кто там может быть? — усомнился старший.

— Лешехвост!

Старший только фыркнул, но огибали куст братья очень медленно и опасно.

Сперва они увидели черный пушистый хвост.

— А, это простая кошк... — облегченно выдохнул старший брат, но договорить не успел: показалось обмотанное рваными тряпками тело.

— Ой! — тихо пискнул младший.

И тут показалась голова-горшок.

— Ой-ой! — громко воскликнули оба брата и шарахнулись от куста.

А Лара совсем отчаялась вылезти из горшка. Паника затопила ее разум, измученный событиями последних дней, и кошка, вскинув голову в шлеме-горшке, истошно завывала в полный голос. Гулкий, усиленный горшком, тоскливый звук разнесся над рекой.

— ЛЕШЕХВОСТ!!! — завопили братья и дали стрекача, сверкая пятками.

«Засекли!!!» — завопила мысленно Лара и тоже засверкала всеми четырьмя пятками.

Бежать куда глаза глядят можно только в том случае, если глаза глядят. Если же они закрыты горшком, то бежать весьма трудно и опасно. Лара споткнулась о первый же корень и полетела кубарем. На пути отчаянно вопящей кошки оказался камень. Бах! И голова освободилась из плена. Не обращая внимания на звон в ушах, Лара неслась к лесу. Очень удачно ей попало большое дерево с широким дуплом метрах в трех от земли. В этом дупле и затаилась несчастная (но хотя бы уже сытая) попаданка.

«Докатилась ты, Лариса Васильевна! Адвокат-защитник, слуга закона — ворует и детей пугает! Нехорошо! Впрочем, кусок хлеба голодному не подать — тоже плохо. Как жить?

Куда пойти, куда податься?

Полгода мне не продержаться...

Стихи, сочиненные кошкой, сидящей в дупле. Дамиан, демон, чтоб его, если закинул меня не пойми куда, да еще и в кошачьем теле, то где бонусы в этой сказке?! Скатерти-самобранки, например? Василисы Премудрые, способные лягушачью (и кошачью) кожу с человека снять? Способность говорить голосом человеческим? Ни-че-го! Я — обычная

крупная кошка, бездомная к тому же. Как жить?»

Философские рассуждения о бытии плавно переросли в тихую истерику. Лара не желала жить в кошачьем теле! Она не понимала, как вообще человек может существовать в теле животного! Мышами питаться?! Лару тошнило от одной мысли о такой «диете». А ловить этих мышей как? И где?! Где водятся мыши, господа? Вы хоть раз в жизни видели, как по лесу бегут табуном мыши? Лара иногда издали замечала зайцев. Может ли кошка поймать зайца? Если да, то что с ним потом делать? Грызть окровавленный трупик?! Сознание-то осталось человеческое! Если в этом теле когда-то и обитала кошка, то сейчас она либо переместилась в другое место, либо схоронилась так, что ни слуху ни духу о ее сущности не было. Так что варианта жить голыми инстинктами просто нет: не проснулись в Ларе ни азарт охотника, ни тяга к сырому мясу.

К вечеру Лара ошалела от отчаяния и невозможности найти выход из положения. А еще у нее затекли все лапки от долгого сидения в тесном дупле, и она решила покинуть убежище и размяться.

Уже стемнело. Тихо шелестел камыш на реке. На берегу Лара нашла обрывки большого шерстяного платка, который сдернула с горшка с едой. От нечего делать Лара оттащила все тряпки в дупло — если придется в нем ночевать, то теплее будет. От мысли, что ей действительно теперь придется жить в дупле и питаться ворованной едой, Лара захотела взвыть, но вовремя спохватилась, что теперь она не царь природы, а всего лишь мелкий хищник. Даже полухищник: охотиться-то она не умела. А вот другие жители леса были куда более умелыми специалистами в этом вопросе, и ей не стоило привлекать воем лишнее внимание к своей особе: дупло — не крепость, а четыре лапки — не колеса «мерседеса». Не спрячешься и не убежишь. Так что Лара тихонько прокралась к своему дереву обитания и затихарилась в нем до утра.

Глава 7

Я — КОШКА. ПРОСТО КОШКА

Так и потекли дни: утром набеги на поселок с целью утащить хоть кусок хлеба, днем вражда с местными кошками (как-то раз Ларе даже подраться с одной киской пришлось; к счастью, она осталась победительницей в схватке, сумев придавить тощее тело соперницы к земле своей крупной тушкой), а вечером — беспросветная тоска и одиночество. Полное одиночество: с людьми отношения так и не сложились (черных кошек тут действительно боялись и считали причинами чуть ли не всех несчастий), а про кошек и говорить нечего — общение с неразумным животным полностью человеческого общества не заменит никогда и никому.

Потихоньку на место ярости и злости, желания непременно выжить и доказать всем высшим демонам, что с русскими девушками шутки плохи, пришли уныние и апатия. Лара перестала вслушиваться в речь людей, перестала следить за жизнью села — ей теперь не было дела до этих двуногих, которые яро ненавидели Лару только за цвет ее шкуры. Она стала хитрой и ловкой воровкой, которая умудрялась прямо из ведра напиться молока, пока доярка кидала корм корове, умела скинуть тяжелую крышку с оставленного без присмотра котла на столе, умыкнуть пойманную рыбку у мальчишек, удививших на речке (сырую рыбу Ларе и в бытность человеком в японских ресторанах есть доводилось, и тут чувство отвращения ей не мешало).

Тяжелее всего переживались вечера. И не только потому, что они частенько были голодными. Самой страшной пыткой для Лары стало вечернее безделье. Кошка не может почитать книгу, не может посмотреть телевизор, не может посидеть за компьютером, общаясь с друзьями и играя в игры, не может пойти в гости и поболтать, даже из дупла выйти не может (у Лары уже случались ночные встречи с хорьками, совами, лисами, волками, и теперь она с наступлением темноты предпочитала сидеть тише мыши). Кошка ничего не может, только тихо сидеть в узком холодном дупле. Попробуйте вечером хоть два часа молча посидеть на стуле, смотря в темноту, без телевизора, музыки, людей вокруг! А у Лары так проходили все вечера. Это была мука мученическая. Лара пыталась «читать» любимые книги по памяти, вспоминать все просмотренные когда-то спектакли и

фильмы, даже школьные задачи по геометрии в уме решать — тоска и скука только усиливались. И постепенно Лара прекратила эти попытки. Апатия все сильнее овладевала ею.

Все эмоции перегорели. Лара уже смутно помнила лица родителей и Дамиана, не чувствовала ни тоски по ним, ни желания увидеться, ни желания отомстить (Дамиану, естественно). У нее сохранились только самые примитивные желания: поесть, поспать, согреться. Лара медленно, но верно превращалась в настоящую кошку. Стала не любить воду и теперь предпочитала вылизывать свою шерстку, а не бродить у берега в холодных волнах реки. Полюбила валяться на нагретых весенним солнцем камнях, бездумно щурясь на голубое небо. Эскапады по добыче пропитания теперь по-настоящему развлекали, и у нее даже появились приятели среди котов и кошек, готовые разделить с ней эти приключения (и добычу, само собой). Это превращение девушки в кошку не было удивительным: человек не способен жить в вечной ненависти к собственному телу, он либо смиряется с ним (коли изменить не может), либо заканчивает жизнь самоубийством. Лара смирилась, подавив первые же суицидальные устремления в душе.

Когда весна окончательно вступила в свои права, распустив по оврагам желтые звездочки цветов мать-и-мачехи, а уходящая зима могла только огрызаться утренними заморозками, кошка-Лара проснулась от громких резких звуков, похожих на выстрелы. Кошачий нос сообщил, что в воздухе отчетливо пахнет порохом (этот запах Ларе уже был известен — местные охотники ходили в лес с ружьями, чем-то похожими на мушкеты, как их изображали на старинных картинах и гравюрах, только стволы были тоньше и на них крепились блестящие длинные металлические штыки).

«Сегодня в село лучше не соваться», — лениво подумала черная кошка, выпрыгивая из дупла и направляясь к речке, чтобы половить лапой глупых подросших мальков, которых ей иногда удавалось поймать.

Никакого интереса к событиям, происходящим у людей, кошка не испытывала.

Кошачья сущность в новом теле Лары тихо и незаметно брала свое, потеснив навязанную ей человеческую душу...

Дамиан Сантеро вышагивал по черному мраморному полу роскошного дворца, который владыка демонов создал себе на необъятных просторах Темного мира. Дамиан был в своем истинном облике: к иссиня-черным волосам и неземной красоте черт лица добавились витые черные рога, темная кожа, красные полные губы и чуть выглядывающие клыки, а также упругий длинный хвост с очаровательной пушистой кисточкой на конце.

Когти на руках и ногах, в черных радужках глаз вспыхивают язычки пламени. В Темном мире Дамиану не от кого было прятать свой облик, владыка бы только удивился, приди Сантеро под человеческой личиной. Владыку демонов звали также Темным Владыкой. Кто звал? Все демоны да высшие силы всякие и их приспешники среди вечных созданий. Дамиан звал Темного отцом, так как тот действительно являлся его биологическим отцом, а матерью была безвестная и давно почившая человечка из мира Сайр, в который он и отправил свою Ларочку на перевоспитание. Ла-арочка, его ласковая кошечка, такая яркая, светленькая... была. Вку-усная, даже сейчас вкусная.

Мечты Дамиана о скором возвращении в его постель нежной и теперь уже покорной всем его темным желаниям Ларочки прервал голос отца:

— Ты хорошо подумал, когда перемещал эту девчонку? Ты влил в нее слишком много своей силы, теперь ты связан с ней: ты можешь сейчас насытиться только ее энергией, и так будет, пока она не умрет или пока ты не выпьешь ее до самого конца, только тогда ваша связь разорвется.

Дамиан беспечно пожал плечами:

— Не понимаю, о чем ты переживаешь. Лара отдает мне столько энергии, что дополнительная подпитка и не требуется. Я даже становлюсь гурманом: раньше я не замечал особого вкуса у уныния, но у Лары даже оно отдает медом.

— Да, сейчас ее душа тускнеет, и ты сыт. Но если она воспрянет духом, вернется к жизни, к совершению поступков?

— Брось, пап, — махнул рукой Дамиан, — какие поступки может совершить кошка?

— В ее ситуации даже ежедневное повторение таблицы умножения сочтут за поступок и проявление недюжинной силы воли, — проворчал Темный и нервно затарабанил пальцами по ручке глубокого кресла, в котором сидел. — Ты вспомни, как хорошо она держалась первое время, — ты еле дышал после этой своей выходки, когда пришел ко мне. Зря ты связался с такой светлой девчонкой, очень зря.

— Я высший демон, я твой сын, мне не пристало питаться темно-серыми преступными душонками, доводя их цвет до угольно-черного. Этим пусть низшие демонята занимаются, — надменно заявил Дамиан и отбросил с точеного красивого лица шелковистую прядь волос. — У светлой энергии совсем другой, глубокий и насыщенный вкус, ты же сам знаешь.

— Я знаю, что эта энергия может погубить демона, связанного с такой душой. Если эта девочка сейчас начнет светлеть, то пойдет обратный

процесс, и она выкачает из тебя всю твою энергию, а ты испытаешь невероятные муки.

— Не начнет, она же не святая и не исполин духа. Просто хорошая девочка. Хотелось бы, чтоб таких было побольше. Ангелы плохо справляются со своей работой, а из-за их халатности демоны скоро голодать начнут! Если не останется светлых душ, мы исчезнем и без Царствия Небесного! Парадокс Вселенной: демон жалеет, что хороших светлых людей становится меньше! Может, в ангелы пойти, пусть меня научат?

— Не шути так, — нервно пресек шутки Дамиана его отец. — Именно сладкими светлыми душами нас, демонов, и заманивают в силки высшие силы, а мне очень не хочется терять еще одного сына.

Дамиан и Темный мрачно помолчали.

— Все будет хорошо, папа. Лара станет моей: душой и телом. Всей душой и всем телом, — тихо промолвил Дамиан.

— Хорошо, если так. Ты еще слишком молод, всего двести лет, — это младенческий возраст для демона. Тебе еще нравится играть в чувства со своими жертвами, и ты не отдаешь себе отчета в том, что можно сильно заиграться. Не забывай, насколько ты слаб и ограничен в возможностях под человеческой личиной! По сути, обычный человек. Тебе даже для телепортации нужно принимать истинный облик, а это почти всегда — невозможность сохранить личину в мире, если есть свидетели такого обращения. Впрочем, если ситуация начнет выходить из-под контроля, то устроить смерть обычной кошки в любом мире несложно.

Дамиан вздрогнул от этих слов отца: он не желал Ларе смерти, он просто хотел заставить ее принять его правила игры. Как только его сладкая девочка признает, что была не права, и начнет вести себя как положено, перестанет мучиться угрызениями совести по всяким ничтожнейшим поводам, он вернет ее в родной мир и в родное тело, которое ему так понравилось любить...

Глава 8

ГЕНЕРАЛ ЛЕОН АРДАМАС

Прошло несколько дней. Кошка лежала на теплом камне, ее черная шелковистая шерсть блестела на солнце. Она не обратила особого внимания на легкую поступь двух знакомых (как сообщил кошачий нюх) котов. На их приветливое урчание внимания не обратила тоже. А вот на попытку подмять ее под себя!!!

Лара очнулась резко, будто ее спящую с кровати в ледяную прорубь кинули. Вскочив с грозным рыком, Лара сбросила с себя и со своего камня любвеобильных кошаков. Те с громким мурчанием подскочили снова.

Вдарив когтистой лапой по наглой кошачьей морде одного и хватанув клыками другого, Лара бросилась наутек.

«Нет-нет! Это происходит не со мной, сколько можно?! Я не допущу, чтобы меня изнасиловали два облезлых кошака! Лучше уж смерть!» И Лара с отчаянием бросилась в реку.

Коты разочарованно замяукали, но в воду лезть не решились.

Ах, какой противной показалась теперь Ларе вода! Она всплыла на поверхность, кашляя и отплевываясь. Лара понятия не имела, умеют ли кошки плавать (никогда ранее на такие эксперименты она не решалась) и какие следует делать движения. Но все оказалось просто: положение и движения кошки при плавании те же, что и при ходьбе, и Лара успешно продвигалась к берегу. Ее, конечно, снесло течением вниз по реке, но не сильно далеко. Зато когда Лара выбралась на берег, на нем не было уже никаких котов.

«Все, надо на что-то решаться. Тупо существовать трущобной кошкой в ожидании демона-спасителя я больше не буду, — ультимативно сказала себе Лара. — Я — человек! Пусть в кошачьей шкуре, но человек! Должен быть выход, он всегда есть, как убеждают все наши психологи и психиатры. И потом: если есть демоны, то должны быть и ангелы, колдуны всякие, которые смогут подсказать, как мне вернуть человеческое тело. Уж всякие бабки-ведуньи точно есть! Про них так много говорят на Земле, что они просто обязаны быть! Кстати, это село, где я уже много дней побираться, — большое, может, и в нем умные старушки водятся, а я даже прознать про них не попыталась, дура!»

Лара отряхнулась и понеслась в село. Ее душа, проснувшаяся после

целого месяца спячки, горела жаждой действий, а сердце дробно стучало в груди и порой подкатывало к горлу. Тогда Лара судорожно сглатывала и неслась дальше — искать бабушек-ведуний и прочих мудрецов, способных подсказать ей, что делать дальше. Как она будет общаться с ними в кошачьем облике, Лара не знала, но верила — мудрые, чистые душой люди и кошку без помощи не оставят.

При приближении к селу Лара снова услышала звуки выстрелов. Когда она взлетела на вершину холма, с которого открывался вид на поселение, то увидела картину боя: с десятков бородатых мужиков злобного вида вели перестрелку с людьми в форме, которых было значительно больше, да и вооружены они были лучше. Местного населения, которое Лара уже хорошо знала в лицо, не наблюдалось.

«Вероятно, по домам попрятались. Откуда эти бородатые мужики здесь взялись? И когда? — Лара подсадовала, что так отошла от человеческой жизни. Потом припомнила, что пару дней назад тоже слышала выстрелы. — Это, поди, бандиты на село тогда напали, а теперь их местный ОМОН накрыл».

Тут бандитам в тыл ударила конница, и все быстро закончилось. Бородатых мужиков повязали и споро вздернули на первом же дереве.

«Суд Линча, смотрю, в этом мире процветает, — в ужасе подумала Лара. — Ни суда, ни следствия, ни моратория на смертную казнь. Заслужили ли эти мужчины высшую меру? Какие преступления они совершили, что им даже в последнем слове отказали? По каким причинам они в разбойники подались? Может, оголодали просто, а их... вот так!»

Отрядом солдат командовал высокий и широкоплечий мужчина на гнедом коне. Было сразу видно, что именно он тут высшая и бесспорная власть, — так повелительно взмахивал он рукой, так низко кланялся ему староста села. Слов Лара из-за расстояния и шума расслышать не могла, но видела все довольно отчетливо. Повели этого командира в лучшую избу. Перед входом он снял с головы шапку типа «шлем», и Лара увидела, что волосы у него каштановые. Кстати, этот мужчина был без бороды, что удивляло: или он очень молод (что вряд ли, иначе не командовал бы тут солдатами), или выбрит (такого Лара тут еще не видела, все селяне носили бороды).

Лара опасливо вошла в селение, черной тенью скользя по обочинам дорог и прижимаясь к стенам домов. Теперь она внимательно вслушивалась в речи людей. Все жители в один голос благодарили Бога и генерала за избавление от бандитов-душегубов. Разбойники и впрямь причинили немало бед: убивали и насильничали направо и налево,

выносили все, что находили в домах. Когда селяне попытались отправить гонца за помощью в регулярную армию с вестями о творящемся беспределе, то бандиты, поймав молодого парня, убили не только его, но и всю его семью на глазах у всего села вырезали, чтоб другим неповадно было. В итоге к генералу Леону Ардамасу смог добраться сынишка мясника Ларса, совсем маленький мальчик семи лет. Вот этот генерал и прибыл на помощь со своим отрядом.

Узнала Лара и другие новости (это для нее новости, а для жителей — давно известные факты, но она раньше не прислушивалась к рассказам людей). Страна, в которую судьба забросила Лару, называлась королевство Картум, и воевала эта страна с соседом на юге — королевством Солликия. Война уже близилась к концу, и солликийцы должны были вот-вот капитулировать, но местное население не верило в скорую победу, и была у них серьезнейшая причина для такого недоверия. Когда Лара услышала эту причину, она чуть не захлопала от радости в ладошки (были бы еще ладошки...). Оказывается, всем известно (ну, это как всегда): Слепая Ведунья предсказывала, что солликийцы попробуют чужими руками убить brave генерала, который добился победы в этой кровопролитной войне, и, если им это удастся, — потеряет Картум свою победу. Имя brave генерала Слепая Ведунья не сообщала, но все были уверены, что речь в ее пророчестве шла именно о Леоне Ардамасе. Говорили селяне и о том, что лорд Ардамас — гений военной стратегии и тактики, что до начала войны этот высокородный лорд был негласно отлучен от королевского двора, но за время военных действий стал знаменитым военачальником, хоть многие высокородные до сих пор плетут против него интриги (это говорилось шепотом, и Ларе оставалось только поражаться осведомленности деревенских жителей о делах королевского дворца; впрочем, она помнила еще о том, что в России тоже сарафанное радио работает на «ура» и частенько оказывается осведомленнее и честнее радио официального). То, что генерал впал в немилость, косвенно подтверждалось самим фактом его присутствия на линии фронта, в отдаленном селе. Кстати, пойманные бандиты были дезертирами из армии солликийцев.

«А я пузо на солнышке грела, пока тут людей убивали да пока семилетние дети подвиги совершали! Тьфу, настоящей кошкой стала, аж противно думать, что это я. Не знаю, смогла бы чем помочь или нет, но просто не знать... не интересоваться... Хорошо, что теперь в себя пришла. И сведения об этой Слепой Ведунье очень обнадеживают, надо разыскать ее», — решила Лара.

Шепотком говорили селяне и о том, что генерал Ардамас ради

спасения своей страны душу дьяволу продал, чтоб тот ему в войне победить помог, и Лара в очередной раз поразились суеверности местных жителей, которые даже заслуги национального героя готовы списать не на его ум, храбрость и сообразительность, а на дьявольские происки.

Лара сидела у распахнутой двери дома, в котором разместили раненых солдат, прячась в зарослях дикого винограда, опутывающего крыльцо, и слушала, как генерал дает указания и распоряжения старосте относительно их лечения и ухода, вручая деньги на содержание пострадавших в схватке с бандитами. Сам генерал собирался завтра покинуть село, а раненых — оставить вплоть до выздоровления. Староста заверил, что за солдатами тут будет самый лучший присмотр и в обратный путь их с пустыми руками не отправят: едой и одеждой снабдят.

Генерал вышел на улицу, но рассмотреть его Лара толком не успела: юноша в военной форме подвел к нему гнедого коня, и военачальник ускакал.

«Да и зачем мне его рассматривать? Надо бы прознать, где Слепая Ведунья обитает», — подумала Лара.

Мимо прошли два заросших бородами солдата, шепотом что-то обсуждавшие. Их подозрительный вид и вороватые взгляды по сторонам пробудили в черной кошке адвокатско-юридические инстинкты. Ларе припомнилась ее студенческая практика в следственном комитете у Гаврилова: она тогда многое повидала и многому научилась.

«Так, хватит себя жалеть, а то окончательно в животное безмозглое превращусь. Тряхну стариной: посмотрю, что эти элементы уголовного вида замышляют. И вообще, надо бы к какому дому прибиться — сколько можно на улице жить? Кошки — животные домашние. Решено — надо выбрать себе хозяина! Не все же тут такие суеверные, как жители этого богом забытого села. — Лара подавила чувство внутреннего протеста при мысли о том, что у нее будет „хозяин“, и домыслила: — Кошки — животные весьма умные и свободолюбивые, так что посмотрим, кто кому еще хозяином или хозяйкой станет. У Карины дома хозяйкой однозначно ее кошечка была — спала на пуховой перине, мягче чем у самой Карины, и питалась исключительно дорожными деликатесами вроде лосося и парной телятины. Это на себе моя подруга могла сэкономить, а кисуле — все самое лучшее».

Лара с независимым видом побежала за солдатами, прислушиваясь к их разговору: чуткие кошачьи ушки легко улавливали каждое, даже самым

тихим голосом произнесенное, слово.

«Идеальная маскировка у меня, Маринову и Муравьеву такая и не снилась. Интересно, если я смогу вернуть свое прежнее тело и мир проживания (не если, а когда, Лариса Васильевна!!!), то способность обращаться кошкой у меня сохранится в виде бонуса? Недаром же столько историй про оборотней написано, вдруг они так и появляются?» Лара старательно взращивала в себе позитивный взгляд на ситуацию, опасаясь, что иначе снова провалится в пучину уныния.

Один из мужчин шептал другому:

— Первая красotka на селе была. И лицом пригожа, и телом... — Тут солдат выразительно обвел руками свой коренастый торс, показывая размеры достоинств обсуждаемой девицы. — А когда отряд бандитский занял это село да временную стоянку здесь устроил, так и насильничали девку всей оравой. Главарь первый на целую ночь к себе ее забрал, а утром и другим дал потешиться. Прочих девок родные в погребах далеких заранее попрятали, как только приближение банды заметили, а эта с бабкой своей на отшибе живет, опасность проглядела.

— Если генерал узнает, вздернет нас на первом же дереве, — шептал второй. — Да и девке уже досталось — говорят, совсем безумная стала, никого не узнаёт, все время в одну точку смотрит. И бабка от горя речи лишилась.

Парочка негодяев уже вышла на окраину села и приближалась к одинокому домику. Первый мужик опять зашептал настойчиво:

— Так нам-то и на руку, что рассказать о нашем визите некому. А девка все равно уже умом тронулась, какая ей теперь разница, сколько мужиков с нее пробу снять успели: десять или одиннадцать? Никто и не узнает, что мы на огонек к ней заходили. Бабке монет дадим, чтоб не вякала, если даже голос вернется. Красивая девка, а у меня месяц бабы не было! И неизвестно еще, когда будет, наш главнокомандующий шибко благородный, трогать никого не разрешает. Почему нашим врагам все можно, а нам ничего нельзя?

От услышанного у Ларисы шерсть встала дыбом, а из пасти вырвалось грозное рычание:

«Гады! Мерзость какая! Освободители, называется! Сдохну, но вам малину попорчу!»

И кошка решительно прыгнула за порог, когда солдаты распахнули входную дверь. На нее лишь случайный взгляд бросили.

Домик был маленький: всего одна комната, разделенная на две части — спальную половину и кухню. Пахло травами и дымом очага. В

постели лежала пожилая женщина, а за столиком сидела молоденькая рыжеволосая девушка, смотревшая в окно отсутствующим, пустым взглядом. У Лары дрожь по хвосту пробежала от этого стеклянного взгляда: она уже видела один раз такой же у подростка, как раз перед тем, как он с крыши девятиэтажного дома на асфальт сиганул.

Старуха на кровати приподнялась и промычала что-то.

— Лежи тихо, — рыкнул один из солдат и задернул занавеси, закрывавшие постель женщины.

Второй закрыл дверь на засов и двинулся к девушке.

— Красавица, приголубь одинокого мужчину, — прохрипел он, протягивая руки к безучастной девушке.

Та и не шелохнулась.

«Что делать? Думай, Лара, думай! Голова хоть и кошачья, но мозги-то человеческие остались! Надо поднять шум, чтобы соседи услышали: девушка и бабка кричать не могут. Мое мяуканье из-за закрытых дверей никто не услышит, а если и услышит — никак не отреагирует. Выводы?»

Лара припомнила расположение дома относительно деревни и помчалась на чердак. Никто и внимания не обратил на проشمывнувшую по лесенке кошку. Животное — оно и есть животное, бродит где хочет, чего с него взять? Тусклое треснутое маленькое чердачное оконце со звоном вылетело от удара старой медной лампы, которую метко запустила кошачья лапа. Вслед за стеклянными осколками вниз с грохотом посыпались старые глиняные горшки и тарелки, звучно расшибаясь о твердую землю и оглашая окрестности треском, будто из ружья палят. Вывалившийся с чердака большой железный ковш попал на камень, и гулкий звук с рокотом долетел до села.

Из ближайших к окраине домов высыпали люди. Лара покидала еще кое-какую мелочовку и притаилась у входа на чердак: лесенка уже дрожала под грузными шагами. Снизу неслись ругательства и проклятия. Как только голова солдата показалась из люка в полу, кошка с грозным рычанием вцепилась всеми когтями в волосы негодяя. Дикий вопль разнесся по дому, и мужчина рухнул вниз. Лара шустро отпрыгнула в сторону и спряталась за печь. В дверь затарабанили.

— Откройте или будем вышибать! — донеслось с улицы.

Несостоявшиеся насильники переглянулись. Упавший с чердачной лестницы солдат поспешно отер платком струйки крови со лба (результат действия кошачьих когтей) и крикнул:

— Сейчас, тут все в порядке!

Дверь солдаты открыли. В дом ввалилось несколько селян с вилами и

топорами. За их спиной маячили другие мужчины в солдатской униформе.

— Что случилось?

Солдаты-лиходеи, желавшие надругаться над беззащитной девушкой, начали рассказывать, что только-только зашли, тоже привлеченные шумом, что девка совсем спятила и всю утварь повыкидывала, а они помочь ей хотели, удержать, чтобы сама с крыши не спрыгнула.

Доверчивые селяне поверили, уходить собрались.

«Нет, так просто не отделаетесь», — рассвирепела Лара и бросилась на ближайшего к ней негодяя. Солдат завопил, уворачиваясь от нападающей кошки. Лара нападала в слепой ярости, кусая и разрывая когтями все, что подворачивалось под пасть и лапы. Селяне оторопели.

— Что здесь происходит? Встать смирно и доложить! — таким ледяным, командным тоном приказал новый голос, что даже Лара вытянулась в струнку.

«Этот точно у них тот самый генерал, что в узде их держит, руки распускать не позволяет. Его голос. Интересный мужчина. Лет тридцать с хвостиком (солидный возраст для Средневековья), и выглядит грозно: широкие брови вразлет, глаза стального серого цвета с чуть заметным голубоватым оттенком, лицо грубое, жесткое, будто топором рубленное. Сильное лицо, лицо волевого мужчины, который спуску и послабления не даст ни себе, ни другим», — вспоминала Лара полузабытое уже искусство чтения по лицам.

Мужчины, испуганно поглядывая на черную кошку, снова начали лепетать, что они без вины пострадавшие. Лара зарычала и двинулась к ним.

— Врут, — проскрежетал глухой старческий голос. Старуха села на постели и ткнула дрожащим пальцем в сторону внучки: — Лиасу хотели...

— Нет, неправда! — хором взвыли негодяи.

Селяне сделались мрачнее тучи. Вилы угрожающе нацелились солдатам чуть пониже живота, а Лара и без всякого прицела вцепилась зубами в бедро ближайшего негодяя.

Сероглазый генерал с интересом посмотрел на кошку и за шкуру оторвал ее от брюк солдата.

— Увести, — приказал генерал, кивнув на несостоявшихся насильников. Металлические интонации в звучании этого короткого приказа не предвещали лиходеям ничего хорошего. — Всем выйти, кроме моего оруженосца.

Отвернувшись от селян и арестованных, которых уводили под конвоем, генерал, продолжая удерживать кошку на весу, снял шапку и

обратился к старухе:

— Мы завтра покинем ваше село и двинемся на север. Путь наш будет проходить мимо монастыря Святой Бонетты. Предлагаю доставить вас и вашу внучку к святым сестрам: поживете у них, здоровье поправите, потом решите, как дальше жить. Денег я вам выделю, на первое время хватит, а потом, если захотите, можете на моих землях поселиться — они не так далеко отсюда, я в следующем письме управляющему насчет вас инструкции оставляю: домик вам предоставят. Знаете, где поместье Ардамасов? — Старуха кивнула. — В этом селе вашей Лиасе все равно уже жизни не будет, — заключил генерал.

— Вы правы, — с трудом проговорила старуха. — Я согласна.

Генерал снова глянул на кошку.

«Хороший ты мужик, генерал. Если б меня на пол опустил — еще лучше был бы. Хватит разглядывать! Отпускай, говорю. Не комильфо с растопыренными лапами болтаться!» — внутренне возмущалась Лара.

— За кошку вашу не переживайте, у меня жить будет.

С этими словами генерал посадил Лару на согнутую левую руку и вышел из дома.

— Кошка-то вам зачем, ваше высокородие? — спросил молоденький светловолосый вихрастый паренек, которого генерал называл оруженосцем.

— Верность и отвага — редчайшие качества, Огаст. Их следует ценить всегда и во всех. Даже в кошках.

Ну что сказать. Лара прониклась к генералу глубоким и искренним уважением.

В роскошном пентхаусе на широкой постели, застеленной черными атласными простынями, согнулся от боли Дамиан Сантеро. Он задыхался, по лицу его струился холодный пот.

«Лара. Это Лара. Что же ты творишь, моя девочка?! Как ты умудряешься так быстро восстанавливаться, возвращая себе радость жизни, оптимизм, сострадание к людям?..»

В комнате раздался негромкий хлопок, запахло дымом: к сыну появился отец.

— Она умудрилась и в кошачьей шкуре поступок совершить?! — захохотал он. — Хорошая девочка! — Темный положил руку на лоб сына, снимая боль. — Если она продолжит в том же духе, то даже я тебе помочь не смогу, — предупредил он.

— Не продолжит, — прохрипел Дамиан, садясь. — Надо выяснить, что произошло. И принять меры. В мире Сайр у меня есть постоянная личина,

причем приближенная к королевскому двору. Пора «герцогу Дэмьену Раусу» вернуться из своего отдаленного северного герцогства и присмотреться к делам родного королевства. С Ларой у меня тесная связь, ее найти будет нетрудно.

— Дров там впопыхах не наломай, — нахмурился Темный. — И не вздумай опять как-то кардинально вмешиваться в ее жизнь — у тебя уже нет ни сил, ни права на такое влияние.

— Знаю, отец. Теперь я могу влиять на жизнь Лары только опосредованно, через других лиц. Достаточно согласия человека, под покровительством которого она находится, и я смогу кошку купить, обменять, принять в дар — и она станет моей по праву. Я не брошусь сразу в пекло, я присмотрюсь, начну плести широкую сеть, из которой кошка выскочить не сможет, даже если кто-то помогать ей вздумает. Чужими руками можно много дел наворотить и в стороне остаться, я помню, отец, — заверил бледный Дамиан. Он прикрыл глаза и с наслаждением облизнулся: — Безумно вкусная неразумная девочка. Зачем сопротивляешься?! Ох, Лара, когда вернешься, я покажу тебе сто оттенков серого!

— Лучше думай, что с тобой станет, если она не вернется, идиот! — прорычал Темный и исчез в столбе дыма.

Глава 9

И КОШАЧЬЯ ЖИЗНЬ МОЖЕТ БЫТЬ ТЕРПИМОЙ

Сероглазый генерал принес кошку в выделенную ему большую светлую комнату в доме старосты села. Ссадив ее с рук на коврик у печи, ткнул в коврик пальцем и приказным тоном сообщил:

— Твое место. Лежать тихо.

«Да-а, вежливость и гостеприимство — это наше все, — фыркнула Лара. — Не бойсь, генерал, я поняла. Нам с тобой сейчас по пути: и мне, и тебе из этого захолустья выбраться надо. Тебе — чтоб врагов добить, а мне — чтоб Слепую Ведунью найти. Надеюсь, эта местная знаменитая ведунья не окажется обычной шарлатанкой и сможет дать дельный совет или даже помочь в человеческое тело вернуться. Может, здесь и маги какие водятся — послушать людей надо. Теперь я ушки на макушке держать буду!»

Леон уселся за стол и стал перебирать и читать бумаги, разложенные ровными стопочками на деревянной столешнице. Вихрастый Огаст устроился у порога и принялся начищать генеральский меч. С улицы доносился многоголосый говор, за стеной бренчали котлами, горшками и ложками (Лара облизнулась в ожидании первого в ее кошачьей жизни полноценного и законного обеда: не мог же бравый генерал оставить голодной кошку, которую приютил!), а в комнате было тихо: только мерное шуршание тряпки (от полирующего булатную сталь Огаста) и шелест бумаг (со стола генерала).

— Огаст, подойди-ка, — скомандовал Леон. Он склонился над большой картой, что развернул на столе.

Оруженосец отложил меч, подошел к генералу и уставился на карту.

Лара подумала чуток: «А чем я хуже? У меня тоже глаза есть, я тоже с умным видом на эту карту уставиться могу: авось запомню местность, потом пригодиться может», — и прыгнула на стол.

При виде испестривших карту надписей Лара разочарованно взывала: она не понимала письменность этого мира!

«Ну, Дамиан, ну, скряга несчастный, жмот! „Понимание местного языка я тебе дам!“, — мысленно передразнила демона. — Говорил бы сразу: устную речь понимать будешь, киса, письменная тебе ни к чему! А теперь я, девушка с высшим образованием, читать не умею!!!»

Широкая мозолистая ладонь генерала бесцеремонно смахнула кошку на пол.

— Мяс! — возмутилась Лара, но на нее не обратили внимания.

— Посмотри, — сказал пареньку Леон, — помнишь эту местность? Солликийцы зимой прошли вот тут, — карандаш генерала заскользил по карте, — и удачно атаковали нас с тыла. Что, если они и сейчас попробуют повторить этот успешный маневр? Как нам тогда действовать? Предлагай.

Огаст почесал затылок:

— Засаду тут посадить?

Генерал неодобрительно посмотрел на оруженосца, как смотрит прокурор на запутавшегося в показаниях свидетеля.

— Ты прочитал, что тут написано? — Карандаш обвиняюще потыкался в карту, а Огаст смущенно отвел взгляд. — Тут болото, Огаст, топь непроходимая! Это зимой при сильных морозах они тут как по ровному полю прошли, а теперь увязнут сразу. Тут не засаду ставить, а прицельно гнать их сюда надо. Вряд ли они подробно перепроверять известный путь станут. Деревень поблизости нет, если они решат в крепость сунуться, то рассказать про болото им некому будет, и карт этой глухомани раз-два и обчелся, у солликийцев такие вряд ли завалились.

Оруженосец согласно кивал на каждое слово, но взгляд генерала не смягчился от такого заискивания.

— Как проходят твои занятия с братом Бартом? — сурово спросил Леон. — Почему ты до сих пор читать не научился?

Огаст замялся, потоптался, потом воскликнул с чувством:

— Да не понимаю я этого монаха! Лопочет он что-то мудреное себе под нос, ни на один вопрос коротко ответить не может, всё витиеватые объяснения изрекает! Так меня с толку собьет, что я уже названия букв путаю, а им меня еще матушка учила, — с горькой обидой заключил паренек.

Леон вздохнул, задумался.

— Ладно, пока в дороге будем, сам тебе основы объясню. Но смотри: будешь лениться — выпорю, как маленького, ясно?

Огаст ликуяще улыбнулся и закивал, судя по всему, не слишком впечатленный угрозой розги. Лара пришла к выводу, что строг до жестокости генерал только с преступными элементами, а со своими подопечными мягок и снисходителен. Это не могло не радовать бедную попаданку, которую он взял под свое покровительство.

Первый урок решили начать сразу же после обеда. Обед полная неповоротливая кухарка старосты сервировала прямо в генеральской

комнате на освобожденном от бумаг столе. Особых разносолов тут не было: густой мясной суп, картофельные клецки со сметаной, домашняя ветчина, морс, квас, соленья всякие. Кошачий нюх одобрил все, кроме солений, но кошку, кажется, кухарка кормить не собиралась...

«Это что за выкрутасы?! — возмутилась Лара. — Я, вообще-то, тут теперь постоянный житель, черная тень генерала, так сказать».

Лара решительно направила все свои четыре стопы к стулу генерала и без колебаний цапнула его зубками за штанину:

— Мяв!!!

Леон вздрогнул и оторвался от поедания супа. При виде кошки, зло стегающей себя хвостом по бокам, бравый генерал заметно смутился.

— Эй, женщина! — зычно крикнул он. В комнату вбежала старостиха. — Миску для кошки моей принеси.

Миску проворно доставили, и генерал честно отлил в нее половину супа из своей тарелки. Старостиха робко предложила просто молочка кошечке плеснуть, но Леон от такого предложения отказался, и Лара прониклась к нему еще большей симпатией:

«Правильно, такой большой кошке, как я, одного молочка мало. А генералу все равно такие огромные порции в одиночку не съесть».

В итоге Лара попробовала все, что изволил вкушать генерал, только от солений надменно отказалась.

— Ненасытная вам кошка досталась, ваше высокородие, — заметил Огаст, с любопытством поглядывая на Лару.

Благодушная по причине полной сытости Лара милостиво проигнорировала это хамское замечание. Но на заметку взяла. Леон же только хмыкнул.

Посуду убрали, стол вытерли, несколько солдат (чином повыше, скорее всего, хотя Лара еще не разобралась в местной военной иерархии) пришли с вопросами и докладами и ушли с очередными поручениями, а Леон засадил за чистый стол своего оруженосца — грамоте его учить собрался. Огаст выложил из своей объемной сумки учебник, карандаш, листы бумаги и сосредоточенно уставился на начальство.

«Такой шанс упускать нельзя, — поняла Лара. — Умение читать и писать никогда еще не было лишним, а уж в моем случае каждая соломинка пригодиться может». — И кошка вспрыгнула на стол.

Ловко увернувшись от руки генерала, намеренной отправить ее в ссылку на коврик, Лара перескочила на спинку стула, на котором сидел Огаст, и без единой капли сомнений расположилась на плечах парня, как объемистый мохнатый воротник. При попытке спихнуть ее на пол Лара

грозно зарычала и предупреждающе впилась когтями в рубаху парня. Огаст тихо пискнул и умоляюще взглянул на генерала Ардамаса.

Тот задумчиво посмотрел на решительно настроенную крупную кошку и спросил:

— Она сильно тебе мешает?

— Э-э, нет. Только пусть не кусается и не царапается.

— Не будет, — с непонятно откуда взявшейся уверенностью заявил генерал. — А ты меньше вертеться станешь.

Вот и столкнулись. Леон начал обучение с повторения букв, и Лара как губка впитывала в себя знания. Через некоторое время генерала куда-то вызвали, и он ушел, велев Огасту повторять алфавит самостоятельно.

Оруженосец действительно оказался с ленцой: стоило генералу скрыться за дверью, как он тут же оторвался от книги и уставился в окно, разглядывая девиц, развешивающих белье на веревках. Лара обозлилась: «Вот бестолочь, важный занятой человек на него время тратит, а он вместо учебы на девок засматривается!» — и ощутимо цапнула парня за ухо.

— Ай! — заорал Огаст и попытался скинуть Лару со своей шеи.

Да куда там с его щуплым телосложением! Лара была раза в два крупнее обычной кошки и в миллионы раз сообразительнее любой из них. Огаст взмок от усилий, но Лара продолжала висеть на его плечах и все громче и грознее рычала на ухо. Парень выдохся и упал на стул. Лара перестала рычать. Он повернулся к окошку, и его тут же куснули за ухо. Парень безнадежно всхлипнул и от нечего делать стал опять повторять алфавит. Кошачье рычание тут же прекратилось, и Огаста поощрительно лизнули в многострадальное ухо.

— Потрясающе, — донеслось от двери. — Уже долго за вами наблюдаю и вынужден сделать вывод, что кошка намерена держать под контролем процесс твоего обучения, Огаст. — В комнату вошел генерал и прикрыл за собой дверь. — Никогда раньше не интересовался кошками, и, видимо, зря — они удивительно умные создания, оказывается.

Вздых оруженосца был полон пессимизма. А Лара сделала вывод, что излишним суеверием тут страдают только крестьяне, а вот с людьми благородными вполне можно подружиться.

Ночь Лара провела на коврике в тишине и покое: генерал, к счастью, не храпел, его оруженосец спал в конюшне, в комнате было теплее, суше и куда просторнее, чем в дупле. Ночного гостя, материализовавшегося на минуту в комнате, Лара не учуяла.

«Значит, генерал Ардамас приютил тебя, Ларочка, — прищурился Дамиан. — Это хорошо, ты же такая благодарная, отзывчивая на доброту и

внимание девочка. Ты быстро привяжешься к благородному вояке, а отсюда вывод: его смерть тебя сильно подкосит, родная. Так подкосит, что ты вновь свалишься в пучину уныния и второй раз из нее не выплывешь. Генералу и без тебя предсказана скорая смерть, придется проконтролировать, чтобы он ее не избежал».

На следующее утро отряд Леона Ардамаса двинулся к месту расположения основных войск армии Картума. Лиаса с ее бабкой тоже ехали в обозе, и Лара разместилась рядом с ними, всячески ластясь к рыжеволосой девушке: Лара не раз слышала от Карины, что кошки помогают людям снять стресс, справиться с депрессией и бессонницей, а Лиасе явно нужна была помощь. Девушка в самом деле постепенно вышла из прострации и стала поглаживать черную шерсть. Лара довольно замурчала.

— Монастырь Святой Бонетты, — доложил Огаст, прискакав к обозу с женщинами. — Кошку с собой возьмете? — с надеждой во взоре спросил он Лиасу.

Девушка испуганно распахнула глаза, смотря на него, и молчала. Лара фыркнула: «Не дожدهшься, голубчик. Мне в монастыре делать нечего. Я слишком молода для монастыря. Мне Слепую Ведунью искать нужно, чтобы тело свое возвратить и в мир родной вернуться».

Леон Ардамас самолично помог женщинам спуститься с телеги и проводил до ворот монастыря, где их ожидали две женщины в темной одежде до пят. Лара шла за генералом. При виде большой черной кошки монашки перекрестились, и одна из них залепетала:

— Нечистая сила в черных кошках пребывает, лорд, зачем при себе такую тварь держите?

Широкие темные брови генерала сошлись над переносицей, а лицо посуровело:

— Нечистой силы в людях куда больше, чем в кошках. Во всяком случае, на дела худые человеческие я много насмотрелся и грязные помыслы в людях частенько замечал, а вот в этой кошке пока не видел.

С этими словами Леон подхватил Лару, посадил опять на левую руку и понес назад в обоз.

— Жаль, что кошку в монастырь не пустили, — загрустил Огаст, неприязненно косясь на Лару.

— То, что эти праведницы черную кошку к себе не пустят, с самого начала ясно было, — ответил Леон. — Но я только рад, что она у меня останется, — на редкость умная животинка.

Огаст явно не разделял радости генерала. Этот паренек выполнял при Леоне обязанности денщика, личного слуги и оруженосца: бегал по всем мелким поручениям, чистил одежду генерала, следил за его оружием и таскал на себе его ружье и запасной меч. Плюс к этому седлал, кормил и чистил генеральского коня. Ларе, собственно, не было дела до отношения к ней этого «оруженосца».

Остаток дня Лара балдела на солнышке, валяясь на тряпье в телеге. Кормили ее сытно, делать было нечего, и черная кошка блаженствовала. Вечером, когда отряд встал на ночлег и разбил лагерь, у костра сели Огаст с Леоном — учиться читать. Кошка, прищурив глаза, внимательно смотрела на них с телеги: какое-то неприятное ощущение шевелилось в ней, будто она что-то забыла. Читают... книгу держат...

«Ах, черти полосатые!!! — Лара вскочила на лапы. — Что со мной происходит?! Почему я постоянно будто проваливаюсь куда-то?! Раньше такого не было... Вернее, в самом начале такого не было... А потом? А потом я месяц жила как во сне и если бы не те кошки, то и сейчас жила бы чисто кошачьей жизнью. И что это значит?»

Ответа на свой вопрос Лара не знала, и ей некогда было его искать — она побежала к Огасту, заскочила к нему на плечи (парень только крикнул) и уставилась в азбуку. Учиться и еще раз учиться!

Тем временем в королевском парке в столице Картума герцог Дэмьен Раус насмешливо говорил:

— Вот и Зоиларам придет конец, как Драгейдам. Военный переворот и их не минует — знать, это высшая кара за их прошлое предательство правящей семьи. Теперь к власти вновь придет военный генерал: герой современности, победитель Солликии — генерал Леон Ардамас.

Его собеседник кусал губы и мрачно возражал:

— Ардамас не стремится к власти, если он и будет регентом при Милоре, то не попытается воспользоваться своим положением и захватить власть.

Герцог Раус скептически посмотрел на лорда:

— Какое дело Ардамасу до Милора? Если он сам не захочет править, то скорее поддержит притязания на корону своего друга Гильдара, а не малыша Милора. Если король Варт Зоилар назначит регентом Ардамаса, то Милор никогда не займет престола. Но вам это только на руку, разве не так? — Дэмьен коварно усмехнулся, прекрасно зная об истинных замыслах этого мужчины, которые были связаны отнюдь не с Гильдаром.

Его собеседник мрачно изучал носки собственных сапог. Дэмьен

добавил своему голосу гипнотической убедительности, которой серенькие и темные души практически не могли противостоять:

— Ардамас — главная преграда на пути Милора к королевской короне, и вы это отлично понимаете...

Глава 10

НАЧАЛО ДРУЖБЫ

Спустя сутки отряд прибыл в городок, где временно располагался авангард армии Картума. Тут у лорда Леона Ардамаса были отдельные апартаменты в большом доме, которые состояли из спальни, гостиной и рабочего кабинета и имели свой выход на улицу. На территории огороженного участка, примыкавшего к дому, находились и конюшни, в которых разместили всех коней отряда Ардамаса, и флигели, где жила личная охрана лорда и вихрастый Огаст, и еще много собак, что крайне не понравилось Ларе. К счастью, все псы сидели на цепях у своих будок, так что Лара быстро приучила себя не реагировать на их истошный лай.

Задрав хвост, Лара с видом хозяйки прошлась по всем трем комнаткам, облюбовала себе толстую большую шкуру медведя с длинным ворсом у кровати в спальне, не убоившись медвежьей головы со стеклянными глазами. На крестящуюся при виде черной кошки служаночку только глянула презрительно.

«Ничего квартирка. Не хоромы, конечно, но жить можно. Уж всяко лучше, чем в дупле», — оценила Лара ближайшие жизненные перспективы.

— Что там с баней для солдат, готова? — спрашивал меж тем генерал у одного из солдат с синими нашивками на рукавах.

Лара уже запомнила, что рядовые носили черную форму с серыми нашивками, военные со званием чуть выше — с синими нашивками, потом шли оранжевые, а генерал щеголял ярко-алыми широкими полосками.

— Готова, выше высокородие.

Леон тем временем скинул с себя верхнюю одежду, оставшись в одних кальсонах и рубахе нараспашку.

«Шикарное тело, — оценила Лара женским взглядом. — Тренированное, но не перекачанное, все восемь штук кубиков видать отчетливо. И шрамы его не портят, скорее еще больше притягивают. Тело воина, который все свои мускулы нарастил в реальных боях и походах, а не на тренажерах. Была бы в прежнем теле — меня бы в жар сейчас кидало и нескромные желания подавлять бы приходилось. Хорош генерал, действительно хорош! Дамиан тоже шикарен, но у него изящная и утонченная красота, а генерал Ардамас — это воплощенные мощь и сила».

Два дюжих слуги уже втащили в спальню медную ванну на ножках и установили ее у камина. Служанки засновали с ведрами, таская воду.

— Огаст, скажи солдатам, чтоб в баню шли, — велел Леон. — А мне в доме ванну готовят.

Вихрастый кивнул и, довольный тем, что ему доверили хоть разок покомандовать, вылетел во двор. Через раскрытое окно был слышен его звонкий крик:

— Отря-ад, на помойку становись!

Лара захохотала в голос, что в кошачьем теле выглядело как отрывистое фыркание. Леон тоже усмехнулся и с пытливым недоверием уставился на кошку.

— На какую помойку?! — раздались недовольные усталые голоса. — Совсем сбрендил?

— На помойку в баню, — пояснил Огаст и скороговоркой добавил: — Генерал приказал!

Лара снова посмеялась, но резко осеклась под вдумчивым взглядом Леона.

— Ты странная, Кошка, — сказал он, — очень странная. И меня не покидает ощущение, что ты все понимаешь.

Лара поскорей легла на коврик у кровати и с независимым видом стала приводить в порядок свою шерстку: ничего не понимаю, генерал, нагло врут твои ощущения. На плещущегося в ванне мужчину Лара принципиально не смотрела: налюбовалась уже красавцами всякими, на всю жизнь налюбовалась. Генерала, конечно, красавцем писаным не назовешь, скорее наоборот, но тело у него — загляденье просто. Только нечего на него глядеть, нечего!!!

После банно-прачечных процедур Огаст был опять засажен лордом Ардамасом за учебник, а кошка опять расположилась на плечах у паренька и мотала на ус все, что объяснял генерал. Благо усов теперь было много. При попытках Огаста полюбоваться девицей, которая вытирала пол в комнате после ванны, Лара награждала его заслуженным щипком за ухо. Парень уже не огрызался и кошку спихнуть не пытался, а генерал приговаривал со смешком:

— Правильно, Кошка, присматривай за этим разгильдяем.

Похоже, Леон окончательно переименовал Лару в Кошку. М-да, с фантазией у людей военных всегда было негусто.

Весь день слуги косились на кошку и шепотом толковали о том, что это кошка генерала, которую он из последнего похода принес. Этот факт вызывал у прислуги искреннее удивление, так как ранее особой любви к

животным за генералом не замечали. Однако теперь кошка у лорда Ардамаса была, и челяди с этим приходилось считаться: никто не рисковал прогонять Лару откуда бы то ни было и никто не пытался кидать в нее тапками, камнями (тем более) или другими предметами. Даже детям было сделано внушение, что эту черную кошку трогать и обижать нельзя. Генерал Леон Ардамас явно пользовался уважением и любовью простого народа, и его имя надежно защищало кошку от любых недоброжелателей. Когда вечером, сытно поужинав (как всегда, разделив трапезу пополам с Леоном и вызвав еще больше удивленных перешептываний среди прислуги), Лара полюбопытствовала, что там за молочко служанка в ведре принесла, девица хоть и поворчала, но полную миску ей налила. Молоко было парным и очень вкусным, и Лара таки вылакала целую миску. Потом еле доковыляла до своей шкуры и провалилась в сон.

Она проснулась ночью от настойчивой потребности кошачьего организма прогуляться по улице. Огонь в камине погас, и только угли еще тлели. Леон спал, раскинувшись на постели, и в ус не дул, что никаких удобств в комнате нет, и даже кошачьего лотка не предусмотрено! (Лара не была уверена, что она решилась бы этим лотком воспользоваться, но сам факт!)

«И что делать?» — Лара честно потолкалась во входную дверь, оценила высоту и массивность засова на ней, обследовала накрепко закрытое окно и поняла: не выйти, замуровали, демоны!

«До утра не продержаться! А я человек воспитанный, интеллигентный, как быть? Будить!» — И кошечка решительно потопала к постели.

— Мур-р-р, — потерлась она пушистым лбом о щеку мужчины. — Р-р-р!!! — пробасила в самое ухо, не дождавшись реакции.

Леон подскочил на кровати и потер заспанные глаза:

— Что?!

— Мур-р-р! — Обрадованная кошка вскочила к нему на колени, лизнула в нос и бросилась к выходу. — Р-р-р! — объяснила она и толкнула лбом дверь.

«Бедные кошки, как ограничен их словарный запас! Но если Леон меня сейчас не поймет — покусая заразу глупую!» — Лара чувствовала, что выйти надо срочно, а то и до конфуза недалеко.

Леон понял. Ворча и зевая, он сполз с кровати и отодвинул засов на двери, приговаривая:

— Приютил на свою голову, отдохнуть не дает теперь.

Лара не слушала его причитаний — она молнией выскочила на

свободу и понеслась к кустам.

«Прохладная сегодня ночка, лапки мои бедные стынут от холода. Вот сейчас к огоньку поближе на теплую шкуру лягу и буду сладко спать сколько вздумается: ни тебе будильников, ни поспешных сборов на работу, даже макияж и прическу делать не надо, — благодушно рассуждала Лара, шустро семеня всеми четырьмя лапками. Она была твердо настроена придерживаться теперь исключительно оптимистичного взгляда на жизнь. Уныния хлебнула вдоволь. — Есть плюсы и у кошачьей жизни».

Тут она дошла до порога и ткнулась носом в закрытую дверь.

«Не поняла?! А щель для меня оставить? А подождать?! Где ваша галантность, господин Леон?» — Лара возмущенно замыкала под дверью.

Увы, ее не услышали. Еще бы, при такой-то толщине бревенчатых стен и двойных оконных рамах со ставнями, которые экранировали звук почище тройных стеклопакетов.

Лара поскреблась, повыла, но ответа не последовало, а морозец крепчал. Это днем было тепло и солнечно, а по ночам весна проявляла себя совсем не по-весеннему.

Лара разозлилась. Очень. Кто-то спит в теплой постельке, а она тут, брошенная и одинокая, страдать должна?! Приютил, называется! Кошачий мучитель...

«Как там говорил наш главный омовонец: не бывает закрытых дверей, бывает слишком тихое „мяу“? Сейчас я устрою тебе кошачий концерт!» И Лара метнулась к конюшне.

Разозленную Лару-мстительницу кони уже не пугали, и черная, злобно шипящая большая кошка, мечущаяся по конюшне и порой умудряющаяся цапать зубами спящих лошадей за ноги, подняла большой переполох. Десятки скакунов громко ржали, вставали на дыбы и били копытами, а Лара громким ором будила тех, кто еще не успел проснуться, и шум нарастал.

Конюхи и караульные с криками бежали к конюшне, а Лара выскочила на улицу и пронеслась мимо всех собачьих будок, будя истеричным мявом завзятых кошачьих врагов и дразня их пушистым хвостиком, на который озлобленные псы бросались с остервенелым лаем, но достать не могли.

Ржание, крики людей, бешеный лай — Ларино «мяу» получилось очень громким. На порог выскочил встрепанный полуголый Леон, вооруженный двумя мечами сразу, и черная пушистая молния мигом проскочила между его широко расставленных ног в хорошо протопленное помещение.

Пока главнокомандующий обозревал творившийся кавардак и выяснял причины суматохи, Лара решила, что ей положена компенсация за пережитый стресс, и смело растянулась на хозяйской кровати. Хорошо-то как! Давно забытое блаженство от мягкой постели и чистых простыней.

— Так в чем дело, Еремий? — сурово спрашивал командира личной охраны Леон, замерзая на крыльце в одних кальсонах.

— Коней что-то напугало, ваше высокородие, но посторонних на территории нет, все проверили.

— А собаки чего с ума сходят?

— А кто ж их знает, ваше высокородие.

Шум утихал. Леон недоуменно пожал плечами и шагнул в дом, закрывая дверь. В комнате его ждал сюрприз в виде занятой постели. Мужчина нахмурился и хотел уже твердой рукой смахнуть нахалку на пол, но тут в голове промелькнула неожиданная мысль. Леон припомнил, что выпустил кошку и спокойно пошел досыпать, оставив эту негодяйку на улице. Припомнил и то, как шустро она проскочила в дом, стоило только ему открыть дверь. Оценив наглое выражение на смотрящей на него кошачьей морде, Леон сложил руки на груди и спросил:

— Этот бедлам — твоя работа?

«Мне кажется или ее взгляд действительно стал обиженным и раздраженным? Это мне надо обижаться, что выспаться не дали да всю личную охрану по тревоге подняли! — возмутился Леон. — Очень странная эта кошка. Очень! И почему у меня рука не поднимается скинуть ее с моего законного места?»

Нерешительно потоптавшись у постели и посмотрев в злобно и многообещающе прищуренные кошачьи глазки, Леон пробурчал:

— Подвинься, Кошка, — и ничуть не удивился, когда та поняла его и, высокомерно передернув ушками и хвостиком, сместилась к краю.

«Дожил. С животинкой бессловесной разговаривать уже начал. А если кто заметит, что я тут с блохастыми кошками в одной постели сплю, по всему королевству нашему на смех поднимут». — Леон улегся на выделенной ему половине кровати.

Через минуту и Леон, и Лара умиротворенно спали под одним одеялом. Темную рогатую фигуру, появившуюся у очага, они уже не видели.

Дамиан хмуро смотрел на парочку в постели.

«Высшие силы, как всегда, неоригинальны в плетении узора судьбы, который поражает нарочитой показательностью: четыре года назад невеста Леона Ардамаса спала в моей постели, а теперь моя девушка спит в его. И

не надоело высшим миллионы лет играть в такие игры? По их задумке, что сейчас я должен осознать? Или я должен в чем-то раскаяться? — Дамиан мрачно хохотнул про себя. — Поддержка Леона не поможет Ларе вернуть себе человеческий облик, скорее наоборот».

Угасший было огонь в очаге на миг взметнулся столбом пламени, но никто из спящих этого не заметил. Темная фигура исчезла.

Глава 11

ЗАКАЗ НА УБИЙСТВО

Ларе снились ее родители, причем снились так отчетливо, будто она реально видела их своими глазами, стоя в шаге от них. Мать с отцом сидели в больничной палате, держа за руку саму Лару, которая лежала в постели, хотя видела все так, будто стояла у стены.

— Когда же ты очнешься, девочка наша? — шептала мать белыми губами. — Я же чувствую, что ты жива! Сейчас я чувствую это даже сильнее, чем раньше! Твоя душа горит, живет и бьется где-то рядом, а раньше она будто спала...

— Очнется. Вот и Дамиан Сантеро уверен в этом, — заметил отец.

— Не говори мне об этом испанце! Это он виноват в Лариной болезни, я уверена, что бы там ни говорили твои факты и доказательства! Хорошо, что он теперь уехал и не появляется. Надеюсь, он окончательно бросил нашу девочку и больше не вернется.

— Не думаю, — покачал головой отец. — Он полностью оплатил пребывание Лары в больнице и все процедуры на полгода вперед — это огромная сумма. Я хотел вернуть ему эти деньги, но он не взял. Именно он первым потребовал подключить Лару к аппарату искусственного дыхания, когда она стала угасать. Я знаю, что главврач отделения ежедневно пишет ему отчет о состоянии Лары, а это никак не свидетельствует в пользу твоей версии, что он ее бросил и не собирается вернуться.

«Конечно, он собирается вернуться, гад! Ждет, что я на коленях к нему приползу и он милостиво вернет меня в мое тело! Нет, я САМА вернусь, обломлю ему все планы! — зло подумала Лара. — Видимо, я и в самом деле себя вижу. Что ж, хоть знаю теперь, что со мной в родном мире происходит, что никакая кошка в мое тело не вселилась. И на родителей посмотрела. Ох и соскучилась я по ним, по родным моим!»

В палату вошли Гаврилов, Маринов и Муравьев. С букетом мелких розовых гвоздичек. Поздоровались с родителями Лары. Помолчали.

— Без изменений? — откашлявшись, спросил Алексей Иванович.

Родители кивнули.

— Директриса Фонда помощи больным детям, ну... того самого фонда, где Лара волонтером была, обещает любые лекарства из-под земли достать, если надо... — сказал Олег Маринов.

— Не надо, — вздохнул отец Лары. — Алексей Иванович, можно вас на минутку?

Отец со следователем вышли из комнаты. Лара подумала и попробовала пойти за ними. Перед ней качнулась и растворилась стена, и — гоп! — она уже в коридоре больницы.

— Как там дело Латвинова и его приспешников? Никакой связи с Ларой не выявили? — сосредоточенно спросил отец.

Гаврилов развел руками:

— Увы, о причинах такого состояния Лары им ничего не известно, никаких заказов на нее не поступало. Да и когда бы они успели поступить?! Она только за два часа до этого узнала всю подоплеку дела и решила подать на отвод Громыкина. Она ничего и сделать-то не успела! Наш судмедэксперт брал на анализ кровь Лары и...

— Знаю, — нетерпеливо перебил его отец. — Вы же не думаете, что ваш эксперт мог бы взять на анализ кровь моей дочери без моего ведома и согласия?!

— Не думаю, — кивнул Гаврилов. — Я даже не думаю, что вон те два медбрата имеют хоть какое-то отношение к персоналу этой больницы.

«Папа в своем репертуаре, — улыбнулась Лара, — все держит под контролем!»

— Верно не думаете. Я знаю, что ваш судмедэксперт ничего крамольного не нашел, никаких признаков отравляющих или психотропных веществ, но ведь технологии ни секунды не стоят на месте...

— Поверьте, мы проверили всё. И спасибо вам за помощь в этом деле: без нее нам вряд ли удалось бы так быстро накрыть эту шайку и вернуть деньги из офшора. Теперь Латвинова и его дружков точно посадят, а Громыкина наконец-то отдадут под следствие и как минимум уволят. К Латвинову в камеру подсадят опытного человека: если он хоть что-то скажет о Ларе, мы сразу все выясним. И еще раз — спасибо.

Отец кивнул.

— Я уверен, что Лара очень бы переживала, если бы эти проныры ушли от правосудия. Она всегда радела за больницы, детские центры... — Голос отца прервался. Он вздохнул и жестко продолжил: — Связь Латвиного с Сантеро установлена?

— Нет, — признал Гаврилов. — Возможно, я зря сказал Ларе о его причастности, это всего лишь неподтвержденные догадки наших айтишников.

«Как же, догадки! Самая взаправдашняя правда!» — хотела крикнуть Лара, но сон развеялся, и остаток ночи прошел без сновидений.

Утром Лара проснулась от того, что ее подняли с постели, на которой она сладко спала всю ночь, и аккуратно переложили на меховую шкуру. Потом раздался шорох одежды — это одевался Леон. Потом хлопнула дверь: Леон вышел, а в спальню влетела служанка, которая начала расторопно перестилать постель, открывать ставни и окна, чтобы проветрить помещение.

«Спокойно полежать не дадут даже кошке, — вздохнула про себя Лара и потянулась. Ночной сон принес ей чувство светлой тоски по родителям и умиротворения, так как теперь она знала, что ничего непоправимого в родном мире не произошло. — Ничего, сейчас эта девица уйдет, и поваляюсь я в тишине и покое. — Мысли текли медленно и лениво, как бывало в последние недели жизни в дупле. — Поваляюсь... поваляюсь... Поваляюсь?! Опять кошачья сущность знать о себе дает?! Получается, за последний месяц, что я кошкой жила, звериный дух во мне все-таки пробудился?! Эй, ты тут? — Лара внимательно прислушалась к себе, но никакого отклика не получила. — Хм, самопознание оставим на потом. Нечего разлеживаться, надо скорее информацию об этом мире и его обитателях собирать, особенно о наличии в нем магов, колдунов и о месте обитания той Слепой Ведуньи, о которой в селе говорили. Кстати, куда это генерал направился? Никак завтракать пошел и меня не позвал?»

Лара вскочила и понеслась по наводке кошачьего нюха, который привел ее в рабочий кабинет. К счастью, дверь кабинета была не заперта, а только прикрыта, и Лара легко просочилась в оставленную щель.

— И сколько у генерала Герстена солдат? — спрашивал тем временем Леон.

— Около трех тысяч, ваше высокородие. И вооружены хорошими ружьями.

— О лесочке сведения подтвердились?

— Да, ваше высокородие, там в самом деле топи сейчас непроходимые.

— Хорошо, ступай, — сказал Леон, и Лара отошла от двери, давая дорогу человеку в черной форме с серыми нашивками. Кажется, она его видела в селе после ликвидации бандитской банды. — Огаст!

В кабинет заглянула вихрастая голова:

— Да, ваше высокородие?

— Командиров звеньев ко мне позови.

Огаст втянул голову в плечи и нерешительно спросил:

— А позавтракать прежде никак не успеть?

«То есть как это — не успеть?!» — возмутилась Лара и поддержала Огаста громким мяуканьем. Потом вспомнила, что женщина куда большего может добиться лаской, чем криком, подскочила к генералу и приветливо потерлась головой о его брюки.

— Хм, ты тоже голосуешь за завтрак, Кошка? — Рука Леона погладила кошачью голову. — Ладно. Огаст, вели накрывать.

«Вот это верное решение, — думала Лара, шагая в гостиную. — Сейчас подкреплюсь и в разведку подамся: послушаю, о чем люди говорят. Но первым делом узнаю, что генерал с этими болотами решил».

Командирами звеньев оказались военные с оранжевыми нашивками. В кабинете они расселись вокруг круглого стола, на котором Леон разложил большую карту. Кошке очень хотелось посмотреть на эту карту, но прыжок на стол был чреват тем, что ее не только сгонят с него, но и выставят из кабинета. Лара осмотрелась: подоконник расположен слишком низко — стол не увидишь, все стулья заняты, на гардинах повиснуть никто ей не позволит, тумбочки тоже низкие, но одна из них стоит рядом со шкафом, на который вполне можно с тумбочки вскочить и наблюдать за всеми с высоты. Так она и поступила: два тихих бум-бум от кошачьих прыжков, и Лара лежит на шкафу, свесив вниз любопытную голову.

— Не обращайтесь внимания, — укоризненно посмотрев на кошку, сказал Леон, — это животинка домашняя у меня завелась.

Командиры кивнули, покосились на «животинку» и вновь сосредоточились на карте.

— Сейчас уже ясно, что солликийцы планируют захватить крепость Буртан, которая является единственным укрепленным пунктом в этой местности. Далее почти двести миль только села да деревни — вражеская армия с комфортом пройдет почти до столицы, если только мы не вздумаем атаковать их лоб в лоб в открытом поле, — начал излагать Леон. — А это обязательно приведет к огромным потерям, может погибнуть половина личного состава нашего корпуса или даже больше.

— А разве сейчас у нас есть другие варианты? — недоуменно спросил один из командиров и ткнул карандашом в карту. — Они уже стоят почти под стенами крепости — не завтра, так послезавтра подойдут вплотную. Это открытое место, засаду поставить негде, только прямо атаковать. Каковы сведения об их численности?

— Три тысячи штыков. И пять легких пушек.

— Три тысячи?! Но у нас здесь только четыре звена по триста человек. Надо вызывать подкрепление, ввязываться в бой с противником, который в

два с половиной раза превосходит тебя количеством, — это самоубийство!

— Подкрепления придется ждать долго. Король неосмотрительно решил, что войну мы выиграли, несколько оставшихся отрядов солликийцев ничего поделать уже не смогут, и преждевременно распустил две трети всех звеньев, — мрачно сказал Леон. — Есть некоторые идеи, как избежать гибели корпуса, на месте посмотрим, какие из них легче реализовать. В крайнем случае будем атаковать в лоб, но Буртан им уступать нельзя, а в осаде крепость больше недели не продержится: людей мало.

С этим умозаключением согласились все командиры и Лара тоже: на карте было отчетливо видно, что от крепости идет отличная дорога вглубь страны через малозаселенные земли, и остановить вражескую армию на этом пути можно будет только через кровавое побоище. Было решено, что весь корпус выдвигается в поход на заре через два дня. Командиры отправились снаряжать свои звенья всем необходимым для длительного военного похода: до Буртана было трое суток пути.

Покинув наблюдательный пост на шкафу, чтобы посидеть на плечах Огаста во время очередного урока чтения, Лара внимательно всматривалась в книгу: она уже могла читать простые слова, не содержавшие большого числа символов с особыми правилами прочтения. И уж точно на данный момент она уже умела читать лучше Огаста. Пока он мучился с самыми простыми буквенными сочетаниями, Лара быстро заучивала всю таблицу наизусть. То, что в родном мире она успела отлично изучить три иностранных языка, сильно помогало ей разобраться в структуре нового языка. К тому же при знании устной речи письменность выучить куда легче.

Только после обеда, когда Леон ушел по своим делам, Лара решила обследовать городок, в котором теперь временно поселилась. Постройки здесь преимущественно бревенчатые, в один-два этажа, каменными были только несколько центральных зданий: церковь, ратуша, торговые дома. Из камней сложена и городская стена, широкими крыльями окаймлявшая город. Выйдя за калитку приютившего ее дома, Лара окунулась в шумное море незнакомых лиц. Сразу бросалась в глаза многочисленность людей в форме, которые с сосредоточенным видом сновали в разных направлениях: похоже, уже всем известно, что скоро выдвигаться в боевой поход. Лара бодренько бежала по краю выложенной камнями дороги, чутко прислушиваясь к словам людей и внимательно смотря по сторонам: ей все больше казалось, что она участвует в массовой, собранной на съемки исторического фильма, и только чуть не задавившая ее телега вернула

ощущение реальности. Разговоры, доносившиеся со всех сторон, были лишь о «проклятых солликийцах», о том, что «генерал Ардамас им всем покажет», о преимуществах нового вида ружья, которое демонстрировало хорошую меткость на расстоянии до трехсот шагов против прежних двухсот, о выносливости разных пород лошадей и так далее. Никто не рассуждал о колдунах, ведуньях и политике! Лара походила по центральному рынку, стараясь не приближаться к мясным рядам, где ее сразу встречали градом палок и камней, и послушала разговоры женщин, но те говорили только о домашних делах.

«Жаль, что здесь не ходят по площадям мудрецы и не обсуждают со всеми желающими проблемы современности, как в Древней Греции. Где же можно почерпнуть сведения о мире?.. О-о-о! Как же я забыла! Все самые громкие высказывания и суждения о судьбе человечества, о будущих катастрофах, о жизни гадов-правителей, о том, „как трудно жить“ и „кто во всем виноват“, можно узнать только из бесед полупьяных приятелей, остальным такими глобальными вопросами озадачиваться некогда. Надо таверны искать, а не по улицам бегать!» И Лара понеслась в ближайший кабачок. Едва распахнулась входная дверь, она пулей проскочила внутрь помещения.

Идея оправдала себя. Еще как оправдала! Через два часа Ларе, осторожно шмыгавшей под столами и прятавшейся за занавесками от служанок и многочисленных кошек, которые тоже хотели поживиться в кабачке, только не сведениями, а едой, уже было известно следующее (если убрать все красочные эпитеты, ругань и личные мнения участников застольных бесед, а было этих мнений так много, что целую книгу написать можно).

Королевством Картум правил король Варт Зоилар. Династия Зоиларов пришла к власти лет сто двадцать тому назад, совершив кровавый переворот, в результате которого погиб глава рода Драгейдов, занимавший в то время престол. Переворот был совершен не просто так: Драгейды развязали войну сразу с двумя соседними странами — Солликией и Ардалией — и увязли в ней на долгие годы, неся разорение и горе всем жителям своей страны. Первый представитель Зоиларов, узурпировавший власть после свержения Драгейдов, сразу подписал мирный договор с обеими странами, который обошелся Картуму в кругленькую сумму золотыми монетами и привел к потере обширных земельных угодий на юге и юго-западе страны. Люди вначале вздохнули спокойно, довольные тем, что война завершилась, но не прошло и десятка лет, как все те, кто раньше облегченно вздыхал, начали негодовать по поводу столь огромной цены за

мир. Снова поднялись волнения, подогреваемые аристократами, которые не меньше Зоиларов мечтали о короне на голове. Предок нынешнего правителя был вынужден взяться за меч, и ему даже удалось отвоевать земли Картума у Ардалии. А вот солликийцы оказались обескровленной стране не по зубам. Чтобы не стать колонией Солликии и укрепить свою недавно обретенную власть, первый король династии Зоиларов заключил с королем Солликии договор о взаимном прекращении военных действий и в качестве гарантии соблюдения этого договора отдал свою единственную дочь замуж за второго сына короля Солликии.

И вот тут случилось первое событие, которое привело к нынешнему конфликту: кронпринц Солликии умер бездетным, его брат, женатый на картумской принцессе, занял престол своей страны, в результате чего нынешний король Солликии, являясь дальним родственником Варта Зоилара, мог претендовать на престол не только Солликии, но и Картума, тем более что близкой родни у короля Варта водилось немного.

Вторым событием, спровоцировавшим солликийского короля Эрдапа Бортейпа на попытку занять престол предков по крови Зоиларов, было усыновление Вартом Зоиларом своего пасынка, что автоматически делало Гильдара Зоилара (принявшего при усыновлении фамилию отчима) наследником престола. Король Эрдап считал, что он как кровный родственник имеет больше прав на престол Картума, чем сын жены короля от ее первого брака, ни капли крови Зоиларов в себе не несущий.

О самом короле Картума говорилось мало, зато упоминалось, что свою первую жену, которая за шесть лет брака так и не смогла забеременеть, он сослал в далекий монастырь, где она таинственно погибла, освободив место для второй жены. Лартипа Зоилар тогда уже имела пятилетнего сына от первого мужа, который оставил ее вдовой через год после свадьбы, упав с лошади и свернув себе шею. Лартипа тоже далеко не сразу родила Варту сына и наследника: Милору Зоилару было сейчас всего семь лет, тогда как старшему сыну Лартипы уже стукнуло двадцать, и Гильдар Зоилар был по-прежнему первым в очереди наследования престола Картума, хотя бурлили слухи, что Варт хочет объявить кронпринцем своего родного сына, но ждет его совершеннолетия.

«Все это очень интересно, но ко мне никакого отношения не имеет, — пригорюнилась Лара. — Но раз развеселые компании ни слова не говорят о таинственных колдунах и других расах, то вряд ли такие тут обитают. Вот Слепую Ведунью несколько раз упомянули: она, дескать, и нынешнюю войну с Солликией предсказывала, и о будущей трагической судьбе первой жены короля Варта еще до их свадьбы сокрушалась... Может, конечно, это

сейчас так привирают для солидности и пущей рекламы этой Ведуньи, а может, и правда не проста эта женщина. Вот научусь читать и всю библиотеку генеральскую перечитаю!» Тут Лара вспомнила про лапки, представила, как она пытается листать страницы книги, и едва не приуныла, но вовремя спохватилась, что не стоит давать кошачьей сущности шанс опять завладеть ее сознанием.

«Уныние оставим на потом! Вот верну человеческое тело, проживу насыщенную и интересную жизнь, стану бессильной старушкой — и начну унывать. Тогда у меня много времени на это дело будет!» — решила Лара.

Она внимательно осмотрелась напоследок: не забыла ли кого послушать. На улице уже стемнело, кабачок освещался теперь свечами, которые установили на столах служанки-разносчицы. Голоса в зале становились все громче, шутки — все неприличнее, ругань — все забористее, еду на столы приносили все реже, а пиво и самогон — все чаще. Лара оценивающим взглядом пробежалась по раскрасневшимся потным лицам собравшихся в кабаке мужчин и чуть насторожилась: два человека, сидящие с кружками за маленьким столиком в укромном уголке, казались такими же пьяными, как и все остальные, — чуть покачивались, время от времени кричали ругательства и стучали кружками по столу, призывая разносчиц, но адвокатско-сыщицкий опыт уверенно говорил Ларе, что тут что-то не так. Лара всмотрелась: лица этой парочки не были красными, руки с кружками не тряслись, головы не свешивались периодически на грудь, а держались прямо, а главное — взгляд исподлобья, который они частенько бросали в зал, был кристально трезв и насторожен.

Никакая сила на свете не смогла бы сейчас удержать Лару от попытки прояснить темные замыслы этой парочки. Крадучись прошмыгнула под стол подозрительных мужчин, стараясь стать как можно более незаметной, но ее рассекретили.

— Мяу-у-у! — злобно заверещала ободранная серая кошка, которая уже сидела под этим столом и спокойно грызла косточку до вторжения Лары.

«Ах, чтоб тебя! Да не нужна мне твоя кость, сиди тихо!» — взмолилась про себя Лара и дружелюбно заурчала, всеми доступными способами демонстрируя мирные намерения. Кошка притихла, искоса поглядывая на Лару.

— Куда только хозяева смотрят — такую ораву кошек развели, — проворчал один из мужчин за столом и пнул ногой Лару в бок.

Лара взвыла от неожиданности и боли, но не ушла из-под стола, вслушиваясь в разговор мужчин.

— Пес с ними, с кошками этими. Зато здесь нас никто не подслушает, сюда солдаты не заглядывают, только работяги всякие. А если хоть один солдат услышит, что мы замышляем, головы нам с плеч мигом поснимают, они ведь за красноперого в огонь и воду идти готовы, — сказал второй мужчина.

— Дураки эти солдафоны, я в огонь и в воду только за золотом идти готов.

— Вот золото и получишь. Задаток пересчитал? — Недолгая тишина, видимо, первый мужчина кивнул. — После дела в два раза больше получишь, так что постарайся не промахнуться.

— Не промахнусь. У меня новое ружье аж на триста пятьдесят шагов прицельно бьет, у самого Зарила заказывал — уникальная вещь!

Его собеседник невнятно проворчал что-то и стал, покачиваясь, подниматься.

— Па-а-шел я-а, дру-у-ган, — сказал, подражая пьяному, и Лара пронаблюдала из-под стола, как его сапоги прошагали к выходу.

«Вот и довелось вам стать свидетельницей по делу о заказном убийстве, Лариса Васильевна, — хмыкнула про себя Лара. — Мир другой, а приемчики те же. Жаль, лиц не видела, хотя какая разница — какой из кошки свидетель?! С моего мяуканья даже фоторобот составить не смогли бы. Вот чисто профессиональный интерес: кто этот красноперый, которого солдаты любят?»

Лара посмотрела, как вторая пара сапог потопала к выходу, а под освободившийся стол нырнули еще два кота.

— Мяу-у-у!

— Яу-яу-уау!!!

— Уау-у! — раздалось под столом, когда серая кошка воспротивилась новым налетчикам, которые, в отличие от Лары, были намерены забрать себе все огрызки.

Гениальная идея Лары побежать за киллером и рассмотреть его как следует была погребена под разноцветным клубком сцепившихся котов, которые с рычанием и воплями выкатились из-под стола, прихватив с собой и Лару. Шар из четырех котов был весьма увесист и с шумом сбивал пустые стулья, а еще с большим шумом — не успевшую увернуться служанку. Девушка, несшая поднос с десятком полных кружек, растянулась на полу, с грохотом уронив поднос и разбив-расплескав все его содержимое.

— Яу-яу-уау!!! Уау-у! — радостно присоединились к драке остальные столовавшие в кабачке коты.

Посетители свистели и улюлюкали, подзадоривая котов, а служанки причитали, что из их заработка все разбитое вычтут.

«Хорошенького помаленьку! — выбралась наконец из общей кучи Лара и встряхнулась. — Кошачьи драки — это без меня, пожалуйста, я кошечка воспитанная... тьфу, даже и не кошка вовсе, прошу заметить! Я — умная, образованная девуш...»

— А-а-а!!! — хором завопили служанки. — Черная кошка!!! Это она во всем виновата, это она погром устроила!!!

В бедную Лару полетели все недобитые кружки. Лара взвыла и бросилась наутек.

«Местное население имеет явную склонность к скоропалительным решениям! — уворачиваясь от летящих в нее снарядов и пробиваясь с боем к открытому окну, критиковала суеверие служанок Лара. — Почему сразу я виновата?! Тут куча кошек, почему же виноваты именно черные?! Это расизм, дискриминация по цвету шерсти! Я требую толерантного отношения! Презумпции невиновности, в конце концов!»

Дипломированный адвокат, покрытый черной шерстью, вылетел в окно и припустил к своему единственному другу в этом непросвещенном мире: генералу Леону Ардамасу.

Дорогу до дома Лара нашла быстро — кошачье чутье уверенно привело ее к нужным воротам. Лара пролезла под уже закрытыми на ночь створками, подбежала к персональному крыльцу генерала и обнаружила, что дверь опять заперта.

— Мя-ау!!! — обиженно завопила Лара.

Что за день сегодня неудачный! Усталая, голодная, потрепанная кошка с выдранной шерстью должна опять мерзнуть на крыльце?!

Послышались тяжелые шаги: большинство солдат из личной охраны генерала еще не спали.

— Петкось, глянь-ка, это же генеральская кошка? — подошел к Ларе солдат в форме с серыми нашивками.

— А я почем знаю? — лениво ответили ему. — У генерала кошка черная, полностью черная.

— Дык в темноте не отличишь черную кошку от серой!

— Огаста кликни, он лучше эту животину генеральскую знает.

«Вот это верное решение», — согласилась Лара и, обернув мерзнувшие лапки хвостиком, уселась ждать вихрастого.

Приплелся полусонный Огаст, удостоверил личность кошки и впустил ее в комнаты генерала.

Влетев в дом, Лара первым делом бросилась к заботливо оставленной

у стены полной миске тушеного мяса. Вторым делом — направились на поиски Леона: пусть шерсть причешет, а то несолидно девушке вылизываться, пусть она и кошка (временно, просьба заметить!!!).

Генерала Ардамаса в комнатах не обнаружилось. Лара прошла по второму кругу, даже под кровать заглянула — нет никого.

«Вот те раз! Куда это он на ночь глядя запропастился? Мне тут скучно вообще-то. Пойду на улице поищу. — Лара двинулась к двери: та была плотно закрыта. — Чтоб вас всех!!!»

Лара пободала головой массивную дверь, побилась в нее боком — никакого эффекта. Даже не запертая на засов дубовая дверь кошачьими силами не открывалась. Окна закрыты были, а в камине горел огонек, так что вылезти через трубу (крайний, но все-таки вариант) тоже возможности не представлялось.

«Ну и ладно, буду лежать на шкуре, бездельничать... НЕТ! Лучше стихи Пушкина вспоминать буду. Я помню чудное мгновенье, передо мной явился ты!..

То есть явилась, а не явился. Но красив этот демон тоже был до умопомрачения. Вот теперь и умопомрачаюсь: даже расслабиться после тяжелого дня боюсь, а то опять в кошачью сущность засосет».

Полчаса Лара цитировала наизусть всю школьную программу пушкинской поэзии, потом опять забеспокоилась, где это генерала носит.

«Что за мода — по ночам по городу шляться, в котором уголовных элементов больше, чем приличных граждан? Тут киллер на киллере сидит и киллером погоняет. И не спасут вас красные генеральские нашивки, господин Леон... — Тут в мозгу мелькнула мысль, которая показалась Ларе важной. — Красные нашивки... — повторила она еще раз. — Елки-палки, красноперый! Которого любят солдаты!!!»

Лара вскочила и с воем заметалась по комнатам. Это же точно его, Леона, убить хотят! Дура она, как есть кошка безмозглая! Лара посмотрела на оставленное ей широкое ведро с водой: сможет она дотащить его до камина, чтобы огонь залить? А труба-то еще долго горячей будет... Думай, Лара, думай! Хороших людей на свете мало, жаль будет, если такого умного, смелого, благородного человека убьют!

Придумать план спасения своего нового друга и защитника Лара не успела: с крыльца донесся шум шагов, и дверь распахнулась, явив взору Лары целого и невредимого генерала.

Не описать чувство огромного облегчения, которое накатило на Лару. Она бы никогда не простила себе, если бы из-за собственной недогадливости не смогла предотвратить убийство человека. Радостно

мурча, кошка бросилась к Леону: тыкалась мордочкой в его ладони, терлась лбом о колени, а когда он присел перед ней на корточки, ласково лизнула в щеку.

— Привет, Кошка! Где тебя весь день носило? — спрашивал Леон, глядя пушистую шерстку. Потом подхватил на руки и захлопнул дверь. — Эх, Кошка, ты даже не представляешь, как приятно, когда тебя дома кто-то ждет! — И мужчина прижался щекой к теплой шерсти мурлыкающей кошки.

«О, да вы в подпитии, ваше высокородие, — усмехалась Лара, улавливая отчетливый запах спиртного. — Но это не важно, важно — что живой!»

— После смерти матери меня никто у порога не встречает, — продолжал изливать душу генерал, тяжело плюхаясь на постель вместе с Ларой и раздеваясь.

«А это еще что за запах?» — повела носиком Лара.

«Духи, — охотно подсказал кошачий нюх, — женские, дешевые. А еще запах секс...»

Лара с шипением соскочила с кровати. Ах он, зараза! Она тут переживает, а он по борделям шляется?!!

— Ты куда, Кошка? — Леон протянул к ней руку, и его ощутимо цапнули зубами. — Ай! Ты чего? — недоуменно спросил он.

Леон смотрел, как кошка разозленно шипит и рычит на него, как брезгливо морщится ее носик, как она гордо разворачивается и, подхватив медвежью шкуру зубами и упираясь в пол лапками, тянет свою «постель» в дальний угол комнаты.

«Вот это встретила так встретила! — ошарашенно рассуждал Леон. — Ясно, что она учуяла, где я вечер провел, но... НО!!! Какое кошке дело до моих мужских гулянок? Смотрит, будто жена на мужа-изменника. Черт, я в самом деле себя виноватым ощущаю?! Что за бред?!»

Леон досадливо вздохнул и завернулся в одеяло. Сон не шел. Эта странная кошка за несколько дней умудрилась стать ему нужной, и Леону была неприятна их размолвка. Она так радовалась, когда он пришел... Леон снова вздохнул и повернулся на другой бок. В углу обиженно сопела кошка.

Спустя час ситуация не изменилась: кошка сопела, Леон не спал. В конце концов мужчина не выдержал:

— Хватит дуться, Кошка! Я месяц в походах был и опять уходить собираюсь. И какого дьявола я сейчас тебе это говорю?! Иди ко мне, хватит сопеть!

«И в самом деле, чего я так на него взъелась? Он ведь понятия не имеет, что я заказ на его убийство подслушала. — Раздражение уже улеглось, и Лара смогла рассудить здраво. — Он одинокий мужик, постоянной женщины явно нет, невеста тоже вряд ли имеется, если только помолвка по расчету не заключалась. Почему я так в этом уверена? Не похож он ни на влюбленного, которого дама сердца где-то дожидается, ни на галантного кавалера, у которого любовница в каждом городке. Да чего уж там: даже служанки более заинтересованно смотрят в сторону Огаста, чем на генерала. Побаиваются его, что ли? А в итоге никто, кроме меня, его дома и не ждет...»

Женская жалость и сентиментальность — это те слабости, которые чаще всего используются хитрыми мужчинами для достижения коварных целей. Лара встала со своей шкуры и потопала к кровати. Через минуту и Леон, и Лара крепко спали, и генерал прижимал к своему боку теплую пушистую кошку.

Глава 12

ВОЕННЫЙ ПОХОД

Утром Леон привычно проснулся на заре. Домашняя питомица еще спала, смело расположив лобастую голову на подушке генерала и дыша тому в ухо.

«И чего она вчера так расфырчалась? Мне будет недоставать ее в походе. Надо не забыть предупредить слуг, чтоб кормили ее тут хорошенько и ухаживали как положено. А как, интересно, положено за кошками ухаживать?» — задумался генерал и легонько погладил черную шелковистую шерстку.

Кошка распахнула зеленые глазки.

— Привет! — Леон настороженно посмотрел в эти глазки: в каком настроении киса проснулась?

— Мур-р, — радушно откликнулась Лара, и Леон улыбнулся и почесал кошку за ушком.

— Умываться и завтракать! — скомандовал он.

Ну, кошке умыться — только облизнуться. А вот мужчина долго обливался во дворе холодной водой, фыркая и встряхивая головой, как большой мокрый котик, а потом брился, сидя у окна и водя по намыленным щекам и горлу остро наточенным кинжалом.

«Какой экстремальный вид бритья: шуганет кто ненароком, рука дрогнет, и прощай, мой генерал, поминай как звали, — поражалась Лара, с опаской наблюдая, как острейшее лезвие движется вверх-вниз по шее генерала. — Он не в курсе, что с перерезанной сонной артерией человек дольше нескольких минут не проживет? Так у меня бы спросил — нам три года курс криминалистики в университете читали! Я теперь понимаю, почему в этом мире так редко встречаются мужчины без бороды: знать, слишком много несчастных случаев при бритье происходит».

Этим утром, однако, чрезвычайных происшествий удалось избежать. Завтрак тоже прошел вполне мирно, как и занятия с Огастом. А вот после обеда Леон начал давать указания прислуге, как обращаться с кошкой в его отсутствие.

«Ишь, в его отсутствие! Твое отсутствие, генерал, будет и моим отсутствием! Про киллера я тебя предупредить никак не могу, так что придется мне твоим бессменным телохранителем побыть. Процесс

обучения грамоте опять-таки прерывать нельзя. Да и что мне тут без тебя делать-то?! Опять в кошку от лени окончательно превращусь! А главное — друзей в беде не бросают: ты на бой с превосходящими силами врага идешь, а я в тылу отсиживаться должна?! Не по-русски это и не по-человечески», — сердилась Лара и планировала тайный побег к местам будущей боевой славы.

Как только генерал Ардамас в очередной раз ушел по своим генеральским делам, кошка понеслась к месту дислокации выступающих в поход войск. Черда подвод и повозок стояла уже за городской стеной, и кошка тихонько, остерегаясь караульных, облазила их все. Целых три подводы были заняты пушками: по две штуки на каждой подводе. Пушки тут были довольно легкие, с тонкими стальными стволами, больше похожие на оружие Первой мировой войны, чем на вооружение Средних веков. Но и пушки, и ружья, судя по разговорам солдат, нужно заново перезаряжать после каждого выстрела, и процесс этот не слишком быстрый, поэтому в атаке чаще использовали мечи и штыки. Потом Лара наткнулась на накрытую тентом телегу, в которой лежало солдатское обмундирование.

«Зачем он в недельный (предположительно) поход берет столько новой солдатской формы? — озадачилась Лара. — Ладно, генерал — военачальник бывалый, ему всяко виднее, чем мне, что в походы брать. Мне же лучше, что такая роскошная постель будет, и под тентом ни дождик не намочит, ни генерал раньше времени меня не найдет. Пусть думает, что дома осталась. А в остальных обозах что?»

Любопытная кошка быстро выяснила, что другие грузы не менее занимательны: в одной телеге под парусиной обнаружилось с три десятка пушечных стволов (только стволов, то есть металлических палок с круглыми утолщениями дул на конце), а в другой — великое множество штыков от ружей.

«Неужели у пушек стволы после каждого выстрела отваливаются?! — недоуменно почесала лапой за ухом Лара, сидя в теньке у обоза. — А штыки после каждого удара менять, что ли?! Чепуха какая-то. Вот еще штыки солдаты тащат. Зачем?! Эх, Лара, пора признать, что ты полный профан в средневековых войнах».

— Зачем это генерал велел целую подводу штыками загрузить? — спрашивал солдат с серыми нашивками у солдата с синими нашивками, и Лара порадовалась, что она — не единственный новичок-простачок в этом походе.

— А тебе что за дело? Велено грузить — грузи. Генерал Ардамас

глупых указаний в жизни не отдавал. Сказал — нужны штыки, значит — нужны.

Подождав, пока лишние люди разойдутся, Лара осмотрела другие повозки. Там были съестные припасы, палатки, котелки, ложки, кружки, тряпье, лекарства и бинты, одеяла, факелы, непонятные смолянистые жидкости в небольших бочонках, овес и сено для лошадей, упряжь, седла, запасные колеса для телег, топоры, ножи, много бочек с порохом и ружейной дробью, деревянные ящики с круглыми снарядами для пушек и какие-то совсем уж непонятного назначения вещички.

«Теперь ясно, почему в поход несколько дней собираться надо: это тебе, Лара, не на курорт с парой купальников, смартфоном и кредитной карточкой ехать. Завтра утром придется ради побега завтраком пожертвовать, а то после еды генерал меня в комнатах закрыть может, а из них, как выяснилось недавно, не сбежишь», — приняла решение Лара.

По аллее парка под сенью молодой весенней листвы прогуливалась очаровательная девушка в светлом летнем платье и читала письмо, которое только что принес ее голубь.

«Сделка заключена. Красноперый завтра выдвигается к Буртану. Жди. Убедись, что дело сделано, и приезжай ко мне. Если сорвется, ты знаешь, как быть. У тебя есть все, что нужно для визита к раненому. Или даже не раненому. Надеюсь на тебя, моя дорогая. До встречи».

Ранним утром назначенного для выступления военного корпуса дня Лара сбежала со двора, когда Леон отправился умываться. Пробежав по заполненным солдатами улицам, кошка, скрываясь в изумрудной траве, подползла к телеге с мундирами и забилась под тент. Чернохвостого пополнения войска никто не заметил.

— Куда-то кошка запропала, — озабоченно говорил дома Леон своему оруженосцу, посматривая в сторону одиноко стоящей у стены миски с кашей.

— Явится, ваша милость, не переживайте. Кошки всегда возвращаются к дому, где их кормят, — заверила генерала подающая завтрак служанка, а Огаст согласно кивнул.

«И в самом деле, чего я нервничаю? Это же кошка, а не человек, откуда ей знать, что я надолго уезжаю? Что погладить на прощанье хочу? Неужели правда настолько уверовал в ее разумность, что ожидал полноценных проводов со слезами и поцелуями? То есть с мурчанием и лизанием в щеку? — усмехнулся Леон собственным мыслям. — Это во мне

вдруг потребность в близком человеке проснулась? Уже забыл, как больно эти близкие предавать могут?»

Генерал выбросил из головы все глупые мысли и сосредоточился на завтраке и предстоящем походе.

Солнышко припекало, под тентом становилось жарковато, и Лара лежала у самого края, где под холстину задувал свежий ветерок. Кроме того, в щелку видно, где проезжает их войско, а Ларе важно это видеть: она не забыла про наемного убийцу, который явно следует за ними по пятам. То, что киллер не солдат, Лара поняла из того достопамятного разговора в кабачке, а переодеться в форму и затеряться среди остальной солдатской массы он бы не смог — здесь все довольно хорошо знали друг друга в лицо. Следовательно, он должен следовать за войском и ждать подходящего момента.

«Хорошо, что в этом мире нет снайперских винтовок с оптическим прицелом, у которых прицельная дальность до двух километров! Триста пятьдесят метров — это не так много, а мы сейчас идем вдоль полей и равнин; до ближайших лесочков, где укрыться можно, расстояние больше километра, — прикидывала Лара. — Вот вечером, как стемнеет, надо будет в оба смотреть. С другой стороны, в темноте и киллер прицелиться не сможет, у них же тут нет приборов ночного видения! И дозорных, кажется, выставлять положено, так что тихо он не подкрадется. „Кажется, кажется“!!! До чего неприятно ощущать себя такой некомпетентной! Сколько дел в отделе у Гаврилова на моих глазах ребятами раскрывалось, сколько и через мои руки уголовных дел по убийствам прошло, а сижу сейчас — дура дурой! Горе-адвокат. Что бы я предприняла, если бы хотела незаметно убить военного во время войны? — Лара решила испытать классический метод: поставить себя на место убийцы и представить его размышления. — Проще всего дожидаться атаки и из-за кустов выстрелить в спину. В разгар боя никто не обратит внимания на характер ранения, подумают, что враги убили. Плюс звук выстрела сольется с множеством других, плюс будет много времени, чтобы тихо скрыться. А палить сейчас — это сразу нарваться на погоню конницы и кровавую месть солдат за убийство любимого военачальника. А киллер — не идейный преступник, которому лишь бы убить, он за деньги работает и планирует жить долго на нечестно заработанное. Так что самый подходящий вариант для нападения — день первого боя».

Успокоившуюся кошку в жарком воздухе повозки сморил сон, и очнулась она только от резкой остановки — объявили привал.

Лара потянулась: «Сейчас кормить будут! А генерал велел с собой и мяса много взять, и колбас разных вку-у-усных. Надеюсь, запасные миски у них тут тоже есть, иначе извини, генерал, придется из твоей тарелки похлебку хлебать».

Лара выскочила из-под тента, напугав своим внезапным появлением парочку солдат.

— Черная кошка! Это к беде! — закрестился один.

— К какой беде, дурень? Это генеральская кошка! Говорят, исключительно умная тварюшка.

И Лара с благодарностью взглянула на второго солдата. Приятно, когда тебя считают умной, пусть даже и тварюшкой.

Леона она увидела сразу: на своем монстроподобном гнедом он гарцевал возле телег с продуктами и громко разговаривал с одним из командиров звеньев. Солдаты уже все спешили, споро разводили костры и доставали утварь, вели коней на водопой к небольшой речушке и кидали им корма под чутким присмотром военных с синими нашивками. Ловко лавируя между множеством ног и копыт, Лара добежала до генерала и остановилась на почтительном расстоянии от фыркающего на нее коняги.

— Вы кошку в поход взяли? — с неприкрытым изумлением спросил командир звена, первый заметивший Лару.

— Нет, с чего ты так решил? — Генерал опустил взгляд и обнаружил свою питомицу, которая с самым невинным видом сидела в паре шагов от его коня. — Ты как тут очутилась?!

— Она под тентом в телеге с обмундированием ехала, ваше высокородие. Знать, заранее туда забралась, — пояснил солдат, который из любопытства проследовал за выскочившей из телеги кошкой. — А как выскочила — прямой наводкой к вам побежала.

Леон спешил, присел на корточки и протянул руку:

— Иди-ка сюда, негодяйка. Это ты утром, пока я завтракал, уже успела в телеге спрятаться? Как только догадалась, что я уезжать собрался и где спрятаться можно? Поразительное ты существо, Кошка. — Генерал ласково гладил довольно мурлыкающую Лару.

«Я уже и соскучиться по твоему обществу успела, генерал. И кошачья сущность во мне точно где-то прячется — не могу же я сама так мурлыкать и получать столько удовольствия от того, что меня треплют и тискают», — думала Лара.

— Огаст, коня на водопой отведи, — крикнул оруженосцу генерал.

Вихрастый парень подскочил и недовольно скривился при виде кошки.

— И тут нашла, зараза, даже на войне покоя не даст, — пробурчал он

тихо, чтобы генерал не услышал, но чуткие кошачьи ушки донесли до Лары каждое словечко.

Генерал отпустил командира, с которым беседовал, и обратился к питомице:

— Пошли обедать, чудное животное?

«Кивать не буду, это совсем уж лишнее, но следом побегу, можешь не волноваться, генерал». — И Лара потрусилась за Леоном.

Обед удался на славу, миску отдельную Ларе дали, и, когда войско снова тронулось в путь, прятаться и изнемогать от жары под тентом уже не было нужды: кошка сидела на свежем ветерке и с гордым видом посматривала по сторонам. Вечером в палатке генерала Лара опять лежала на плечах у пытающегося читать слова по слогам Огаста и удивлялась его тугодумию.

«М-да, даже в том случае, когда знания щедро и бесплатно раздают всем желающим, приходится все равно нужно со своей тарой», — посмеивалась Лара. Сама она уже читала довольно бегло и была твердо намерена по возвращении в дом генерала прошерстить его библиотеку. Ей бы энциклопедию какую или справочник по населению и истории этого мира почитать. А вопрос с переворачиванием страниц умный человек и с помощью кошачьего тела решить сможет.

Спала Лара опять в постели генерала, и, похоже, тут теперь было ее законное и постоянное место для сна.

Утром следующего дня к генералу привели двух связанных мужчин в крестьянской одежде.

— Шпионили, ваше высокородие, — доложил дозорный.

— Мы крестьяне, из села соседнего, за сеном на поле шли, — залепетал один из «селян», а второй закивал нечесаной головой.

«Маскарад у вас, конечно, первоклассный, — оценила внешность шпионов Лара, — но военную выправку спрятать не удалось. И речь слишком грамотная — все слова произносите четко, с логическими паузами, — так говорят в городе, а не в деревне. Я-то достаточно наслушалась сельского говора».

Леон тоже не усомнился в личности пойманных и велел задержать их как военнопленных.

«Слава богу, вешать не стал. Генерал, как любой военный, уважает солдатскую жизнь и не губит ее понапрасну. В самом деле, они ведь не мародеры, не убийцы, не насильники, а просто честные солдаты, выполняющие приказ командования», — одобрила приказ Леона Лара.

Глава 13

ЗНАКОМСТВО С КРОНПРИНЦЕМ

К середине следующего дня воинский корпус Леона Ардамаса достиг земель, по которым осенью особенно сильно прокатилась война. Деревни, встречавшиеся теперь на пути следования войска, омрачали весенний пейзаж множеством остовов сгоревших домов, заморенными лицами крестьян, малым поголовьем деревенских стад и домашних птиц: почти все коровы, овцы, свиньи, куры, гуси, утки были экспроприированы (то есть попросту отобраны) у местного населения чужими и своими же войсками, которые сражались тут полгода назад. На полях стояло много стогов прошлогоднего сена, которое крестьянам незачем было убирать, так как некому было его есть. На военных жители деревень посматривали настороженно, но, узнав, что это войско генерала Ардамаса, облегченно вздыхали и желали солдатам удачи.

«Не зря мне Леон сразу приличным человеком показался. Он, похоже, единственный из всех генералов Картума, который не грабил население своей страны, а весь провиант возил с собой либо покупал у крестьян за звонкую монету, — делала выводы Лара. — И солдаты его как родного отца почитают. И доверяют безмерно. Всем известно, что войско противника в два с лишним раза превосходит наше, но никто не плачет и не стонет, что его на погибель ведут, — все уверены, что Леон что-нибудь придумает. А что тут можно придумать? Засады устраивать и отстреливать потихоньку? Так с их допотопными ружьями, которые стреляют с таким грохотом, что мертвого поднимут, потихоньку не получится. А в бою на мечах соотношение один к двум и один к трем — это однозначно смертельный вариант, у солликийцев тоже не дети малые в войска набраны».

К вечеру до Лары донеслись предупреждающие крики солдат: на горизонте справа от движущегося войска появилось темное пятно приближающегося к армии конного отряда. Этот отряд ехал со стороны земель Картума и вряд ли мог быть солликийским, но солдаты по приказу Леона сразу заняли оборонительное положение, оцетинившись ружьями навстречу гостям. Леон внимательно всматривался в приближающуюся кавалькаду, поднеся к глазам подзорную трубу. Потом хмыкнул и скомандовал:

— Вольно! Это свои. Его высочество принц Гильдар пожаловали.

Лара во все глаза рассматривала местного принца — пасынка короля Варта Зоилара и его наследника. Принц был светловолос, светлоглаз и весьма симпатичен: молодое лицо с тонкими чертами, но твердым квадратным подбородком, широкие плечи, стройный стан, на котором весьма хорошо сидела военная форма. Ларе понравилось честное и открытое лицо молодого человека, полное отваги и решительности. Вместе с принцем прибыло его личное звено — еще триста солдат.

Глядя, как спешившиеся Леон и Гильдар радостно жмут друг другу руки и приятельски похлопывают друг дружку по спине, Лара уяснила для себя, что эти двое являются закадычными друзьями.

«Помнится, людьми говорилось, что Леон в негласной опале при дворе. Если это и так, то с кронпринцем эта опала никак не связана», — рассудила Лара и перебралась на самую первую телегу, поближе к генералу. На ней везли пушки, и сидеть на жестком лафете кошке было не слишком удобно, но зато она хорошо слышала все, что обсуждали главные участники этой военной авантюры.

— Какими ветрами тебя в эту глушь занесло? — спрашивал Леон.

— Решил, что давно видами с крепостной стены Буртана не любовался, — насмешливо ответил Гильдар, — вот и захотел компанию тебе составить. В донесении королевских шпионов говорится, что солликийцев там чуть поболее трех тысяч человек стоит. А у тебя четыре звена всего.

— И Варт решил отправить всего одно звено на подмогу? А смысл? И как вы так быстро от столицы добрались?

Гильдар нахмурился:

— Я не знаю, что решил отец. Как только мне голубиной почтой прислали сообщение мои доверенные лица во дворце, я сразу двинулся к тебе. Не из столицы: я инспектировал юго-западные земли не очень далеко отсюда. Там много хозяйств разорено, и без помощи королевского дома их не возродить.

— Ну-ну, — весело сказал Леон, — а помимо разоренных сел и деревень еще и поместье Аскара Зоилара имеется, в котором сейчас его доченька к свадьбе готовится. Помнится, жениху нельзя видаться с невестой до венчания?

Гильдар покраснел и стал заверять друга, что с Диалой Зоилар он виделся только случайно, мельком.

«Слабовато врите, молодой человек, — потешалась Лара. — Суд присяжных вам бы убедить не удалось. Значит, дочь кузена короля — твоя невеста. Это Варт Зоилар хочет таким образом твое право на престол

укрепить? А если родному сыну решит королевство оставить?»

Эхом к мыслям Лары прозвучал вопрос Леона:

— Ваша помолвка все еще в силе? Свадьба будет летом, как и планировалось?

— Леон, хоть ты эти глупые сплетни не повторяй! — возмутился принц. — Мы с Диалой венчаемся по причине взаимных чувств, а не государственных соображений! И ты же знаешь, мне без разницы, кому отец оставит престол, мне или Милору. Мой брак с Диалой не имеет к вопросу престолонаследия никакого отношения!

«Леон с этим утверждением не согласен, — смекнула Лара, заметив, как поджимает губы и чуть заметно хмурит брови генерал. — Принц-то, может, и не думает о троне, но король Варт Зоилар и его кузен вряд ли столь простодушны. Уж Аскар Зоилар явно с дальним прицелом свою дочку замуж за Гильдара отдает. Интересно, если Варт сейчас объявит наследником родного сына, Аскар действительно разорвет помолвку дочери со старшим принцем, как намекают сплетни? Впрочем, какое мне дело до придворных интриг? Но принц мне нравится. Сколько ему лет? Точно, в кабачке говорили — двадцать. То, что в этом возрасте принц еще не испорчен дворцовой жизнью и даже без зова бросается на помощь другу, свидетельствует о цельности и искренности его натуры».

Вечером небольшая армия Ардамаса в расширенном составе встала на ночлег. Сегодня солдатам выдали на ужин только сухой паек, приказав как можно быстрее ложиться спать, так как следующая ночь будет практически бессонной. Почему бессонной, генерал не пояснил, а солдатам не по уставу расспрашивать начальство. Лара подхватила свою пайку в виде длинной домашней колбасы и унесла в палатку. Палатку генерала собрали одной из первых, и Лара укрылась в ней от мелкой мороси, которая к ночи посыпалась с неба. Съев сухпак и зарывшись в одеяла по самые уши, Лара повторяла про себя местный алфавит, опасаясь праздного времяпрепровождения: она чувствовала, что кошачья сущность не дремлет, а терпеливо ждет своего часа, когда Лара опустит лапки и уступит ей главенствующую позицию в этом мохнатом теле.

«Не дожدهшься, — упрямилась Лара. — Я хорошо помню известную притчу о лягушке в кувшине с молоком и буду взбивать себе островок маслица, пока лапки шевелятся и уши дергаются!»

В палатку вошел понурый Огаст. Причина его понурости была прижата локтем к боку и представляла собой книгу для чтения, рассчитанную на таких вот начинающих чтецов. На обложке крупными буквами было написано: «Для детей». Такие простые слова Лара прочитала

легко. Вслед за Огастом вошел Гильдар, который, судя по тюку в руках, вознамерился ночевать в палатке генерала.

«В каком высоком обществе я проведу сегодняшнюю ночь, — улыбнулась Лара. — На Земле мне с принцами в одном помещении даже бывать не приходилось, а тут прям спать на соседних постелях будем. Надеюсь, его высочество не храпит».

Оруженосец зажег свечу на маленьком столике и уселся читать, шевеля губами и негромко проговаривая вслух все читаемое. Лара прислушалась: он что-то бормотал о странах и народах.

«Ух ты! Это что, детскую энциклопедию ему Леон выдал?! Вот это вещь — ответ на мои молитвы!» И Лара черной молнией привычно прыгнула на плечи к пареньку.

Но недопрыгнула. На пути к знаниям Лару остановил Гильдар. На середине прыжка перехватил, прервал такой полет! Полет души и тела, можно сказать!

— Что за чертовщина?! Откуда здесь эта злобная тварь? Она наброситься на тебя хотела, Огаст, прямо в горло метила! — воскликнул Гильдар, удерживая возмущенно мяукающую кошку на вытянутой руке и пытаясь второй рукой вытащить кинжал из ножен.

«Темнота деревенская, а еще принц! Я ж не хорек бешеный, а кошка, причем мирная и домашняя! Глаза раскрой пошире! А кинжал убери подальше, мы так не договаривались, чтоб гости с холодным оружием на нас бросались! Пришел в чужой дом — сиди тихо, нечего тут зачистку коренных жителей устраивать, — запальчиво голосила Лара на кошащем наречии. — Вот совсем ты мне теперь не нравишься, господин кронпринц, был бы в моем мире — посадила б по статье за жестокое обращение с животными!»

— Отпустите кошку, ваше высочество! Она хоть и злобная тварь, но генерал очень ею дорожит! — поспешил вмешаться Огаст.

«Злобная тварь?! Я?! Ну, вихрастый, кредит моего долготерпения ты исчерпал! Мсть моя будет маленькой, но памятной, обещаю!» Лара злобно посмотрела на парня.

— Генерал? — тем временем удивлялся принц. — Это что, кошка Леопа?

— Да-да. Вы отпустите ее, пожалуйста. Она всегда у меня на плечах сидит, когда я книгу читаю, привычка у нее такая.

Гильдар выпустил Лару из плена своих объятий. Лара встряхнулась, одарила принца максимально пренебрежительным и недовольным взглядом и заняла свое законное место на плечах у Огаста. Свеча потрескивала,

оруженосец генерала читал, Лара тоже читала, вникая в названия стран и их столиц, крупных гор, рек и озер Картума и привычно покусывая Огаста за ухо, когда он делал грубые ошибки в прочтении слов. Это действительно оказалась самая краткая и простая энциклопедия, иллюстрированная множеством картинок: тут были и главные достопримечательности городов, и люди в национальных костюмах, и портреты королей, в том числе и Варта Зоилара. Никаких сведений о других разумных расах, помимо людей, первый раздел книги не содержал, и Лара окончательно признала, что никакие волшебные существа на помощь ей не придут. Слепая Ведунья оставалась единственным известным вариантом. Зато Лара порадовалась, что в соседних странах говорят на том же языке, а другие диалекты встречаются лишь в отдаленных землях.

— Поразительно, — донеслось со стороны Гильдара, — она треплет тебя за ухо только при ошибках!

— Знаю, — сумрачно отозвался Огаст. — Она еще вертеться совсем не дает и с плеч не слезает, пока до конца заданный урок не дочитаю. Как уж там ее кошачья голова работает — не ведаю, но покоя от нее нет!

— Удивительно умная кошка, — произнес Гильдар задумчиво.

— Все так говорят, — ответил Огаст, всем своим видом давая понять, что лично он этого всеобщего мнения не разделяет.

Паренек дочитал раздел до конца и захлопнул книгу. Лара спрыгнула назад на кровать и демонстративно повернулась к принцу хвостом: с вооруженными бандитами она общаться не намерена! Оруженосец покинул палатку. С улицы послышался приближающийся голос Леона:

— Ты весь урок прочитал?

— Да, ваше высокородие.

— Его высочество устроился, ничего не нужно?

— Ничего не говорили, ваше высокородие.

— Ну, доброй ночи, Огаст.

В палатку вошел Леон. Лара приветливо мурлыкнула, но с места не сдвинулась: мало ли что этому психованному принцу с маниакальной подозрительностью в голову стукнет?! Прирежет нечаянно, и не будет больше у генерала черной кошки, только пушистый коврик на память и останется. А Ларе совсем не хотелось еще и в роли коврика пожить, ее и так уже в эволюционной пирамиде сильно понизили.

— Хорошо устроился, Гильдар? — спросил Леон, и принц кивнул. — Ты чего такая недовольная, Кошка? — обратил внимание генерал на угрюмое сопение своей питомицы.

Принц смущенно откашлялся и рассказал о своем бурном знакомстве с

Ларой. Леон только головой покачал и погладил кошачью спинку, успокаивая.

— И как она к тебе прибилась? — поинтересовался принц, укладываясь спать.

Леон кратко рассказал историю знакомства с Ларой; теперь принц смотрел на кошку уважительно и еще более настороженно.

— А где она спит? — задал очередной глупый вопрос принц.

— Со мной и спит, — сконфуженно признался Леон, скинул верхнюю одежду и забрался под одеяло, придвинув Лару к боку.

Гильдар посмотрел на такое диво дивное, как суровый военачальник, спящий в обнимку с мурлыкающей кошкой, и изумленно покачал головой:

— Зачем ты так ее балуешь? Потом дома отучать и наказывать придется.

У Лары шерсть встала дыбом от такого заявления: «Как воспитывать кошек, знает каждый, у кого их нет! Где, по-вашему, я спать должна, ваше высочество?! Тут даже огонька не водится, у которого погреться можно. Вот и приходится пользоваться согревающими услугами большого мужского тела и терпеть возмутительные высказывания пустоголовых принцев. Будет возможность — обязательно уведомя вашу невесту о ваших взглядах на „баловство“ и „наказания“. Пусть хорошенько подумает, нужен ли ей такой спутник жизни, который будет ее отучать! Не ты приучил, не тебе и отучать!»

В темноте палатки мужчины задумчиво молчали. Лара почти заснула, когда услышала очередной «гениальный» вопрос принца:

— Леон, я не знаю, что ты придумал, но сработают ли твои задумки? Мы переживем эту битву?

— Мне и самому интересен ответ на этот вопрос, — невозмутимо откликнулся Леон.

«Вот и поговорили. Чисто дети малые, ни на секунду без пригляда оставить нельзя: задумки у них, видите ли. Надо будет завтра проконтролировать подготовку к сражению, эти мужчины вечно какие-нибудь мелочи упустят. А Леона еще и от убийцы защищать надо — ни минуты покоя у кошки нет», — с этой мыслью Лара окончательно уплыла в сон.

Последний день похода прошел без происшествий, если не считать того, что дозорные опять схватили парочку шпионов. Крепость Буртан показалась к вечеру, и военный корпус Ардамаса расположился в нескольких километрах от нее в большой долине. Войско солликийцев уже можно было разглядеть в подзорную трубу: мелкие фигурки солдат,

палатки, огни. Два холма загораживали обзор, но пологий перекаат между ними позволял наблюдать за лагерем врага. Правда, Лару больше волновали две другие вещи: где находится лесок, в котором может спрятаться киллер (ближайшие заросли наблюдались за лагерем солликийцев), и что творит генерал — зачем велел в ночной темноте распотрошить два стога прелого сена?

Наблюдая, как набивают сеном новенькие солдатские мундиры и шапки-шлемы и сажают весьма похожих на людей (с дальнего расстояния, само собой) чучел на коней, Лара начинала понимать грандиозный замысел генерала.

«Вот это декорации он тут готовит — настоящий средневековый Голливуд. На Руси-матушке Потемкин догадался когда-то бутафорские деревни построить, а тут бутафорское войско Леон изобрел! Оказывается, и у военных фантазия порой через край хлещет. Как бы не утонуть нам в этом половодье, — переживала Лара. — Но не могу не признать: это хоть и призрачный шанс на победу, но все-таки шанс».

Глава 14

О СТРАШНОМ ВРЕДЕ СУЕВЕРИЙ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Оруженосец генерала Герстена тронул спящего военачальника за плечо:

— Ваше высокородие, картумская армия за Буртаном встала.

Генерал сел на походной постели и растер руками лицо.

— Из наших разведчиков никто не вернулся?

— Нет, ваше высокородие, но из Солликии пишут, что у Ардамаса всего четыре звена и принц Гильдар свое звено к нему привел. Так что у них всего полторы тысячи штыков.

— Много они видят из такой дали, — проворчал Герстен. — Ладно, завтра сами посмотрим, сколько их там. Они же сейчас нападать не планируют?

— Нет, костры разводят, на ночлег встают. Но сейчас слишком темно, чтобы в подзорную трубу разглядеть их количество.

Генерал задумался.

— Пришли-ка ко мне этих двух шустрых ребят, которые где угодно тишком пролезут. Может, им больше, чем предшественникам, в разведке повезет.

Вскоре в палатку генерала пришли два субъекта подозрительной наружности, одетые в форму солликийских войск.

— Чего угодно, ваше высокородие?

— В разведку сходить надобно, но очень осторожно — еще никто из ранее посланных обратно не вернулся. Посмотрите, сколько у Ардамаса человек, какое у них вооружение, сколько пушек, ясно?

— Ясно, ваше высокородие. На заре идти прикажете?

— Да. Как рассветет — сразу ко мне. Посмотрю, в каком направлении вас лучше отправить.

Ночью Герстен спал очень беспокойно, много раз просыпался. Под утро вышел из палатки, прогулялся до караульных постов.

— Как ночью вели себя картумцы?

— Тихо, ваше высокородие. Только их поболее нас будет, — хмуро сообщили караульные.

— Откуда такие сведения? — нахмурился Герстен.

— Так костров они пропасть сколько зажгли! По нашим прикидкам, на пять тыщ человек хватит снеди наготовить и согреться! А то и больше...

— Отставить такие разговорчики, — зло приказал Герстен. — Это Ардамас специально всех легковерных хочет убедить в превосходящем составе его армии. Ясно?!

— Ясно, ваше высокородие, — пробормотали караульные, но не только они одни видели зарево костров на поле за Буртаном, и к рассвету все солликийские солдаты с напряжением ждали, когда можно будет рассмотреть вражеское войско в подзорные трубы.

Как только занялась заря, Герстен и все его командиры начали наблюдение за лагерем неприятеля. Их глазам, вооруженным подзорными трубами, была открыта только часть картумского войска — та, что была видна между двумя широкими и пологими холмами, поросшими густым кустарником. Солдаты Ардамаса активно перемещались и выстраивались ровными рядами. Слева от холмов виднелось небольшое поле, сплошь уставленное маленькими копнами прошлогоднего сена.

— Что-то я не помню, чтоб тут столько кучек сена было, — пробормотал один из командиров солликийских звеньев. — Вроде только два больших стога стояло.

— А ты видел когда-нибудь, чтоб караульные перед боем сено охраняли? — пробормотал второй.

Вокруг копенек в самом деле двигались фигурки солдат. А сами копны подозрительно поблескивали на солнце...

— По вашему приказу прибыли, ваше высокородие, — отрапортовали двое подошедших на командный пункт шустрых солдат, беседовавших ночью с генералом.

— Отлично. Видите то поле с копнами сена? — Генерал передал солдатам подзорную трубу. Они по очереди всмотрелись и кивнули. — Выясните поточнее, что там такое, и сразу назад.

Шустрые скрылись в небольшом лесочке и направились к расположению вражеского войска. Генерал продолжил вести наблюдение в подзорную трубу.

— Смотрите, ваше высокородие, они одно звено на второй холм отправляют, — возбужденно прошептал очередной командир. — С двух сторон атаковать нас хотят.

Генерал Герстен прикинул число марширующих к холму солдат (они были видны по пояс из-за небольшой возвышенности между холмами) — это действительно целое звено.

— Ардамас очень глупо распыляет свои немногочисленные силы, —

хмыкнул он. — Одно звено никакого урона нам не нанесет, мы его еще на спуске с холма выстрелами положим.

Солдаты неприятеля скрылись за холмом. Через некоторое время кусты на холме зашевелились, и на солнце засверкали штыки солдатских ружей. Потом все стихло, остался только блеск трех сотен штыков.

— Может, отбить у них этот холм и самих картумцев в клещи взять? — выдвинули предложение командиры солликийцев.

— По нашей стороне холма идти невыгодно — как на ладони у них будем, — задумчиво проговорил генерал. В этот момент ко второму холму направилось еще одно звено солдат неприятеля. — Нет, лучше подождать, пока сами спустятся, — решил Герстен.

Прошло еще пятнадцать минут, и третье звено ушло ко второму холму, на вершине которого в кустах теперь сверкало около тысячи штыков. Когда по тому же маршруту двинулось четвертое звено, Герстен в раздражении опустил подзорную трубу и воскликнул:

— Какого дьявола он почти все звенья засадил на этот холм?! С его малым войском куда выгоднее нападать через проход между холмов — тут и кустов много, есть где спрятаться, и пушки вперед выставить можно — они все войско прикроют. А с холма как они спускаться будут?! Наша сторона холма ровная, ни оврагов, ни кустов больших нет — схорониться негде. Отсюда только при огромном перевесе в численности людей атаковать удобно!

Ответом ему стало сумрачное молчание. Командиры только рукой в направлении холмов махнули. Генерал поднес подзорную трубу к глазам и ахнул — ко второму холму двигалось пятое звено.

Через полтора часа солдаты солликийцев в панике шептались, что на холме сидит уже двенадцать звеньев, а это три с половиной тысячи человек. Даже невооруженным взглядом было видно, как тысячи штыков сверкают по всему возвышению. Солликийцы смотрели, и их пробирал страх.

— Четыре звена, говорите?! Пятое звено кронпринц привел?! — в бешенстве орал Герстен. — Да он уже значительно больше людей на этот холм засадил!!! К чертям такую разведку!

— Что делать-то будем, ваше высокородие? — в панике шептали командиры, наблюдая, как еще три сотни картумцев пополняют отряд на холме.

— Откуда у него столько людей?! Где он их взял, я вас спрашиваю?! — Герстен находился сейчас в полном отчаянии и глубоком удивлении.

Впрочем, генерал Герстен был бы в еще большем удивлении, если бы

узнал, что на холме сидит всего две сотни солдат, которые шевелят кусты да поправляют штыки на ветках. Штыков генерал действительно привез много — целую телегу. Да-да, штыки на холме были, а вот солдат почти не было: пока одно звено в полный рост маршировало к холму, второе ползком, под прикрытием невысокой перемычки между холмами, возвращалось на прежнее место, чтобы снова гордо промаршировать под взглядами неприятеля.

Пока Герстен, его командиры и солдаты недоумевали и ударялись в панику, двое шустрых солдат доползли до поля с подозрительными кучками сена. Вблизи было отчетливо видно, что на солнце блестят кое-где торчащие из копен дула пушек.

— Это ж сколько здесь пушек?! — ахнул один из шустрых.

— Тише ты, — прицыкнул на него другой. — Схоронись здесь, в овражке, а я сползаю, раскопаю сенцо.

Солликиец подождал, пока караульный отойдет подальше, и пополз к первому стогу. Его друг наблюдал, как тот осторожно скинул сено со стороны, не видной караульному, и обнажил бок пушки. Быстро вернув охапку сена на место, солликиец пополз к следующему стогу.

— Не спугните раньше времени, — еле слышно шептал Леон Ардамас, переживая, что караульные не выполняют в точности данные им инструкции — поднимать шум только после пятой (и последней) пушки, а до того делать вид, что ничего не замечают.

Сам Леон еще до рассвета занял наблюдательный пост в овраге с другой стороны поля и следил за действиями вражеских лазутчиков в подзорную трубу. О том, что Герстен направил к его войску этих молодчиков (на что Леон с самого начала горячо надеялся), шпионы Ардамаса, следившие всю ночь за лагерем врага, доложили ему заранее. Надо заметить, что в отряде Ардамаса этой ночью спали мало: предстояло из двух стогов сена сотворить тридцать маленьких аккуратненьких стожков и воткнуть в них двадцать пять привезенных пушечных стволов. Только под пятью копнами (ближайшими к краю) на самом деле прятались пушки. Муляжи замаскированного оружия стояли дальше, чтобы лазутчики никак не могли незаметно к ним пробраться.

— Стой, кто идет? — заорал караульный, «вдруг заметивший» врага.

Охрана принялась стрелять, спешно перезаряжая ружья и «прицельно» метаясь в воздух, чтобы, не дай бог, случайно не задеть таких полезных шпионов. Шустрые пустились наутек.

— Ты пока сидел, копны пересчитал? — прохрипел на бегу первый солликиец.

— Тридцать штук!!! — выдал в панике второй.
— Твою... и всех... на...!!! Откуда, а?! — смачно высказался первый.
— Хрен знает, откуда! Тикать надо! Как доложим — так сразу и тикать! За нами лес отличный, ровный, редкий, как по дороге зимой тут прошли.

«Верно-верно, именно в лесок вам и надо — болота, знаете ли, вас заждались, — беззвучными прыжками неслась Лара параллельно парочке разведчиков и вслушивалась в их речи. Надежда, что Леону удастся так запугать противника, что тот сдастся без боя, понемногу крепчала. — Вот провожу вас до командного пункта, послушаю, как начальство на ваши вести отреагирует, и побегу опушку леса прочесывать, киллера искать... Ни секунды покоя, ни минуты покоя, видно это война, видно, это судьба, вот что это такое...» — напевала про себя Лара, пробираясь ползком под телегами и за палатками вслед за солдатами.

Когда двое шпионов вернулись на командный пункт солликийцев, их встретили мрачные взгляды командиров, полные безнадежности и смертной тоски. За их спинами наострили уши уже перепуганные солдаты.

— Ну, что там? — Последняя надежда на чудо светилась в глубине глаз генерала Герстена.

— Пушки. Тридцать штук. Лично лазил и под сеном все осмотрел, — доложил солдат и рискнул добавить свой комментарий: — Уходить надо, ваше высокородие, нас тут как выводок цыплят перед званым обедом прибьют.

Герстен скорбно посмотрел на свои пять пушек: не судьба им пробивать стены крепости, не судьба. Он не мог понять только одного: откуда?! Как могла разведка не заметить, не предупредить? Ведь не выросли здесь эти пушки, их должны были привезти, а это какой обоз! Герстен все больше начинал верить в то, о чем давненько шептались солдаты: генерал Ардамас — не просто гений военного дела, а самый настоящий колдун, который вовсю якшается с нечистой силой, и сам дьявол ему помогает.

Сведения о тридцати пушках распространились по стану солликийцев, как лесной пожар по сухому полю. Солдаты крестились и уже не чаяли уйти живыми с поля боя. Двое шустрых скоренько пробирались в тыл, чтобы сделать ноги из обреченного на смерть корпуса Герстена. Их маневр не остался незамеченным, и дезертиров схватили, но панические настроения в войске только усилились. Мысль о том, что генерал Ардамас

продал душу сатане, крепчала и передавалась из уст в уста, усиливая страх солликийцев перед картумской атакой и сея панику в их рядах. Помимо естественного и привычного страха умереть на поле в бою с превосходящими силами противника, солдат Герстена мучил еще и суеверный ужас, что погибнут они под бесовскими пулями, и души их будут вечно маяться у демонов в плену. «Сражаться с огромной, но человеческой армией — это одно, а вот противостоять силам ада — это, извините, совсем другое», — рассуждали бойцы Герстена.

Пока солликийские солдаты читали молитвы и прощались друг с другом, а Лара довольно потирала пушистые лапки, в армии Ардамаса прозвучал сигнал к началу боя. Солликийцы на дрожащих ногах построились и вскинули заряженные ружья, с ужасом вертя головами в трех направлениях сразу.

Меж холмов бежали солдаты Картума с ружьями наперевес, на левом холме поднималась из кустов «несметная рать», а с правого холма летела конница.

— По конным — пли! — проорал Герстен, понимая, что эти картумцы доберутся до них первыми.

Солликийцы дали залп. Ни один солдат не упал с коня! Все три сотни продолжали нестись вперед, будто и не вошли в их тела пули солликийцев! Подзорные трубы выпали из ослабевших рук солликийских военачальников. Точно демоны! Тут никак без них не обошлось!

Солдаты Солликии заорали:

— Нечистая сила! А-а!!!

— Ардамас продал душу дьяволу и тот отводит от них пули!

— Это нечисть на конях мчится, всех нас демоны поедят!

— Восставшие мертвецы надвигаются!!! Бежим!!!

Солдаты кричали и даже не пытались перезарядить ружья. Герстен напрасно отдавал приказы, надрывая горло, — его никто не слышал.

«Главное, чтоб они ударились в паническое бегство до того, как сюда придут „конные картумцы“, — обеспокоенно подумала Лара, видя, как солликийцы застыли в полном ступоре, с ужасом взирая на „бессмертную“ конницу. — А ну-ка, усилим суеверный страх среди народа!»

Лара вскочила на ствол ближайшей солликийской пушки, из которой перепуганный пушкарь даже и не пробовал стрелять, и испустила дикий кошачий вопль.

— Черная кошка!!! Это демон!!! Демон!!! Смерть пришла! — заорали солдаты, и их вопль мигом подхватили все.

Солликийцы вышли из ступора, побросали ружья и всем скопом

ломанулись в лес. Войско Ардамаса напирало сзади и не давало им возможности свернуть с верного пути.

Лара с удовольствием наблюдала за картиной панического бегства неприятеля.

«Вот что значит победить без единого выстрела! Как говаривал Алексей Иванович Гаврилов, это страх самого преступника, который заставляет его совершать необдуманные поступки. Здесь моя помощь больше не нужна: солликийцы бегут, картумцы догоняют, все делом заняты. Пора и мне делом заняться». — И понеслась в лесок, по широкой дуге огибая бегущих солдат Герстена.

«Самое удобное место для засады киллера — это вон тот небольшой пригорок. С него и начнем. Сколько здесь сейчас метров до картумцев? — Лара обернулась, чтобы оценить расстояние до приближающихся солдат в черной форме, и негодуя взвыла: впереди всех неси... кто бы вы думали? Генерал Ардамас собственной неразумной персоной! — Это что за новая мода войском командовать?! Главнокомандующий должен стоять на командном посту подальше от передовой, а не скакать, как сайгак, впереди всех! Его дело — дожидаться разгрома врага и величаво выехать на поле боя на белом коне, позируя для кинохроник (или что тут у них вместо кинохроник)! А главное — дать мне время на розыск наемного убийцы, не делая из себя мишень! Сколько тут до него осталось — метров шестьсот? Беги, Лара, беги!» И кошка помчалась изо всех сил, зорко всматриваясь вперед: не блеснет ли где металлический штык.

Блеснул! Аккурат на том пригорке, что присмотрела Лара. Крупная черная кошка обогнула кусты: мужчина в простой суконной охотничьей куртке уже целился из ружья в сторону картумского войска.

«Он правша, — быстро сориентировалась Лара. — Если повредить ему ведущую руку, то метко выстрелить он не сможет, даже если избавится от меня. Срочно вспоминаем поучения инструктора по рукопашному бою, который проводил с нами занятия перед полевой практикой в университете: если травмировать связку около запястья, то восстановить работоспособность кисти можно только с помощью операции. Руки он сейчас поднял — чтобы достать до нужного места зубами, надо и мне подняться».

Вот и пригодился недавно приобретенный опыт лазания по деревьям. Взлетев на три метра по стволу сосны, Лара бесстрашно бросилась на убийцу и со всей своей кошачьей силы впилась зубами в правое запястье, стремясь прокусить и максимально повредить связки.

Над долиной прогремел одинокий выстрел. В азарте погони

картумские солдаты не обратили бы на него внимания, если бы не осторожный генерал, держащий все под контролем.

— Сагтен, возьми сотню солдат и проверь, что там, — приказал Ардамас старшему сотенному звена (военный с синими нашивками).

Солдаты обнаружили на пригорке истекающую кровью генеральскую кошку: на ее теле было несколько ранений, и в бок был всажен нож. Рядом валялось ружье, а следы мелких капель крови на траве вели вглубь леса. Картумцам не составило труда поймать удиравшего стрелка с разорванными сухожилиями на запястье: он, как и все солликийское войско, не ведал о лесных топях.

Глава 15

ВТОРАЯ ПОЛОВИНКА

Сведения о непроходимых болотах в этих лесах оказались абсолютно верными, и картумские солдаты до поздней ночи, матерясь и утирая пот со лба, вытаскивали солликийских солдат из вязкой топи. В итоге по окончании военных действий в армии генерала Ардамаса не было ни одного погибшего солдата и только трое получили случайные легкие ранения, и даже армия Герстена уцелела почти полностью: Леон Ардамас взял три тысячи военнопленных.

Победители с триумфом вошли в распахнутые ворота Буртана. Пленных временно посадили в обширные подвалы, специально рассчитанные на большое число людей: либо прячущихся защитников крепости, либо военнопленных, тут уж как повезет. В этот раз повезло, и гарнизон крепости ликовал наравне с картумскими солдатами, которые чувствовали себя так, словно прошли по тонкой доске над пропастью и остались живы.

Военачальникам предоставили в крепости отдельные покои. В комнате генерала за столом напротив Леона сейчас сидел принц Гильдар. На кушетке была с удобством устроена обмотанная бинтами Лара — войсковой лекарь сделал все возможное, чтобы сохранить ей жизнь.

— Поверить не могу, что эта кошка спасла тебе жизнь, — в очередной раз повторил принц. — Стрелок, которого поймали ребята Сагтена, признался, что получил заказ на твое убийство. Вернусь в столицу — прикажу немедленно расследовать это дело и выявить заказчика. Как кошка догадалась?! Неужели случайно на него наткнулась? Тогда почему набросилась? Она следовала с вооруженными солдатами три дня и ни на кого не кидалась. Уму непостижимо!

Леон не захотел озвучивать своих рассуждений: он был убежден, что кошка разумна, что она специально выслеживала этого стрелка. Слишком многое подтверждало эту версию: и то, как хитро и целенаправленно она схоронилась в обозе перед отбытием, и то, как своевременно выскочила перед командирами солликийцев, повергнув их в суеверный ужас (о чем много говорили пленные солдаты, принявшие его Кошку за демона смерти), и характер нанесенной убийце травмы — сам Леон не смог бы лучше обездвижить его руку, причем именно правую. Все замеченные им

странности в поведении Кошки слились в единую четкую картину ее человеческой разумности. Но говорить этого явно не стоило: Леон боялся, что его черную кошечку действительно сочтут порождением дьявола и потребуют уничтожить.

«Мракобесов в мире много, и их бесполезно уговаривать судить людей (и не только людей) по поступкам, а не по странным увлечениям или цвету шерсти, — осознал Леон. — Стоит только храмовникам объявить, что в кого-то вселился бес, и сразу соберется толпа озлобленных обывателей, готовая безжалостно растоптать даже самое доброе, умное и беспомощное существо».

— Гильдар, бери три моих звена и свое личное звено и конвоируй пленных в столицу: это королевское дело — о выкупе военнопленных договариваться, — сказал Леон кронпринцу.

— А ты с одним звеном здесь останешься? Почему со мной вместе в Шарилу ехать не хочешь? — удивился Гильдар и с веселой усмешкой добавил: — Отец тебя орденом за победу наградит!

Леон поморщился и посмотрел на тяжело дышащую кошку.

— Орденов у меня больше, чем у дурака круглых речных камешков. А вот друзей настоящих мало. Собственно говоря, только ты, Тельд и Кошка, да еще Варт, когда корона ему не сильно на голову давит. Пока ей не станет лучше, я посижу в Буртане.

Принца не смутило такое приравнивание августейших персон к представителю неразумной фауны: после сегодняшнего поразительного спасения Леона от наемного убийцы он и сам чувствовал себя в долгу перед этой черной хвостатой животинкой. Друзей у Гильдара Зоилара тоже было негусто, и жизнь Леона он ценил не менее своей собственной.

— Я и с одним своим звеном управлюсь, — не хотел оставлять друга без защиты на приграничной территории Гильдар.

— Глупостей не говори. Солликийцы хоть и связаны, но как ты их поить-кормить четверо суток будешь с одним-то звеном? А если не уследите за кем, если он сам развяжется и товарищей каких освободить успеет? Есть определенные правила для конвоирования военнопленных, и не нужно их нарушать. Солликия не будет направлять сюда еще один отряд, им просто неоткуда уже людей взять. Не волнуйся, езжай завтра утром. Я позже в столицу приеду.

В чертогах Темного Владыки Дамиан вновь корчился от дикой боли под мрачным изучающим взглядом своего отца. Его Ларочка совершила очередной немыслимый поступок: сознательно рискнула жизнью, чтобы

спасти другого человека! Причем спасти не ради собственных корыстных интересов, а просто потому, что считала его хорошим человеком и своим другом! И чуть не умерла при этом. Дамиан даже предполагать не брался, что случилось бы с душой Лары и им самим, погибни она в результате своего героизма. Пересечь границу миров душа человека без помощи связанного с ней демона не может, поэтому Лара не возвратилась бы в свое родное тело, а ушла бы за грань жизни вместе с приютившей ее душу кошкой. И это было бы самопожертвование высшей степени: не только тела, но и души, которая не смогла бы больше возродиться в родном мире. Это был бы поступок, обеляющий душу и несущий страшные муки демону, связанному с такой душой. К счастью, она выжила. Дамиан был рад этому факту и чувствовал, что эта радость связана не только с его собственным желанием жить без боли, но и с желанием, чтобы Лара жила... Смелая, жизнерадостная девочка, излучающая деятельную энергию самой жизни...

— Даже я не знаю, что теперь может произойти, — прозвучал суровый голос Темного Владыки. — Когда человеческая душа помещается в тело животного и постепенно утрачивает человечность, то при возврате в свое человеческое тело она сохраняет животную ипостась, так как уже сроднилась с ней, в этом случае получают оборотни, безвольные слуги демонов. Много веков демоны не порождают оборотней, так как проблем эти тупые и злобные полулюди-полуживотные создают больше, чем приносят пользы. Обращаясь в зверей на глазах у людей, они сеяли панику и заставляли церковников во всех мирах устраивать охоту на ведьм, приводившую к массовому истреблению в первую очередь чистых и светлых душ, ставя на грань выживания и расу демонов в том числе, лишая их полноценного пропитания. Высшие силы в нескольких мирах даже вмешаться соизволили в творившийся там беспредел, а нам, демонам, сделали строгое внушение. Но и без внушений всем ясно, что резкое принудительное нарушение равновесия между темными и светлыми силами в мире никому не выгодно. Я ни разу не слышал о том, что происходит, когда душа человека в теле животного начинает не тускнеть и умирать, а светлеть и наливаться силой, энергией жизни. На моей памяти такого до сих пор не случалось. Вижу, что у неразумного демона, решившего связать себя с такой душой, возникает множество проблем, но что будет, если эта душа вернется в человеческое тело? И может ли она вернуться в него самостоятельно? Я за все свое существование не сталкивался с таким...

— Возможно, такого никогда и не было, — прохрипел Дамиан.

— Все когда-то было, — меланхолично возразил Темный. — Надо

поговорить с древними демонами. Они не любят вспоминать мирскую суету, но ведают многое. Возможно, мне удастся их разговорить. Но одно я знаю точно: ее смерть разорвет связь между вами, и какими бы ни были последствия, они будут легче, чем в случае ее окончательного осветления под твоим закланием.

— Я не желаю ей смерти, я лишь хочу, чтобы она одумалась и приняла меня таким, каков я есть, чтобы добровольно отдала мне себя! — воскликнул Дамиан.

— Забудь, — посоветовал Темный. — Это не последняя девица в твоём бесконечном существовании. Только ангелы заключают один союз на всю вечность бытия.

— Я верну себе Лару, выпью ее душу и тогда успокоюсь, — упорствовал Дамиан. — Сейчас я не могу забыть! Она — моя!

Темный Владыка задумчиво прищурился: он остался при своём мнении — девочку лучше уничтожить, чем ждать, когда она уничтожит его сына. Что ж, у него много возможностей присмотреть за Дамианом, и он все эти возможности намерен использовать.

— Что ты планируешь сделать? — спросил он у сына.

— Для начала продолжу плести сеть интриг, в результате которых умрет ее единственный защитник в мире Сайр. Гибель Ардамаса больно ударит по Ларе, повергнет ее в тоску — она успела привязаться к этому вояке. А если еще и нескольких других ее знакомцев растоптать, кровавую бойню за власть на ее глазах устроить, то она с лихвой вернет мне все силы, что сейчас забирает!

Лара плавала в мареве невыносимой боли. Горело все тело, будто его поджаривали на медленном огне. Любая мысль растворялась в этом пламени, не успев сформироваться, даже простой вопрос: «Что со мной?» — тонул в агонии боли, оставляя лишь исступленное желание ничего больше не чувствовать. Ничего.

Как только это яростное желание отключиться от суровой действительности выкристаллизовалось в сердце, сознание Лары заволокло легкой дымкой. Сразу стало легче, хоть глаза перестали видеть, а уши — слышать. Способность рассуждать на время вернулась.

«Меня ранил киллер, это раны на теле болят, — с трудом выстраивала логическую цепочку Лара. — Лежу я не в лесу, значит, меня лечат и есть шанс остаться в живых. Обезболивающих тут либо не изобрели, либо не стали тратить их на кошек. Но сейчас я боли почти не чувствую, она доносится лишь легким отголоском. А еще я утратила все органы чувств...

Могу пошевелить лапой? Нет. Хвостом? Нет. Только не говорите, что это паралич! Господи, чем я так провинилась перед тобой?! В кошачьем теле и без того худо, живешь, кое-как удерживая остатки человечности и все больше приобретая животных повадок и желаний. Ни книгу самостоятельно выбрать и прочесть не способна, ни с людьми поговорить, ни работой ум и время занять не могу. А в полной неподвижности существовать!!!!.. Тогда меня точно кошачья сущность под себя подомнет», — катились мысли Лары медленным потоком.

В этот поток влилось довольное согласное мурчание. Сознание Лары ошеломленно прислушалось: рядом с собой оно вдруг ощутило чужеродное присутствие.

«Ты кто?» — это вопрос Лариного сознания.

«Твоя вторая половина, — хмыкнули в ответ. — Если уж назвалась хозяйкой нашего тела, то знай свое хозяйство. А то вселяются тут всякие самозванцы, родства не ведающие».

«Почему я раньше тебя не замечала, мыслей твоих не слышала?»

«Потому что несущийся галопом шальной заяц не может заметить и успеть услышать величаво ползущую по листку мудрую улитку, — пробурчала кошачья сущность. — У тебя же все мысли как блохи скачут с одной темы на другую! То ты есть хочешь, то читать, то преступников ловить, то о дворцовых интригах рассуждать, то о военной тактике и стратегии печешься, то тебе просто в кусты приспичило, но и в них ты не можешь отлучиться спокойно! То стихи читаешь, то уголовный кодекс цитируешь, то по деревьям лазаешь, то на самцов голых заглядываешься, то разгильдяев к порядку призываешь и бандитов ловишь — хоть на миг расслабилась бы!»

«Стоило мне расслабиться — и сразу ты тут командовать начинала», — напомнила Лара.

«Я тоже жить хочу. Если телом вообще не управлять, оно сдохнет! И потом, я не могу контролировать тело, если ты сама не откажешься управлять им».

«А сейчас что?!»

«Ты сама пожелала уйти от действительности и связанной с ней боли, — напомнила вторая половина, — вот и лежи тихо, ничего не чувствуй. Сейчас твои мысли замедлились почти до моего уровня, и ты можешь говорить со мной. Тебе и этого хватит, хоть посмотришь, как умные сущности живут, а то мечешься, мечешься чего-то. А я пока проживу полноценной жизнью — кошки боли не боятся», — хвастливо завершила речь природная сущность кошачьего тела.

Нет, таким образом избавляться от боли Лара не желала. Лучше жить и чувствовать все: плохое и хорошее, чем без проблем отсиживаться на краю чужого существования. Но слова кошачьей сущности о том, что ей тоже полноценно жить хочется, пробудили в Ларе чувство вины. В ней заговорила совесть: ведь в этом теле она и в самом деле узурпатор. Пусть ее вселили сюда против воли, но в конечном итоге именно она тут нежеланный гость.

«Когда я управляю телом, тебе совсем плохо приходится?» — робко уточнила Лара, не желая принимать поспешные решения.

«Почему плохо? — удивилась кошачья сущность. — Наоборот, даже прикольно, как ты выражаешься. Забавно наблюдать за мельтешением шального зайца. Не скучно. И кормежку тебе удалось наладить на весьма высоком уровне, и постелька помягче дупла будет. Кошки — философы по своей природе, мы не рвемся покорять миры и доказывать им свою гениальность. Мы просто скромные титаны мысли, оплоты бытия, соль земли. Мы не мельтешим, не суедемся по пустякам, мы умеем вкушать простые радости жизни. Лишь необходимость добывать хлеб насущный может отвлечь нас ненадолго от великих размышлений, которые не способен понять ограниченный человеческий разум. Ты хочешь опять вернуться к ощущаемому бытию?»

«Да, соль земли, хочу, — совсем обалдела от кошачьей самооценки Лара. — Ты уж извини за суетность мою и стремительность мыслей, надеюсь, я недолго тебя стеснять буду. Вот найду Слепую Ведунью и узнаю, как в свое тело вернуться. А я теперь всегда с тобой общаться смогу?»

«Как очистишь свой разум от неряшливой кучки разноразных мыслей, утомишь свое тело — так и услышишь меня, — пояснила кошачья сущность. — Уже должна была заметить, что я даю о себе знать только в моменты твоего полного релакса».

«Заметила и даже испугаться успела. Слушай, я кошачий язык не понимаю, но с тобой сейчас говорю: значит, это кошки человеческую речь понимают?!»

«Нет, это только мы с тобой друг друга понимать можем и я твои мысли слышу. А пугаться не надо. Чего пугаться? Хочешь жить — живи, хочешь унывать — унывай, хочешь ничего не делать — ленись на здоровье, я и сама нас пропитанием обеспечу».

«Хочу жить!» — решила Лара и тут же застонала.

Ощущения, слух, зрение вернулись, но вместе с ними вернулась и жалящая боль от ран.

— Все хорошо будет, Кошка. Ты выживешь, я тебе обещаю! — услышала она голос Леона.

«Да, мой генерал, верю...»

На широкой постели беспокойно металась женщина. Ее глаза были широко раскрыты, а руки нервно комкали парчовое покрывало.

— Покайся! — Шелестящий шепот расплзался по всем уголкам богатой спальни, отражался от натянутых шелком стен и возвращался к женщине многоголосым эхом: — Покайся!

Женщина всхлипнула и зажала уши руками.

— Почему? Почему сейчас, столько лет прошло!!!

— Ты знаешь почему... Покайся!

Женщина соскочила с кровати, бросилась к небольшому позолоченному столику с иконами и зашептала:

— Высшие силы, силы небесные, простите мне мое прегрешение! Я...

— В главный храм иди, там покайся, — зашелестел голос.

Женщина заломила руки и зарыдала:

— Не могу! Нет!

— Покайся!

Женщина устало поникла — за несколько бессонных ночей и проведенных в напряженном ожидании дней она успела смириться.

— Завтра. Пойду завтра, — послушно прошептала она.

По ночному лесу к древним развалинам языческого храма пробирался мужчина в одежде монаха из Святого Братства. Горящий факел осветил крутые полуобвалившиеся ступеньки, ведущие в подземелье. Дорога была хорошо знакома пришедшему: он быстро спускался вниз, вовремя нагибаясь под обрушенными балками, заранее прижимаясь к стене в местах со сломанными перилами, без раздумий выбирая путь на немногочисленных развилках. Ступеньки привели его к арочному входу в небольшой зал, стены которого украшали барельефы и фрески с изображением порождений ада: рогатых демонов, змееголовых людей, огнедышащих оскаленных тварей, ходячих скелетов. Посреди зала стоял черный алтарь с большой кованой чашей.

Пришедший скинул с плеч монашеский плащ, укрепил принесенный факел в держателе на стене, из заплечного мешка достал еще два факела, зажег их и поставил в держатели на двух других стенах. В мерцающем свете всполохов пламени мужчина начал чертить пятиугольную звезду, обрамляя ее множеством странных сложных символов, то и дело сверяясь с

листочком бумаги в руке.

— Сегодня мне обязательно должно повезти! Сегодня я призову его! — лихорадочно бормотал мужчина. — Пять лет стараний и служения не могут пройти напрасно!

Встав у алтаря в центр начертанной пентаграммы, он зачитал слова древнего ритуала призыва демона. Его пробирали страх, дрожь плохого предчувствия пробегала по телу, но он должен пройти этот путь до конца! Высшие силы недаром наслали на род Зоиларов смертельную болезнь: кровь Зоиларов — грязная кровь! Он рад, что в его жилах нет ни капли их крови, но от этой грязи надо освободить и королевский престол! Корона должна принадлежать ему, только ему, что бы ни мудрил там с наследованием престола нынешний монарх. Но на его пути к власти стоит несколько препятствий, несколько человек, которые мешают ему получить то, что должно принадлежать ему по праву! Мужчина бросил в чашу травы из мешочка, высыпал поверх порошок, и в чаше взметнулся огонь. Лжемонах полоснул по ладони кинжалом: в пламя закапали капли его крови, он поспешно ушел за линии пентаграммы и воззвал к темным силам:

— Приди, Темный Владыка, услышь голос твоего слуги!

В чаше раздался треск, и долгожданный потусторонний голос ворвался в подземный склеп:

— Ну-ну, и чего же желает потомок знаменитых гонителей ведьм и демонов?

— Власти. Я должен стать следующим королем Картума! Трон мой по праву!

В чающем дыму над чашей сформировался рогатый образ. Миг — и Дамиан Сантеро в своем истинном облике встал у алтаря, который в стародавние времена язычники этого мира установили для поклонения его отцу, Темному Владыке. После прихода в мир Сайр адептов Святого Братства все места поклонения дьяволу и темным силам были разрушены и преданы забвению, но в древних манускриптах сохранились описания их местоположения, так же как и строки призыва демонов. Дамиана всегда невероятно сместила вера людишек в то, что они способны призвать демона: демоны приходят сами, когда хотят и куда хотят, никакими словами и ритуалами невозможно заставить их прийти! Но человек, решившийся призвать демона, всегда замечен миру темных сил: демонов вызывают отнюдь не с благими намерениями, и человек, решившийся на такой поступок, сильно затемняет им свою душу, давая выплеск большого количества духовной энергии, весьма привлекательной для демонов.

Иногда ради развлечения и продолжения разложения души призывающего подданные Темного Владыки приходят к рискнувшим провести ритуал их призыва.

Сейчас Дамиан в задумчивости смотрел на этого дрожащего от страха глупца, думая, можно ли его использовать в своих целях: человечешко занимал должность и положение, очень удобные для планов Дамиана в этом мире, только поэтому он и решил появиться на этом старом капище.

Тем временем человек переборол свой страх, перестал с ужасом рассматривать облик демона и скомандовал:

— Я тебя призвал и теперь ты будешь подчиняться моим приказам!

Сантеро зарычал, шагнул через линию пентаграммы, небрежно сжал мужчине шею и вздернул вверх:

— Неверно, человек, подчиняться будешь ты! Иначе твоей никчемной жизни сразу придет конец: у тебя такая черная душонка, что демону даже полакомиться нечем! Единственное, что может тебя сейчас спасти, — это строжайшее следование моим указаниям! Может, в итоге тебе даже удастся занять престол Картума — мне плевать на вашу мелкую борьбу за власть, но в моих собственных интересах сейчас потрясти основы монаршей власти Зоиларов.

Дамиан легким движением руки откинул от себя человека — тот отлетел к стене, с шумом врезался в нее и сполз на пол.

— Указание первое: завтра весь день тайно просидишь в исповедальне центрального храма Шарины, выслушивая кающихся, — прорычал Дамиан. — Местного монаха там не будет, я об этом позабочусь. Указание второе: все, что услышишь, сохранишь в строжайшем секрете вплоть до дальнейших моих распоряжений! Ясно?!

Мужчина часто закивал головой и прошептал:

— Да, господин!

Глава 16

МЕСТЬ

Прошло три недели со времени памятного пленения армии Герстена. Кошка быстро выздоравливала, к ней вернулся аппетит и желание двигаться, но против последнего решительно возражал Леон, поддерживаемый лекарем его звена, господином Нарасом, который лечил генеральскую кошку.

— Тебе надо лежать, — уговаривал Леон питомицу, осторожно глядя ее по голове и накрывая одеялом.

— Мяс! — возражала Лара, стараясь выпутаться из одеяла, в которое ее настойчиво пеленал Леон.

Осточертело уже лежать и в полусонном, заторможенном состоянии гениальные изречения кошачьей сущности о мирской суете выслушивать. Она жаждала этой самой суеты! «Дайте мне волю иль дайте мне смерть!» — вспоминалась полузабытая фраза.

Вокруг Лариной кушетки крутился пудель коменданта крепости: молодой и игривый пес, добродушно настроенный ко всем живым существам и к кошкам в том числе. Лара завидовала ему невероятно: свободен, бегаёт где хочет, бинтами не перетянут, в одеяло не замотан, кормится котлетами, тогда как ее потчуют жидкой овсянкой. И все это под лозунгом: «Ради твоего драгоценного здоровья, Кошка». Лицемеры! Их бы так лечили! Лара ощущала себя абсолютно здоровой, кошачья сущность это подтверждала, но лекарь боялся, что от резких движений края ран снова разойдутся. Лучше бы глаза у него открылись и он узрел наконец, что кошка здорова!

— Пуш, тапки принеси, — потопал по полу ногой Огаст, и пудель белым вихрем умчался за дверь и вернулся с тапочками в зубах. — Умница, — похвалил оруженосец собаку. — А Кошку можно так выдрессировать?

— Р-р-р-р-р-р-р-р!!! — ответила Лара, отвлекаясь от борьбы за одеяло: «Я помню, что за мной должок за все твои неблагоприятные высказывания и намерения относительно моей особы! Дождешься, вихрастый!»

— Ерунды не говори, — недовольно поддержал Лару генерал. — Лучше чтением займись.

Огаст уныло читал вслух детскую энциклопедию, а Лара слушала и

обдумывала варианты мести. Мести за все!

Осторожно выбравшись из одеяла и порадовавшись, что временно спит на отдельной кушетке (Леон боялся во сне придавить своим мощным телом бедную раненую кошечку), Лара спрыгнула на пол и отправилась обследовать крепость, в обороне которой так героически участвовала. Искала она библиотеку, ведь не может же в такой большой, населенной людьми крепости не быть библиотеки! Тихо ступая бархатными лапками, кошечка прошла по жилому этажу и спустилась вниз. В крепости все спали, только на стене перекликались дозорные. Кошачье зрение было куда совершеннее человеческого, и Лара видела все отчетливо, как днем. А еще слышала: шуршали мыши. И в воздухе витала нотка мышинного запаха. Лара поежилась, но продолжала заглядывать во все помещения. На первом этаже межкомнатные двери не запирались и были куда легче, чем входные массивные двери в крестьянских домах — Лара легко приоткрывала их. Стоически игнорируя призыв ароматов кухни, кошка топала в противоположную сторону. В конце длинного коридора ей улыбнулась удача: она набрела на библиотеку.

«В крепости живет толпа мужиков, многие из которых не женаты и месяцами не видят женской ласки. Вывод? В библиотеке точно найдется какое-нибудь эдакое чтиво с занимательными картинками. Поищем». — Лара обошла заваленные различной печатной продукцией столики, углядела и книжки для одиноких мужчин, но это было не совсем то...

«Нашла!» — радостно подскочила на месте Лара и впилась зубами в тонкую книжечку, на корешке которой было требуемое название, стаскивая ее с полки.

Книжка была тонкой и легкой, и довольная кошка зажала ее в зубах покрепче и потащила в комнату вихрастого Огаста.

Утром следующего дня лекарь признал, что кошка полностью поправилась.

Лара была счастлива:

«Ура, котлетки, я люблю вас! Мм, и курочку люблю, и молочко уважаю. Хорошо-то как! Да, счастье есть, когда есть что есть! Это вам не овсянка, господа, это настоящая еда, и не суррогат какой-то дряни, а домашние говяжьи котлетки с пюре и подливочкой. „Вискас“ тут и рядом не пробежал. Кстати, только сейчас поняла, как мне повезло оказаться в мире, где нет понятия „кошачий корм“ и „сухой кошачий корм“! Вот это была бы засада: „Ларочка, тебе еще этой жуткой маслянистой гадости подозрительного коричневого цвета из пакетика надавить?“ — „Нет,

хозяин, я сыта по самые ушки. Вот только пузико от позвоночника отлеплю и пойду по соседям побираться — авось кто кусочек мяса бедной голодающей Поволжья даст“. Повезло нашим землянам, что кошки такие философы, индифферентные к проблемам качества питания, а то был бы у нас кошачий бунт по всей планете...» Лара уминала завтрак, думая, что ничто не делает мясо таким вкусным, как предварительная трехнедельная овсяночная диета. Ни один соус, ни один маринад. Только диета.

Леон с умильным выражением неопишущего облегчения наблюдал за исчезновением из кошачьей миски мясного ассорти.

— На обед лучше каши дайте, — озабоченно посоветовал лекар Нарас. — Не надо ей сейчас желудок перегружать, а то несварение случиться может.

«Какое несварение?! Да я вас, господин лекар, переварить смогу! Причем в халате и в тапочках!» — Лара оторвалась от миски и возмущенно мявкнула.

Лекар ушел, а Леон наклонился, погладил кошку и заговорщицки прошептал:

— Поделюсь своей пайкой, как раньше, не переживай. Кашу Пушу отдадим — он всеядный.

«Какой он все-таки заботливый и славный! — Лару наполнило чувство признательности к этому большому, сильному мужчине с суровым, резким, угловатым лицом. — Я буду очень по тебе скучать, Леон, когда вернусь в свой мир».

После обеда Лара ходила по пятам за Леоном, который отдал команду через день выезжать в столицу и сейчас инспектировал подготовку к отъезду.

Одно звено собралось быстро, тем более что пушки уже увезли вместе с военнопленными. Вечером солдаты ушли в казармы крепости паковать свои личные вещи. Огаст тоже, насвистывая, пошел собираться. Лара никак не могла проглядеть представление по заготовленному ею сценарию и двинулась следом.

По примеру всех пакующих рядом с ним свои вещи солдат Огаст распахнул отведенный ему низкий шкаф, лихо смахнул с полки одежду и бросил россыпью на постель. Из кучи штанов и рубашек вылетела тонкая книжка, привлекая к себе внимание окружающих яркой обложкой, и при приземлении показательно раскрылась на титульном листе с крупной витиеватой надписью: «Интимная связь с женщиной. Краткое руководство для начинающих. Сочинение отшельника Милора Крепкого».

Казарма содрогнулась от гомерического хохота сотни солдат:

— Ты б лучше у нас спросил, Огаст!

— Отшельник толковых советов дать никак не может!

— Долго не изучай, а то начать так и не успеешь!

Огаст пришел в крайнее замешательство, покраснел как вареный рак и бессвязно залепетал:

— Это не я... книжка не моя... мне вообще это не надо!!! В смысле руководства не нужны! Я не начинающий! Я вообще... вообще...

Хохот стал громче. В казарму на шум прибежали все остальные солдаты звена и присоединились к царящему веселью.

Огаст выхватил из рук потешающихся сослуживцев злополучную книжонку и выскочил вместе с ней за дверь. Лара шарахнулась в сторону. Огаст кинул взгляд на кошку, перевел его на книжку и заметил на ней свежие отметины от кошачьих зубов. Его лицо стало лицом серийного маньяка-убийцы, ну точь-в-точь как их в учебниках по судебной психиатрии изображают.

«Ноги, ноги, спасайте мою хвостатую часть тела! — Лара со всех лап помчалась к своему защитнику и спасителю — Леону Ардамасу. — Ты где?! Я лечу к тебе, друг!»

Следом за удирающей кошкой с воплями гнался Огаст, а высыпавшие из казармы солдаты хохотали им вслед. К счастью, Леон тоже собирал свои вещи и обнаружился в собственной спальне.

Генерал недоуменно посмотрел, как мимо него проскочил черный вихрь и забился под кровать. Затем в двери влетел Огаст и разъяренно заорал:

— Где?! Где эта тварь?! Убью заразу! Придушу собственными руками! Засуну эту книженцию ей...

«Извращенец ты, вихрастый. Или действительно еще не в курсе, так что руководство тебе не помешает», — пыхтела Лара под кроватью, но пыхтела тихо, чтобы, значит, не провоцировать.

Леон, как мог, успокоил своего оруженосца, налил ему стакан сладкого крепленого вина из большого штофа (оруженосец был страшным сладкоежкой), книжку незаметно скинул к Ларе под кровать, чтобы глаза обиженному не мозолила, и проводил захмелевшего паренька до спального места в казарме. Потом пристыдил солдат, что негоже взрослым мужикам над парнем потешаться, и вернулся в комнату.

— Вылазь, попка чернохвостая. Зачем ты ему эту дрянь подсунула?

— Мяу-у! — пояснила Лара из-под кровати: мол, месть это была заслуженная. Теперь десять раз подумает, прежде чем начать обижать ее обзывалками всякими.

— Значит, так. Мне склоки в доме не нужны. Если не можете жить дружно — хоть нейтралитет соблюдайте. Договорились?

Лара попятилась из-под кровати, прыгнула к Леону на колени и признательно лизнула в щеку: спаситель!

Ночью, прижимаясь к горячему боку Леона, Лара предалась излюбленному делу всех сознательных адвокатов, а именно анализу и синтезу. Анализировала она свое поведение после недавнего близкого знакомства с кошачьей своей сущностью и понимала, что *modus operandi*^[1] у нее несколько изменился. Вернее, сильно изменился. В бытность свою двадцатипятилетней самостоятельной и разумной женщиной она бы никогда не стала так мелко мстить юному пареньку и просто не обратила бы внимания на его глупые речи. Она бы спокойно восприняла разумные советы лекаря по правилам питания после длительной болезни и в точности выполняла их. Попав в библиотеку, она обязательно просмотрела бы книги по географии и политическому устройству мира, по обитающей здесь фауне, чтобы быть готовой к неожиданностям. А в итоге? Детские обиды и неадекватные реакции. Вывод: нужно немедленно впадать в медитативный транс и устраивать разбор полетов одной нахальной усатой сущности, которая оплот бытия, а еще — наглый паразит, который бесцеремонно, исподтишка влияет на ее мысли и чувства! Кажется, после их милой дружеской беседы кошачья сущность приобрела над ней дополнительную власть!

«Кошка, ты здесь? Кошка, ты здесь?! КОШКА!!!»

«Фиговый у тебя медитативный транс. Я бы назвала это протрацией от ярости», — недовольное ворчание в ответ.

«Ах ты, философ! Не беспокоишься по пустякам, значит?! Зачем это устроила, да еще подленько так, тишком, я даже и не поняла сразу, что это твоих лапок дело?!»

«Глупых котят нужно учить и воспитывать, иначе они помрут до того, как станут взрослыми умными кошками», — авторитетно заявила кошачья сущность.

«Очень прошу, не вмешивайся в мои мысли и чувства или я полностью прекращу общаться с тобой, как это и было раньше. Тогда ты просто не сможешь влиять на меня, верно?»

«Верно, и общаться с тобой будет сложнее — как и было раньше. Ладно, я постараюсь удержаться. Хочешь терпеть дразнилки глупых детенышей — терпи».

«Договорились».

«Но советы-то я давать могу? Чуток подтолкнуть тебя в верном направлении?»

«Открыто сказать — можешь, а тайком — нет. Договорились?»

«Да».

Но прозвучало это «да» совсем неубедительно.

Лара вздохнула и осознала простую истину: ей теперь придется более внимательно следить за своими чувствами, так как раскаяния в кошачьей сущности нет ни на грош и доверять ее обещаниям не следует.

Глава 17

ИНТРИГИ КАРТУМСКОГО КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА

Как следует выспаться и отдохнуть еще денек перед дальней дорогой не удалось: на рассвете в крепость прибыл гонец из столицы Картума — Шарила. Он привез срочное послание для генерала Леона Ардамаса. Озабоченный Леон прочитал это послание в тишине и одиночестве (если не считать Лары) своей спальни. По мере чтения его лицо становилось все мрачнее и злее, а под конец выглядело так зловеще, что даже Ларе стало страшновато.

— Мур-р-р! — Лара запрыгнула на стол и ткнула мордочкой в щеку Леона.

Мужчина вздрогнул и автоматически погладил кошку. Лара продолжила ластиться к своему генералу, при этом стараясь вчитаться в содержание письма. Но письменные буквы прыгали перед глазами и отказывались сливаться в слова.

— Мур-р-р, — Лара умоляюще заглянула в серо-голубые глаза: «Расскажи!»

Леон подхватил кошку на руки и внимательно всмотрелся в ее глазки.

— Ты ведь все понимаешь, верно? — тихо спросил он. Подождал кивка или другого знака согласия. Не дождался, но все равно продолжил: — В столице нашли того человека, который передал стрелку первую часть денег за мое убийство. Его допрашивали, и он назвал в итоге имя заказчика.

«Так это же хорошо, почему ты такой мрачный? — озадачилась Лара. — Надеюсь, этого заказчика посадят в тюрьму на долгие годы, и туда ему и дорога!»

Леон снова пристально посмотрел на кошку и едва слышно пояснил:

— Он назвал имя Гильдара Зоилара.

«Что?! И этому поверили?! Какой мотив может быть у кронпринца страны для убийства генерала, которому королевский дом обязан победой в войне?! Тем более если этот генерал — его друг?»

Лара завертелась волчком на месте от невозможности задать эти вопросы вслух на нормальном человеческом языке. Уставившись в глаза Леона, она грозно рыкнула и лапой подпихнула к нему письмо: «Читай или рассказывай!» Как ни странно, Леон понял.

— Видишь ли, сейчас по стране ходят упорные слухи, будто король Варт Зоилар хочет назвать своим преемником родного сына — Милора Зоилара, а Гильдара лишить права на престол. Милор еще очень мал, ему всего семь лет, и если король назовет его кронпринцем, то ему придется назвать и имя регента при Милоре, который будет управлять страной до совершеннолетия кронпринца (а это еще тринадцать лет) в случае смерти короля, — начал рассказывать Леон, а Лара запомнила, что в Картуме совершеннолетие наступает в двадцать лет. — Кандидатов на регентство тоже мало: либо тот же Гильдар как единокровный брат Милора и его ближайший кровный родственник из мужчин, либо я.

«Ты?! Почему?!» — Лара снова завертелась на месте и подпрыгнула с требовательным возгласом:

— Мяв!

Леон усмехнулся:

— Не понимаешь, почему я?

Лара активно закивала: «Не понимаю. Какое отношение ты можешь иметь к сыну короля?» — и только услышав потрясенный выдох Леона, осознала, что наделала. Недолго продержалась ее конспирация, недолго...

— Кошка, ты... Как ты... Это все кошки такие умные? — выдал неоригинальный вопрос Леон.

Лара отрицательно покачала головой и печально вздохнула. Леон поспешил погладить приунывшую кошечку.

— Не бойся, я никому не скажу, — серьезно пообещал он, и Лара еще раз кивнула. — А теперь насчет регентства. Солликийский король Эрдан Бортейп — дальний родственник Варта и теоретически имеет право на трон Картума. В случае если Варт умрет, а престол отдадут малому ребенку, солликийцы обязательно ввяжутся в борьбу за власть, они могут объединиться с Ардалией и снова напасть на страну. И только сильный регент сумеет удержать их от таких попыток. Регент, которого поддержит вся армия, которому доверяет народ Картума и в жилах которого тоже течет королевская кровь (хоть и сильно разбавленная, сотая вода на киселе). Варт считает, что всем этим требованиям соответствую я. Моя прабабушка была внучатой племянницей той принцессы, которую отдали замуж за солликийского принца. И я не так молод и горяч, как Гильдар, и сам никогда не претендовал на престол. Если же меня убьют, то кроме Гильдара останется еще кузен короля — Аскар Зоилар, но он старше самого Варта, а если Гильдар станет его зятем, то фактически это все равно будет регентство Гильдара. Все другие дальние родственники короля или принадлежат к женскому полу, или представляют собой разнеженных

вельмож, явно не подходящих для роли главного лица королевства, при которых бунт армии и крестьянства станет лишь вопросом времени. В конечном итоге, с точки зрения борьбы за власть, моя смерть выгодна двум людям: Эрдану Бортейпу и Гильдару Зоилару, и этот вывод настолько очевиден для всех, что служба сыска и не пытается найти других виноватых, не принимая во внимание ни мою дружбу с Гильдаром, ни нежелание кронпринца ущемлять права своего брата.

Леон так саданул по столу кулаком, что Лара еле удержалась на лапах.

— Поехали, Кошка, нечего сидеть тут лишний день. Будем двигаться в столицу с максимальной скоростью. Король приказал пока держать Гильдара в его покоях под домашним арестом, к его дверям приставлена стража. Но если наши доблестные сыщики найдут еще какие-то «доказательства» его причастности к покушению на меня, то меры будут более суровые. Я два последних года провел на войне и плохо представляю, что сейчас творится при королевском дворе, но в этом гадючнике никогда не было спокойно.

Леон убрал письмо во внутренний карман мундира и направился во двор, где по его приказу быстро собралось к отбытию звено. Распрощавшись с комендантом, отряд Ардамаса покинул крепость Буртан, провожаемый салютом (палили из ружей солдаты гарнизона) и пожеланиями доброго пути. В этот раз конных солдат сопровождала только одна подвода, и двигались они действительно очень скоро. Даже на обед не стали делать привал, перекусив на ходу.

Лара лежала на свернутых палатках и размышляла. Насколько вероятно, что убить Леона хотел все-таки кронпринц? На Лару Гильдар произвел очень хорошее впечатление, но после истории с Дамианом она разуверилась в своей способности правильно оценивать людей и сейчас думала, что прибытие принца на помощь перед битвой под Буртаном могло быть проявлением не дружеской поддержки, а желания самолично проконтролировать выполнение заказа. И, возможно, тут же заключить взаимовыгодный союз с солликийцами, который мог выглядеть примерно так: Эрдан Бортейп поддерживает право Гильдара на престол, а Картум взамен признает поражение в войне, дарит Солликии земли, идет на уступки по многим вопросам торговых отношений. Леон наотрез отказывался верить в виновность друга, но Лара достаточно долго проработала бок о бок со следственным комитетом прокуратуры, чтобы знать: чаще всего виновными в преступлении оказываются самые близкие друзья и родственники потерпевших. Как говорил следователь Гаврилов, количество подозреваемых в убийстве человека равно сумме всех его

любовников, лучших друзей, родных и партнеров по бизнесу.

К столице отряд Ардамаса двигался по тому пути, что Лара ранее видела на карте. В течение первого дня звено проезжало мимо небольших сел и деревень, которые за годы войны сильно обезлюдели, но к вечеру отряд достиг города, где и остановился на ночлег, заняв несколько больших, выстроенных вдоль тракта таверн. Пока Огаст заносил личные вещи генерала в выделенные ему комнаты, злобно поглядывая на крутящуюся под ногами кошку, Лара думала, как бы помириться с пареньком, — она всегда предпочитала жить в мире с окружающими и редко первой шла на конфликт.

«Вот создала мне ненужную проблему „вторая половина“, — сердилась Лара. — Мне и так есть о чем беспокоиться, а теперь еще и с молодым поколением отношения налаживать надо. Как бы его задобрить?»

Воспользовавшись всеобщей занятостью и суетой, Лара убежала в город: осмотреться, сплетни и разговоры местные послушать и стратегию примирения с оруженосцем генерала продумать.

То, что главной городской новостью был приезд генерала Ардамаса, Лара поняла сразу: на всех углах только об этом и говорили. Оказывается, его здесь ждали. («Оно и понятно, что ждали, — это же самая близкая и прямая дорога до столицы», — сообразила Лара.) И не просто ждали — готовились, хоть и предполагали, что появится генерал гораздо раньше. Женщины только и говорили о том, какие платья местные аристократы своим дочерям на выданье у портних месяц назад заказали, чтобы те во всеоружии бравого генерала встретили. Несмотря на поздний час, все лавки, торгующие женскими шляпками, булавками, пудрой и румянами, работали, как в разгар базарного дня: в их двери влетали одни служанки и впопыхах вылетали другие, волоча в руках метры кружевных накидок, лент и объемные картонки со шляпками. (Лара сделала вывод, что во все времена и во всех мирах женщинам в самый последний момент нужно срочно что-то докупить, а не то «выйти не в чем».) Стайки средневековых парикмахерш, вооруженных массивными коваными ножницами, тяжелыми щипцами для завивки волос и прочими неведомыми Ларе приспособлениями, летели к воротам всех добротных, богатых зданий центра города, где перед ними поспешно распахивали двери привратники в ливреях. Возможность того, что после славной победы над врагом генерала Ардамаса назначат регентом при малолетнем принце Милоре Зоиларе, обсуждалась как почти свершившийся факт, будто все жители города уже своими глазами соответствующий указ короля видели. Про Гильдара говорили мало, и мнения о его виновности в покушении на жизнь генерала

сильно разнились: кто-то считал, что принц совсем тут ни при чем, а кто-то — что он самый главный виновник нападения на Ардамаса. Слушая разговоры речистых городских кумушек и сидевших на лавочках мужичков, Лара сделала вывод, что у народа не сложилось о кронпринце Гильдаре какого-то определенного мнения: его в принципе в народе знали мало. Учитывая, что кронпринцу было всего двадцать лет, что он самолично в войне почти не участвовал, делами страны занимался редко и жил в столице, это было неудивительно, но означало, что в случае политического переворота в стране он действительно по всем фронтам проиграет Ардамасу, которого любили простолюдины и боготворили военные.

А вот невеста Гильдара была родом из этого городка под названием Лискор, в предместье которого располагался родовой особняк Аскара Зоилара. Диалу Зоилар здесь хорошо знали и откровенно не любили. Диала была единственной хозяйкой поместья Зоиларов, так как мать ее умерла при родах пятнадцать лет назад, не сумев подарить Аскару второго ребенка и наследника. Аскар Зоилар никогда не пытался вникать в дела управления поместьем, перепоручив это хлопотное дело вначале управляющему, а потом — подросшей дочери. По всем хозяйственным и деловым вопросам представители крестьян, торговцев, ремесленников уже несколько лет обращались к Диале. В итоге местное население не любило невесту Гильдара не только за высокомерие и заносчивость (качества, которые любой простолюдин запросто припишет аристократу даже без особых на то оснований), но и за вполне конкретные дела: после позапрошлого неурожайного лета Диала отказала в помощи даже собственным крестьянам, не разрешив выдать им зерна, картофеля и муки из закромов поместья, из-за чего всю зиму население ее деревень голодало и недосчиталось многих стариков к весне. Единственную бесплатную больницу для простого населения, которую построили на средства прадеда Диалы и которую много лет содержала ее семья, закрыли год назад опять-таки по требованию Диалы, заявившей, что содержание больницы обходится ей неоправданно дорого. Поборы с крестьян и пошлины с ремесленников и торговцев в ее имении возросли, разрешение на вырубку леса для строительства домов было теперь очень сложно получить; на охоту в лесах Зоиларов был наложен строжайший запрет, а всех пойманных браконьеров вешали сразу, не задавая никаких вопросов. Сейчас горожане неспроста припоминали все свои претензии к Диале Зоилар: им было интересно, рискнет ли та появиться на сегодняшнем званом вечере у градоначальника, срочно устроенном для чествования генерала Ардамаса.

Почему этот вопрос так волновал горожан? Они шептались, что прошлым летом во время войны хозяйка поместья Зоиларов приняла захватчиков-солликийцев как дорогих гостей на своих землях и сама не уехала по примеру всех богачей в дальние северные дома и поместья, а осталась здесь и мило общалась с солликийцами. Поговаривали, что и короля Эрдана Бортейпа на ее землях видели, дескать, он к Диале инкогнито приезжал.

«Как неудачно Гильдар себе невесту выбрал, — поражалась Лара. — Слухами быстро земля полнится, и такая плохая репутация будущей жены обязательно ляжет пятном и на репутацию ее мужа. Особенно это касается шепотков о ее связи с солликийцами. Или, как говорят в народе, два сапога — пара? И невесту он выбрал в точности по себе? Знает ли он о том, что Диала у себя дома творит? Он же, помнится, был именно здесь, когда услышал, что Леон выехал крепость оборонять, и с Диалой точно виделся. С другой стороны, при встрече с женихом любая девушка старается продемонстрировать лучшие черты своего характера и не будет рассказывать о том, как повышает налоги и закрывает больницы. И еще раз с другой стороны: закрытие больницы и жесткая экономия в преддверии и во время войны могли быть вполне оправданными, хоть и непопулярными у населения, мерами! Присмотреться бы к этой Диале самой...»

Разузнав все городские сплетни и слухи, в том числе и о том, что вечер у градоначальника — лорда Лиарна Морейда — начнется уже через два часа, Лара понеслась назад к тавернам, где разместился отряд Леона. А то уйдет генерал, а противный Огаст, с которым она так и не успела помириться, может бедную усталую кису в дом и не пустить.

Перебегая через дорогу, Лара увидела привычную по родному миру картину: хорошо одетая дама пыталась успокоить гневно топающего ножками и орущего на всю улицу принаряженного сыночка.

— Хочу еще один пряник! Хочу! Хочу-у-у!!! — вопило дитяtko, да так громко, что Лара инстинктивно ушки к голове прижала, чтобы не оглохнуть ненароком.

— У тебя уже есть два, — измученным тоном выговаривала сыночку дама, обмахиваясь надушенным платочком. — Тебе нечем держать третий пряник — у тебя ведь нет третьей руки, — нашла она повод для отказа.

— Я в одной руке могу держать два пряника, так что купи еще два! — логично ответило дите и попыталось удержать в одной ручонке два больших, красиво обернутых блестящей бумагой пряника.

Лара притормозила, заинтересованно наблюдая за этой попыткой. Мать крикуна не пыталась урезонить капризного мальчугана — она уже

увлеченно болтала с другой дамой. И когда из пухлой ручонки жадного карапуза закономерно вывалился один пряник, ему не дали долететь до земли острые кошачьи зубки: Лара подхватила лакомство и помчалась закоулками домой. Ей вслед несли детский рев и причитания потревоженной мамочки, но никакой вины за эту кражу Лара не ощущала: не следует поощрять в детях жадность, пусть приучаются делиться с другими! Лара еще до похода заметила, что сладости и кондитерские изделия в этом мире стоят очень дорого и позволить себе вот такие шоколадные, покрытые глазурью прянички могут только очень богатые люди. Даже Леон обходился медом, булками и вареньем, и в его рационе не было ни шоколада, ни мармелада, ни конфет, ни пряников печатных. Правда, генерал неприхотлив в еде и не любит сладости, но Огаст их точно любит — он с такой тоской всегда поглядывал на витрины редких кондитерских лавочек в крупных селах и городках, в которых им доводилось бывать.

Проскочив в приоткрытую дверь таверны, Лара взбежала на второй этаж и поскреблась в дверь комнаты Леона. Ее услышали и открыли.

— Явилась, Кошка, да еще и с добычей. Что это ты принесла? — полюбопытствовал Леон.

В комнате находились только он и Огаст. Причем парнишка опять уныло бубнил себе под нос текст детской энциклопедии и одет был по-домашнему, а вот Леон щеголял белой сорочкой и черными брюками из тяжелого шелка. На спинке стула висел такой же шелковый пиджак. (Или в этом мире следует говорить «сюртук»? Камзол? На привычный пиджак эта вещь походила мало, но и на смокинг не смахивала.)

«На вечер собрался, — фыркнула Лара. — Ну, хоть не в бордель».

Кошка прошествовала к столу, за которым постигал азы грамотности Огаст, вспрыгнула на второй стул и положила на столешницу свою добычу.

— Мур-р, — проурчала она, прижала уши и с умилительно-виноватым выражением мордочки заглянула в глаза парнишки.

Леон расхохотался в голос.

Огаст растерялся, переводя взгляд с пряника на кошку и с кошки на пряник. По загоревшимся глазам Лара поняла, что с презентом угадала верно. Но паренек мужественно сдерживал желание схватить глазированную коврижку.

— И зачем ты это притащила? — с показным равнодушием спросил оруженосец.

— Мур-р, — пояснила Лара, посильней прижала уши и дернула хвостиком.

— Мириться с тобой хочет, откуп принесла, — со смехом пояснил Леон, — извиняется за недостойную выходку. Огаст, приказываю: контрибуцию в виде пряника принять и мирный договор считать подписанным.

Огаст, к счастью, оказался парнем отходчивым, на примирение согласился и пряник умял с видимым наслаждением, сняв с него яркую обертку и даже на отпечатки кошачьих зубов не пожаловавшись.

— Вот и хорошо, теперь я со спокойной совестью могу вас наедине оставить и не бояться, что вы поубиваете друг друга, — заметил Леон и поманил к себе Лару. — Кошка, иди сюда.

Пройдя в смежную комнату и закрыв за собой дверь, Леон присел перед Ларой на корточки и тихо сказал:

— Меня пригласили на вечер к главе города, вернусь ночью. Это моя комната, спи здесь. — Леон махнул рукой на свою разобранную постель. — У стены еда твоя стоит. И в следующий раз, пожалуйста, не исчезай без предупреждения, я почему-то за тебя волнуюсь. И последнее: воровать — нехорошо! Пусть и с благими намерениями.

Лара фыркнула: у нее есть другие варианты?! Как может кошка раздобыть пряник, если не утащит? А тут и не воровство вовсе — у мальчонки пряник бы упал в грязь и дамочка его бы выкинула. А по вопросу ухода без предупреждения — как она его предупредить-то может?

Леон, судя по выражению лица, размышлял над теми же проблемами. Погладив чисто выбритый подбородок (ишь, тоже к вечеру готовился!), он произнес:

— Лучше вообще никуда дальше двора не ходи. Вот закончится война полностью, освободят Гильдара — и уедем мы ко мне в поместье. Там сможешь по всей округе бегать — никто тебя не тронет, ясно? А тут пока тихо посиди.

Лара насупилась: она сиди, а он на вечерах званых гуляй? У нее дела свои личные имеются: тело человеческое вернуть, в мир свой возвратиться, Дамиану отплатить за все и вас, генерал, от смерти спасти, мало ли кто еще на вас покушаться будет, так и пропадете без кошачьей заботы!

В дверь номера громко постучали. Послышались шаги Огаста в первой комнате-гостиной, скрип открываемой двери и незнакомый голос, который произнес:

— Важное сообщение для генерала Леона Ардамаса.

Глава 18

ОТРАВИТЕЛЬНИЦА НА БАЛУ

Леон широким шагом вышел встретить гонца. Лара, естественно, побежала следом. На пороге стоял усталый бородатый мужчина средних лет в домотканой крестьянской одежде, сжимавший в руках выдавшие виды шапку. При виде генерала мужчина расправил плечи и важно произнес:

— Я посланец Слепой Ведуньи. Она просит вас пожаловать к ней для получения предсказания-предупреждения.

Леон нахмурился:

— Это предупреждение касается судьбы Гильдара Зоилара?

Посланец недовольно посмотрел на генерала:

— Ведунья никому не может рассказать о чужой судьбе. Раз она зовет вас, то предсказание касается только вашей судьбы, и ничьей другой. Это всем известно! Я провожу вас до дома Ведуньи. Когда выходим?

Широкие брови Леона взмыли на лоб.

— Ведунья живет в этом городе?

Посланец посмотрел еще более недовольно. Выражение его лица просто кричало о том, что каждый (каждый!) житель Картума обязан знать, где живет Слепая Ведунья, и обязан чтить ее безмерно, беспрекословно отправляясь в путь по ее приглашению. Однако Леон к мистическим явлениям предсказаний явно относился весьма скептически. Лара тоже раньше относилась ко всяким прорицательницам и бабушкам-знахаркам недоверчиво, однако изменившиеся обстоятельства жизни заставили ее иначе взглянуть на этот вопрос.

— Слепая Ведунья живет в селе Ведомок в двадцати милях отсюда. Она еще вчера дала мне указания разыскать вас здесь в это время.

— Вчера я сам еще не знал, что сегодня утром поеду в столицу, я планировать ехать завтра, — возразил Леон.

Мужчина-посланец свысока посмотрел на генерала:

— Ведунье известно будущее, которое закрыто от взора обычного человека. Я в обед вышел в город, чтобы успеть. Если вы поскачете верхом, то доберетесь к середине ночи.

Леон вздохнул и покачал головой:

— Если предсказание касается только меня, то оно подождет. Сейчас меня ждут у градоначальника — я обещал прийти и не могу не сдержать

слова. А утром мы снова поскачем в столицу — мне нужно помочь другу. Как только разберусь с делами, обязательно заеду к вашей Ведунье.

Посланец великой предсказательницы онемел от возмущения, а Лара взвыла от разочарования: ей сейчас надо к Ведунье! Тут так близко — рукой подать! Лара зарычала и стала бодать головой ноги Леона, подталкивая его к двери. Огаст тоже высказался:

— Не следует пренебрегать приглашением Слепой Ведуньи, ваше высокородие! Это может плохо закончиться!

Но Леон уперся, чисто как баран: другие дела важнее, а свою судьбу ему знать неинтересно: поживет — и так все увидит. Он-то поживет, как человек поживет, а другим век в кошачьей шкуре мучиться?! Эгоист! Лара шипела и рычала, посланец негодовал, Огаст уговаривал, но генерал Ардамас нацепил шелковый пиджак-сюртук, насмешливо пожелал всем доброй ночи и отбыл в карете на званный вечер! Идиот! Самоуверенный и упертый дурак! Хоть бы ради кошки, спасшей ему жизнь, согласился в это село съездить! А потом пусть хоть все вечера об местных девиц глаза мозолит!

Посланец Ведуньи горестно качал головой и приговаривал, что не к добру такое решение генерала, не к добру. Потом сообщил Огасту, что останется в таверне до утра, авось генерал Ардамас к рассвету поумнеет и к Ведунье съездить надумает. Мужчина ушел, а Лара задумалась: что такого хотела срочно сообщить пророчица Леону? Памятуя о сорвавшемся покушении и о том, что ранее Ведунья уже предрекала генералу гибель, догадаться несложно: Леону опять грозила опасность. Лара истерично завопила под дверью, подскочивший на месте Огаст поспешил открыть ее, и Лара понеслась к дому городского главы. Дорогу найти было проще простого: все кареты в городе двигались сейчас в одном направлении — к этому самому дому, который стоял на центральной площади городка. Ограды вокруг дома не было, перед парадным входом уже толпились кареты, занимая половину площади. Лара обогнула дом и с обратной стороны узрела небольшой садик с низкой оградой и калиткой, а за садиком — крыльцо черного входа.

«Умение лазать по деревьям — очень полезное умение, люди напрасно забывают свои изначальные корни. Кошки, конечно, не столь умелы в этом деле, как обезьяны, но при большом опыте тоже мастера, — пыхтела про себя Лара, перескакивая с высокого дерева на балкон второго этажа. — Вот разведаю обстановку тихонечко, за гостями тайком присмотрю — и будет моя душенька спокойна. Хорошо бы Диалу здесь увидеть, первое впечатление о ней составить».

На втором этаже царила тишина: прием гостей проходил внизу и оттуда же доносился упоительный аромат мясных и рыбных деликатесов, а еще ванильной сдобы, разогретого сливочного масла, тушеных овощей и прочих вкусностей. У бедной Лары животик подвело от голода, но она мужественно сосредоточилась на поставленной перед собой задаче: найти и обезвредить! Всех, кто попытается отправить на встречу с праотцами ее нового лучшего друга — Леона Ардамаса. И черная кошка темной тенью заскользила по безлюдному второму этажу, принюхиваясь, прислушиваясь и присматриваясь. Кроме парочки горничных, прибиравшихся в спальнях и болтавших о пригожих лакеях, Лара никого не обнаружила и по лестнице черного хода спустилась вниз. Лестница вывела ее в укромный закуток к чулану, и здесь Ларе опять пришлось разрываться между чувством голода, который настойчиво звал ее свернуть вправо на кухню, и чувством долга и признательности, звавшего ее в сторону парадных комнат. Привязанность к Леону опять победила, Лара прошмыгнула через широкий холл и, скрываясь за портьерами, прошла в бальный зал.

Улегшись на пол и выглядывая из-под длинных тяжелых штор, Лара провела осмотр места планируемого преступления. Зал был просторным, богато изукрашенным, рассчитанным на количество людей раз в десять больше, чем присутствовало в данный момент. Очевидно, далеко не все аристократы и именитые жители города рискнули вернуться на приграничные земли до официального объявления о капитуляции Солликии. Столь малая плотность гостей в зале несколько затрудняла Ларе игру в прятки, зато облегчала наблюдение за всеми действующими лицами, а самим гостям вечера позволяла вести приватные разговоры прямо в зале, не скрываясь в полутемных нишах, на балконах и в саду. Вот и сейчас рядом с притаившейся за занавеской Ларой остановились две пары ног в туфельках, прикрытых пышными бальными платьями.

— Все складывается просто замечательно, как я и рассчитывала, — произнес глубокий женский голос. — Народу мало, молодых незамужних девушек всего девять, и ты — самая красивая. Пользуйся моментом, дочка, не упusti такой шанс! Немедленно убрала со своего личика это недовольное скорбное выражение! У генерала Ардамаса сейчас есть реальная возможность стать регентом, а то и королем. Королем! Но и без этого он — один самых известных, богатых и знатных людей в королевстве, близкий к монаршей семье. Так что мне совершенно непонятны причины твоего недовольства!

— Он некрасивый, — пробурчал тонкий голосок. — Огромный, грубый, нос кривой, глаза смотрят так пронзительно, что дрожь пробирает.

И руки у него шрамами покрыты, ужас просто!

— Дура! — припечатала мать. — У него наверняка не только руки, но и все тело в шрамах, так что с того? Скажи спасибо, что не лицо! Какое тебе дело до его внешности? Не нравится — не смотри, надо больно! Глазки потупь, как и положено скромной девице, и мило улыбайся. Родишь ему наследника и любовника самого распрекрасного себе заведешь — любоваться будешь. Никто и слова не скажет, у Ардамаса и без тебя забот предостаточно, дома он редко появляться будет, сможешь жить в свое удовольствие, как сыр в масле кататься, в лучших нарядах и драгоценностях щеголять, ясно?

В ответ раздался покорный печальный вздох, и туфельки пошагали в сторону Леона: глазки потуплять и улыбаться. А Лара изо всех сил сдерживала в себе желание покусать эти тонкие ножки и разодрать в клочки этот колышущийся подол бального платья. Желание это было явно не только свое собственное, но и усиленное яростью кошачьей сущности, которая признала в кормившем ее Леоне своего приятеля (понятие «хозяин» кошачьей сущности абсолютно чуждо, она ведь — «оплот бытия», какой уж тут «хозяин»).

«Мир другой, а нравы те же, — злилась Лара. — Нет, я прекрасно понимаю, что среди сильных мира сего (и моего мира тоже) есть много расчетливых, бесчувственных, жестких дельцов, которые даже брак рассматривают как сделку, а жену — как деловое приобретение, которым в браке важны статус и родственные связи невесты, ее умение организовывать такие вот приемы и блистать в светском обществе, поддерживая его реноме успешного во всех делах человека, а также возможность занять наследника. Но Леон другой, он живой, настоящий, ему в браке нужно тепло и взаимопонимание, чтобы жена ждала его из походов и радостно встречала на пороге. Он даже кошке, выскочившей навстречу, рад! Эта расфранченная глупая фифочка, которой его нормальное мужественное лицо не приглянулось, даром Леону не нужна. Надо бы не только с его врагами разобраться, но и девушку хорошую ему заодно присмотреть, а то сам так на какой-нибудь профурсетке и женится. Суровые военные в мирной жизни бывают так простодушны, что их любая „наивная милая“ куколка вокруг пальца обведет, а развод здесь вряд ли возможен, во всяком случае, даже вскользь ни о чем таком еще не слышала, хоть бабских сплетен наслушалась вдоволь. Дамиана Сантеро на этих прелестных крошек не хватает — он бы их быстро научил хороших мужиков ценить. Впрочем, эти изнеженные создания демону неинтересны: и жизненная энергия в них не бурлит, и чистотой помыслов они не

отличаются».

Лара обходила зал по кругу, прячась за занавесями, диванчиками, карточными столиками, которые тоже были накрыты свисающей до пола тканью, и подслушивая все разговоры, которые велись в отдалении от главных действующих лиц. Диалы Зоилар на приеме, к сожалению, не было. Тема же нескольких других женских бесед ничем не отличалась от первой, прослушанной Ларой, а желчная болтовня двух «очаровательных юных леди», язвительно высмеивавших неприглядную внешность «тупого солдафона», и вовсе вывела Лару из себя.

«Этот „тупой солдафон“ смог придумать способ победить армию, которая в два с половиной раза превосходила его войско! Если бы не он, вы бы сейчас смотрели, как солликийцы грабят ваши поместья. Хотя вы бы не смотрели — вы бы драпали в северные провинции! Да Леон — самый умный, благородный и лучший человек из всех, что я видела в двух мирах! И внешность у него нормальная, а тело и вовсе блеск, была бы сейчас женщиной — растеклась бы лужицей от восторга. А глаза у него лучистые, светлые, как серебристо-серая сталь меча на солнце, отражающая ясное голубое небо», — гневно сопела Лара, пробираясь поближе к мужчинам, стоявшим в противоположном углу зала.

Успокаивало только поведение самого Леона: он смотрел на кружащихся вокруг него девиц равнодушно, отвечал на обращенные к нему охи-ахи кратко и сухо, никаких признаков увлеченности кем-либо не выказывал. Пожилая пара, мимо которой проскальзывала сейчас Лара, обменялась мнениями как раз по этому поводу.

— Похоже, генерал Ардамас еще не позабыл истории с Миралой Норлас и до сих пор сторонится женщин, — заметила женщина.

— Ему повезло, он приобрел полезный опыт до того, как женился на гулящей склочной стерве, — желчно ответил мужчина, на что его супруга только презрительно хмыкнула.

Ларе стало грустно: ее генералу уже успели причинить боль, она со своей помощью опоздала на несколько лет. Ничего, боль от предательства в итоге утихнет, может — уже утихла, как ее собственное отчаяние после вероломства и лицемерия Дамиана. Сейчас Лара хотела только вернуть свое тело, вернуться домой и никогда-никогда не видеть больше этого демона. При мысли о родном мире сердце кольнула иголочка сожаления, что Леон останется здесь и его она тоже не увидит.

«Ничего, я успею наладить ему счастливую жизнь. Главное, врагов его выявить и нейтрализовать», — сосредоточилась на основной задаче Лара.

Никаких крамольных разговоров в зале она не услышала,

подозрительных личностей не заметила: сталью ни от кого не пахло, значит, кинжал в обуви или за пазухой никто не держал. Если кто и планировал убийство, то это должно быть более хитрое покушение, чем удар в спину или выстрел в окно (окна Лара уже все осмотрела — никаких отверстий в портьерах, позволивших бы прицелиться в конкретного человека). Самым вероятным вариантом становилось отравление, и Лара метнулась из зала на веранду: нужно незаметно перебраться в ту комнату, откуда упоительно пахло закусками.

«На кухню преступнику нет смысла соваться: там слуг много, незнакомого сразу заметят, а если убийца из благородных — то тем более будет странно смотреться на кухне. И у него же нет цели отравить всех гостей, так что логичнее предположить, что он подсыплет яд только в порцию Леона. Во время ужина сядет рядом? Заранее брызнет яд на тарелку?» — Строя различные предположения, Лара карабкалась по очередному дереву до окна гостиной, где мелькали силуэты слуг, накрывавших столы. Дождавшись, когда в комнате перестанут ходить люди, и уже приготовившись прыгнуть, Лара услышала шорох шагов внизу, под деревом, на котором сидела.

В темноте наступившей безлунной ночи закутанная в плащ тонкая фигура быстро шла в сторону черного хода, а навстречу ей уже спешил лакей в форменной ливрее всех слуг Морейдов.

Фигуры в молчании встретились и в молчании расстались. Маленький бумажный пакетик тихо перешел из рук в руки.

«Скажи хоть слово!» — взмолилась про себя Лара, но ее не услышали.

Но кошке для идентификации личности важен не столько звук голоса, сколько запах, и Лара старательно принюхивалась к сладкому цветочному аромату, который ветерок доносил со стороны закутанной в плащ фигуры. Это был запах женских духов. Двигалась фигура легко и грациозно — значит, точно женщина.

«Духи легко сменить — это раз, такие же духи могут быть у многих — это два», — осмыслила факты Лара и прыгнула на землю.

Ее тихий шмяк не прошел незамеченным — фигура обернулась и направила в сторону Лары тонкий кинжал. Лара усилием воли заставила себя не шарахнуться в сторону при виде оружия, а с мяуканьем побежать к женщине. Та облегченно выдохнула при виде кошки и спрятала кинжал под плащом. Потом тихо проскользнула в калитку, которая закрывалась только на щеколду (в центре города лорд Лиарн Морейд воров, видимо, не опасался), и растворилась в ночи. Но Лара успела подбежать достаточно близко, чтобы как следует разнюхать и накрепко запомнить собственный,

индивидуальный запах этой женщины. Действительно женщины.

«Надеюсь, еще встретимся, и тогда я вас узнаю, пособница убийства. Или заказчица? Какие счета могут быть у Леона с женщиной? Месть за измену? Ревность? Вы б рассказали Кошке про скелеты в вашем шкафу, дорогой генерал. Не привыкла я без доказательной базы и показаний свидетелей дело рассматривать!»

Пока мысли и предположения толпились в голове, лапки быстро несли ее назад к веранде и в зал. Лакея Лара запомнила очень хорошо и была намерена глаз с него не спускать и не позволить Леону съесть хоть корочку хлеба на этом званом вечере.

«Это я вовремя успела, — порадовалась Лара, увидев лакеев, разносивших по залу подносы с бокалами. — Аперитив перед поздней трапезой — святое дело. Вот и тот лакей, которому кулек с неизвестным содержимым передали, — идет в сторону Леона, причем так, чтобы последний бокал достался именно ему. Что делать будем? Эх, жизнь моя жестянка, а ну ее в болото... Леон, если вздумаешь меня отшлепать — ты мне больше не друг!»

И Лара черным пушечным ядром подкатилась под ноги лакея-отравителя.

Грохот от упавшего на мраморный пол медного подноса, звонкое и частое стаккато хрустальных осколков разлетевшихся вдребезги бокалов, женские визги, мужская брань — все слилось в единую какофонию.

«Он все из пакетика в этот бокал высыпал? Или на запас оставил, если Леон от вина откажется? Надо уводить его до начала застолья! Как?» — спешно перебирала возможные варианты Лара.

Леон Ардамас вымученно улыбался очередной «подходящей девушке с хорошей родословной», усиленно делавшей вид, что она очарована его персоной и вспылала к нему чувствами с первого взгляда. Леон решительно не знал, о чем говорить с этими куколками, хлопавшими ресницами и приседавшими так низко, что глубокий вырез их платья не оставлял простора для мужского воображения. Со своей будущей семейной жизнью Леон давно определился, и эти копии Миралы Норлас в нее никак не вписывались. Стараясь говорить как можно меньше, генерал ждал того момента, когда девушкам надоест безответно стрекотать и они дадут ему возможность спокойно просидеть весь этот вечер на диване, но нет — девушки подходили и подходили, а ему приходилось вставать и выслушивать их речи, благодарности, признательности и так далее и тому подобное. Лорд Лиарн Морейд смотрел на паломничество юных дев весьма

благосклонно — большинство из них приходились ему дальними родственницами, о чем он предупредительно сообщил Леону, расписывая, какие они замечательные хозяйки, богатые наследницы, послушные и милые девушки. Ардамас тоскливо думал о том, что с куда большей охотой лежал бы сейчас в постели, слушая довольное мурчание Кошки под боком, а не стоял бы здесь, как чучело среди огорода, в узких брюках, в накрахмаленной сорочке и непривычно жмущем в плечах сюртуке. Ненужное Леону, но упорно растущее политическое влияние давало о себе знать: вся местная аристократия хотела зарекомендовать себя перед генералом с лучшей стороны, так как была убеждена в его скором приходе к власти. Разубедить их в этом Леон не мог: он лучше многих понимал, что, несмотря на его желание уединиться в своем поместье и вести тихую сельскую жизнь, у него может просто не быть такой возможности, и придется жить в королевском дворце и расплетать все интриги придворного гадючника. Он обещал Варту, а свои обещания Леон выполнял.

Рассеянно кивая головой на речи Морейда, Леон скользил взглядом по залу и ни на одном лице не видел искреннего интереса или симпатии к своей особе. Это было привычно и нормально, Леон давно привык к тому, что его настоящий дом — это походная палатка, а семья — армия солдат. Что особенного могла увидеть Слепая Ведунья в его будущем? Очередную попытку убийства? Так он и без ее предсказаний настороже, но от метко пущенной пули спасения все равно нет, так что и ехать к этой предсказательнице нечего.

Лакеи стали обносить гостей вином. В сторону Леона тоже направился один молодец, странно напряженный и с подозрительно бегающим взглядом. Леон нахмурился — похожим образом выглядели солдаты, задумавшие дезертировать с поля боя или совершить какую-нибудь гнусность вроде мародерства или насилия. Но задуматься над странностями в поведении лакея не успел: под ноги молодчика метнулось что-то темное, и лакей грохнулся на пол вместе с подносом и всем его содержимым. В сторону же отпрыгнула хорошо знакомая Леону пушистая черная тушка.

— Это что такое?! Как допустили сюда это животное?! На живодерню ее отправить! — раскричался Морейд.

— Никаких живодерен, — холодно прервал его вопли Леон. — Это моя кошка.

Окружающие ошеломленно притихли, а Леон со страхом смотрел, как его Кошка шагнула к нему, покачнулась, еще раз покачнулась, ее лапки стали скользить и расплзаться в стороны. Кошка с тоскливым мяуканьем

шлепнулась на пол, вытянулась и задергала всеми конечностями.

— Кошка, что с тобой?! Поранилась? — Леон склонился над кошкой, проводя руками по ее телу, пытаясь обнаружить повреждения.

Животное тихо, жалобно подвывало, дергало лапками и закатывало глаза. Хвост неподвижно лежал на полу бессильной пушистой тряпочкой, голова поникла и тоже не поднималась с пола. Красное вино растеклось вокруг кошки, как настоящая кровь. По телу Леона прошел холодный озноб: он не хотел терять Кошку, он успел к ней так привязаться! Леон подхватил свою Кошку на руки — она обвисла, как свернутое покрывало, и продолжила конвульсивно подергивать лапками.

— Сдохла, кажись, — вымолвил кто-то в полной тишине.

У Леона екнуло от страха сердце.

— Извините, лорд Морейд, но я вынужден вас покинуть. Нужно показать Кошку лекарю — она только на днях оправилась от боевого ранения, могли швы разойтись, — сухо сказал Леон и зашагал к выходу.

— Швы? У кошки?

— Лекарь генерала лечил кошку?!

— Что это значит, при чем тут кошка?

— Ранение? У кошки? Боевое?!

— Генерал Ардамас так сильно любит кошек? — доносились из зала недоумевающие голоса.

Но Леону было не до них — он выскочил из особняка градоначальника, кликнул своего кучера, и карета полетела в таверну.

— Что же с тобой? — озабоченно шептал Леон, дрожащими руками ощупывая тельце кошки.

Один зеленый глаз приоткрылся, посмотрел на лицо Леона. Открылся второй глаз. Острые ушки прижались к голове, а виноватая мордочка потянулась к Леону и лизнула его в нос.

— Не понял... — Леон ошарашенно смотрел, как ушки прижимаются к кошачьей голове еще сильнее, сама голова оробело втягивается в плечи, а мохнатая мордочка приобретает все более виноватый вид.

Подрагивания лапок прекратились, и они начали мять грудь Леона, переминаясь по его крахмальной белой сорочке и оставляя на ней красные следы от вина. Кошка заурчала и покаянно лизнула его в нос еще раз, а потом подумала и лизнула в щеку.

— Ты... Ты притворялась?! — воскликнул Леон.

Кошка затопталась лапками быстрее, выпуская коготки и мурлыкая. Потом встала на все четыре лапки на коленях Леона, головой потерлась о его подбородок, хвост ее резко вздернулся вверх, спинка выгнулась,

приглашая мужчину погладить мягкую шерстку.

— Та-а-ак, — протянул Леон, оторвал от себя кошку и пристально посмотрел в наглые зеленые глазки. — С тобой все в порядке? Кивни.

Лара кивнула. У Леона как гора с плеч упала, он укоризненно покачал головой:

— И зачем? Дай-ка угадать попробую: хотела, чтобы я уехал домой?

Лара кивнула еще раз.

— Ладно, приедем в таверну — поговорим серьезно, — пригрозил Леон, но Лара не испугалась: раз сразу шлепков не надавал, значит, и дальше не накажет.

Глава 19

СЛЕПАЯ ВЕДУНЬЯ

В комнатах, которые занимал Леон, было тихо: Огаст уже спал в гостиной на кушетке (ему велели не дожидаться возвращения генерала), огонь в камине погас, снизу шум тоже не доносился: кабачок на первом этаже таверны закрылся на ночь. Пока мужчина с удовольствием скидывал с себя парадное одеяние, Лара наконец-то наелась мяса из оставленной у стены миски. Леон плотно прикрыл дверь в их комнату и присел на корточки перед Ларой:

— Сможешь объяснить, зачем тебе понадобилось этот балаган разводить?

«Обязательно сидеть в одних портках? — покосилась Лара на бугрящееся мускулами, атлетически сложенное обнаженное мужское тело. — Я хоть и не человек временно, но все-таки женского пола! А объяснить попробую».

Лара подскочила к камину, ткнула лапкой в остывшую золу на краю, потом взлетела на стул, оставив серый след на нем, со стула — на стол и смахнула остатки золы с лапки в кружку Леона, стоявшую на столе.

— Мяу!

Генерал Ардамас не был глуп, что бы там ни думали по этому поводу местные девицы на выданье, и все понял.

— Лакей подсыпал что-то в мой бокал, — утвердительно сказал он, и Лара кивнула. — Я обратил внимание на его нервное поведение и затравленный взгляд. Интересно, кто его надоумил и яд передал. Боюсь только, теперь уже поздно выяснять, он после неудачной попытки отравления сразу сбежать должен был, чтобы заказчику под горячую руку не попасться. Попробовать его найти, конечно, можно... И нужно... Иначе заказчика теперь не вычислить...

Лару прямо распирало от желания все рассказать, выяснить, что за женщина могла зуб точить на генерала, но как скажешь, если изо рта только «мяу-мяу» вылетает?! Написать лапкой она ничего не сможет: язык чужой, буквы еще малознакомы, только в чернилах перемажется. (Но идея макать лапку в чернильницу и писать на бумаге хоть простейшие слова Лару не оставляла.)

Оглядевшись по сторонам, вытащила из петлиц парадного сюртука

Леона яркую трехцветную ленту, украшавшую его наподобие аксельбанта, перекрутила ее, как могла, лапами и подсунула голову под получившуюся «шляпку». Осторожно встала и пошла, задрав голову, манерно поднимая лапки и усиленно вихляя хвостатой частью тела.

Леон захохотал и поспешно закрыл рот рукой, испугавшись, что разбудит Огаста, — свидетели необычного кошачьего представления ему не нужны. Посмотрев еще разок, как потешно торчит на черной ушастой головке цветной ворох, как надменно посматривают желтовато-зеленые глазки с узким росчерком зрачка, Леон сообразил:

— Ты видела заказчика, это была женщина, так?

Лара поспешно закивала, отчего «шляпка» свалилась на пол. Лара села, обвив лапки хвостиком, и пристально уставилась на генерала. Леон понял, что это вопрос (он все ловил на лету), и задумчиво сказал:

— С женщинами у меня никаких проблем личного характера нет и быть не может. Мое близкое знакомство с «благородными» девицами закончилось четыре года назад, после того как я разорвал помолвку с моей невестой, мисс Миралой Норлас. — Леон замолчал, вспоминая, и Лара нетерпеливо мявкнула и подпрыгнула на месте. — Подробности знать хочешь? — усмехнулся Леон, и Лара закивала, как китайский болванчик. — Мне довелось увидеть ее в объятиях другого мужчины в его постели. Он даже от поединка со мной отказался, заявив, что эта девушка не стоит того, чтобы рисковать из-за нее жизнью. Мирала тогда громко возмущалась, требовала, чтобы он на ней женился, раз уж я теперь отказываюсь от нее. Герцог Раус только фыркнул презрительно, и Миралу в итоге срочно выдали замуж за обедневшего дворянина, арендовавшего коттедж в поместье ее батюшки. Впрочем, женитьба не уменьшила слухов, так как вскоре стало ясно, что любовников Мирале нравится менять столь же часто, как перчатки, и один скандал следовал за другим. Как она сейчас живет, мне неизвестно, но мстить мне оснований у нее нет, да и четыре года уже прошло. С той поры никаких обещаний я девушкам не давал и авансов не делал, любовниц тоже не имел и не имею, меня вполне устраивают регулярные посещения общедоступных женщин. Так что, возможно, это был не яд, а зелье приворотное — женщины верят во всякую чертовщину, и меня уже пытались охмурить и затащить к алтарю таким образом.

Лара опять вопросительно мявкнула, и Леон пояснил:

— Вдова одна мне глазки строила, к себе зазывала, я в итоге пошел. Она мне вина вызвалась самолично принести и принесла, да только я в зеркало видел, как она в другой комнате что-то в бокал сыпанула. Дело тогда к войне уже шло, мало ли с кем эта леди в сговоре состоять могла,

мало ли чего добиться хотела? Ну, вызвал сыскарей, они вино на проверку отнесли и дамочку допросили. Выяснилось, что она мне зелье приворотное подсыпала, замуж за обеспеченного мужчину выйти хотела. Зелье у знахарки какой-то купила — сыскари сказали потом, что это обычные перетертые в труху травы были: мята, розмарин, еще что-то. Я попросил замять это дело, и мне пошли навстречу — вдовушку отпустили восвояси, а я окончательно перестал общаться со светскими дамами.

Лара отрицательно покачала головой в ответ на этот рассказ: не устраивала ее версия приворотного зелья. Она подскочила к разложенному на сундуке оружию генерала и ухватила зубами кинжал. Вытащив его из общей кучи, бросила к ногам мужчины.

— У женщины был кинжал? — нахмурился Леон, и Лара кивнула. — И зачем ты к ней полезла?! А если бы она тебя заколола этим кинжалом?!

Лара фыркнула и показательно помахала хвостом: очнись, Леон, я всего лишь кошка, меня нет нужды убирать как свидетеля.

— Что ж, если женщина вооружена... На приеме она была? — Лара покачала головой. — Узнать ее сможешь? — Лара кивнула и демонстративно повела носом. — А, запах узнаешь?

Лара согласилась и с этой догадкой. Леон встал, потянулся. Лара сглотнула и велела себе отвернуться, а потом решила: какого дьявола?! Она кошка, и нормы приличия на нее теперь не распространяются, так что можно получить чисто эстетическое наслаждение от вида красивого мужского тела. Тело это улеглось в кровать и приглашающе похлопало рукой рядом с собой. Лара приглашение приняла и привычно свернулась под боком у Леона. От мужчины шел приятный аромат чистого тела с легкими пряными нотками, навевавший исключительно приятные сны.

Утро началось с конфликта интересов: Леон собирался ехать в столицу, а Ларе требовалось немедленно отправиться к Слепой Ведунье, и она прямо-таки прилипла к появившемуся после завтрака посланцу предсказательницы, давая понять Леону, что пойдет с ним в село Ведомок. Но трудно победить в конфликте, если силы неравны: Леон просто подхватил огрызающуюся кошку на руки, сунул ее в старый глубокий ящик из-под пушечных ядер, валявшийся в обозе, и дело с концом. Перед посланцем Ведуньи генерал церемонно извинился и заверил, что как только покончит с неотложными делами — сразу приедет.

Лара выла и бесновалась в своем ящике, не в силах выбраться наружу: «Как ты можешь так поступать со мной, Леон? Ты же понятия не имеешь, как важно мне пообщаться со Слепой Ведуньей! Друг, называется!»

Во время короткого привала Леон пытался подольститься к Ларе, колбасу ей самую лучшую принес, но Лара повернулась к нему хвостом: с предателями и тюремщиками кошек она не разговаривает! Огаст тоже пришел посмотреть на злую кошку и сказал негромко:

— Ваше высокородие, тут через лес можно быстро до Ведомока доскакать — всего миль пять на юго-запад, поговаривают, это ближе, чем по дороге в обход с другой стороны идти.

— Хватит, — раздраженно оборвал его Леон. — Не настолько сильно я верю в эти предсказания, чтобы с пути сворачивать, когда у меня важное дело есть!

Генерал ушел, а Лара тихонько взвыла и умоляюще посмотрела на Огаста: выпусти, я тебе за это три пряника принесу! Или даже шоколадку раздобуду! Парнишка помялся, но решился: вытащил Лару из ящика и опустил на землю.

— Мяв! — признательно сказала Лара. Не зря она с ним мирилась, не зря.

И кошка молнией понеслась через лес на юго-запад. «Прости, Леон, за доставленное беспокойство, но я обязательно вернусь!»

Бежать по лесу в конце весны — самое приятное занятие на свете: птички всюду распевают, цветов разных видимо-невидимо, лес редкий, травка в нем невысокая, мягонькая, под лапки так и стелется. Горячая надежда получить ответы на свои вопросы подгоняла пуще всех кнутов и пряников.

«Хоть бы ведунья оказалась настоящей, хоть бы подсказала мне, как вновь человеком стать! — думала Лара на бегу. — Мне, правда, уже не к спеху: и у кошки много дел может быть, если она на диване днями напролет не валяется. Леона вот в хорошие ручки пристроить надо (обязательно спрошу у Ведуньи, что там ему напрощено свыше), интриги дворцовые прояснить и прикрыть. И про Дамиана спрошу, не удержусь. Неужели совсем ничего ко мне не чувствовал, просто успешно притворялся? Горько так думать и противно до ужаса! Потоптался этот демон по моей самооценке, но ничего: русские девушки умеют тучи развести руками и в прошлое захлопнуть дверь. Жаль, что мне такой человек, как Леон, в моем мире не встретился — мне б тогда и дела ни до каких Дамианов Сантеро не было. Эх, генерал, узнать бы, тебе только черные кошки нравятся или девушки-брюнетки тоже по вкусу приходятся? Махнешь мир на жену не глядя? Боже, о чем я только думаю? Мне домой надо, в тело свое и к родителям вернуться. Леона в Россию мне не перетащить — я же не демон! Да и не согласится он — у него тут армия,

друг в опале и регентство на носу».

Ведомок оказался большим селом, который чудом не затронула война. Найти дом Слепой Ведуньи оказалось проще простого: на нем висела соответствующая табличка: «Ведунья и предсказательница», — написанная красивым почерком яркой краской на гладкой дощечке.

Лара проскользнула в открытое окно. Пожилая седая женщина сидела за деревянным столом, накрытым вязаной белой салфеточкой, и перебирала разноцветные гладкие камешки. Остановившийся взгляд бледно-серых глаз с еле заметными точками суженных зрачков подсказывал, что женщина слепа. Лара нерешительно потопталась на подоконнике, потом мягко прыгнула на стол и застыла перед женщиной изящной эбонитовой статуэткой.

Слепая Ведунья протянула руку и коснулась теплой кошачьей шерсти.

— Надо же, какая редкость, — пробормотала она, — человеческий дух в зверином теле.

«Слава богу, ведунья настоящая! — облегченно выдохнула Лара. — Не шарлатанка. Но как с ней общаться? Она не сможет увидеть то, что я постараюсь написать лапой».

— Зачем ты пришла ко мне? — Ведунья вопрошающе приподняла брови.

— Мяу? — понадеялась Лара, что женщина умеет читать мысли.

— Ах да, конечно, — снова тихо, будто про себя, пробормотала женщина. — Попробую угадать: хочешь спросить, как тело человеческое вернуть?

Рука ведуньи лежала на голове Лары.

— Мяу!!! — подтвердила Лара и активно закивала головой — женщина должна была рукой ощутить эти кивки.

— Я так и думала, — сказала женщина, и Лара даже подпрыгнула на месте от избытка чувств: ну же, говори, говори скорее!!!

Слепая Ведунья недовольно хмыкнула и подперла подбородок ладонью:

— Почему все люди приходят ко мне с самыми глупыми и простейшими вопросами? Неужели мои способности к ведовству и прорицаниям нужны только неразумным и недалеким людишкам, а остальные справляются сами? Обидно даже. Вот и генерал Ардамас ко мне прийти не соизволил, так и проморгает свое счастье, как пить дать проморгает. Кошка, ответ на твой вопрос ясен как белый день: будешь человеком — станешь человеком! Мироздание устроено очень просто:

душа не может длительно существовать в форме, что ей не соответствует. Все в итоге приходит в соответствие друг с другом: либо душа подстроится под тело, либо тело под душу. Первый вариант ты, как я понимаю, уже проскочила.

Лара озадаченно почесала лапкой за ухом. Что за странный совет? Прямо как в детской книжке: «Баранкин, будь человеком!» А как им быть-то?!

— Как, как, — проворчала пожилая женщина. — Так! Надоело отвечать на глупые вопросы, что поинтереснее спроси.

— Мяу? — в смысле: «Вы умеете читать мысли?»

— Нет, мысли не читаю, но иногда высшие силы помогают мне открыть помыслы человека. Так что можешь задать еще один вопрос.

Лара решила спросить о том, что уже долгое время мучило ее:

«А демоны умеют любить?»

Слепая Ведунья довольно зажмурилась:

— Хороший вопрос. Всевышний каждое живое существо щедро одарил способностью любить. Другое дело, что далеко не каждый готов воспользоваться этим великим даром. Демонам нравится добиваться от своих жертв любви к ним, но шутка в том, что если жертва демона в самом деле его полюбит, то именно в этот момент и станет для него бесполезной, и он сбежит от нее, как от священного огня, так как любовь — одно из самых светлых чувств и демону едой не станет. Если девушка после дезертирства возлюбленного-демона сможет взять себя в руки и не впасть в отчаяние, то демон недолго будет наслаждаться ее горем и унынием, а вот если не сможет, то демон вдоволь напьется от ее тускнеющей души.

«Как и было с теми девочками, которых он окручивал и бросал на Земле», — вздохнула Лара.

— Если же демон умудрится полюбить сам — очень неприятная и болезненная для него случайность, то у него останется два выхода: либо расстаться с любимой и подавить в себе это чувство, либо поменять «диету» и стать ангелом, — продолжила просвещать Лару Ведунья. — Такие случаи бывали. Есть еще и третий вариант, но он самый мучительный для демона: продолжать оставаться рядом с любимой, а питаться от других душ... Ты напрасно сейчас кривишься, полагая, что речь я веду об изменах. Нет, они не обязательны. Сладострастие — не единственный грех, хоть и один из самых сладких. Это сложно, так как чистая светлая душа возлюбленной — черные и тусклые души демонам неинтересны — будет невероятно притягательна для него, и ему крайне сложно станет удерживаться от того, чтобы не откусить от нее хоть

кусочек, а потом еще кусочек... Кстати, запомни: демоны не способны лгать. Они большие мастера уклоняться от прямых ответов, составлять фразы так, что в них можно вложить двойной и даже тройной смысл, но сказать неправду они не смогут. Не позволяй демону морочить тебе голову замысловатыми речами, требуй кратких ответов на четко и однозначно сформулированные вопросы, и ты услышишь правдивые ответы. И еще одно: демон не может творить под человеческой личиной и в человеческом мире все, что ему вздумается. Он даже толкнуть человека в реку с моста не может, если только человек сам его не попросит или не разрешит. Демон может других подталкивать к убийству или самоубийству, но сам убить человека (без разрешения на то самого человека) он не способен. Он и тело твое смог так изменить или поменять лишь потому, что ты сама ему это разрешение дала, в какой-либо форме.

«Ну да, говорила же, что мое тело принадлежит ему. Хорошо хоть душу забрать не разрешила», — понурилась Лара.

— Мяу, — уважительно ответила она Ведунье, имея в виду: «Спасибо большое за предоставленную важную информацию». — Мя-а-ау?? — продолжила она нетерпеливо, желая узнать, что же прорицательница хотела сказать Леону.

— Извини, кошечка, теперь я тебя не понимаю, — развела руками Слепая Ведунья. — Видать, не о себе спрашиваешь. О чужом будущем я с тобой говорить не могу — предсказания я могу озвучить лишь тем, для кого они высшими силами и посланы. А твое будущее целиком и полностью в твоих бархатных лапках.

«И на том спасибо, — вздохнула Лара и мяукнула на прощанье, выпрыгивая из окна. — Надо обязательно привести сюда Леона, эта мудрая женщина многое ведает, подскажет, как счастье ему не упустить. Счастье — вещь нужная и в любом доме полезная».

До самого вечера догоняла Лара отряд Леона, который ушел дальше к столице. Догнала, когда солдаты уже на ночной постой встали и палатки раскинули. Подскочив к Леону, который сидел у костра, мрачно смотря на огонь, боднула его под локоть:

— Мур-р-р, — погладь странницу, генерал.

Генерал не погладил, он насупился еще больше:

— Мы о чем договаривались, Кошка? Сидишь тихо, никуда не сбегаешь, а ты?!

— Мур-р-р, — не отступалась Лара, выгибая спинку и подставляя ее под руку мужчины.

Леон вздохнул тяжело и погладил черную шерстку.

— Ты знаешь, что никогда в жизни я еще не ехал так медленно, как сегодня, хотя мне бы следовало нестись галопом? Ешь и спать пошли, в палатке поговорим, — велел он и поставил перед кошкой собственную тарелку с нетронутым ужином.

«Эх, Лара, заставила мужика так переживать, что он аппетит потерял», — сокрушалась Лара, но уплетала за обе щеки. Еще бы, пропущенный обед и давний завтрак не располагают к воздержанности в еде.

Нырнув под генеральское одеяло, Лара наблюдала, как раздевается Леон. Этот процесс она уже изучила до малейших подробностей: в какой последовательности он снимает одежду, как сворачивает, куда складывает. Этот ежевечерний однообразный ритуал ее словно гипнотизировал и умиротворял.

— К Ведунье бегала? — спросил Леон и дождался утвердительного кивка. — Про меня спрашивала? — Еще кивок кошачьей головки. — Рассказала она тебе что?

Лара печально помотала головой, а потом вскочила и радостно попрыгала на месте.

— Хм, то есть что-то все-таки сказала, но не про меня, — опять сделал верные выводы Леон из Лариной пантомимы. — Ладно, спать давай, стар я уже в угадайки каждый день играть.

Глава 20

СТОЛИЦА КАРТУМА

Последний день похода прошел без происшествий. Лара, как и раньше, ехала на тюке свернутых палаток и размышляла о словах Слепой Ведуньи.

«Что значит быть человеком? Суметь перебороть кошачью сущность? Так я ее переборола! — Глубоко в душе раздалось постороннее скептическое хмыканье, но Лара старательно его проигнорировала. В конце концов, умение договориться с соседом — тоже человеческое умение! И нечего там хмыкать — она не в трансе и общаться не намерена! — Я смогла вернуть себе человеческое сознание после долгих дней кошачьей жизни, и Ведунья признала, что я уже не кошка. Не кошка, но и не человек... Будем рассуждать логически: что еще, кроме способности к мышлению, отличает человека от животного? Хм... Какие там были первые люди — человек прямоходящий, человек работающий... Может, мне не только внутренне нужно быть человеком, но и внешне стараться ему соответствовать? А то образ жизни у меня совсем кошачий: ем из миски, бегаю на четырех лапах, умываюсь язычком, так скоро и мышей ловить начну. — При этой мысли Лара боязливо поежилась и брезгливо скривилась: — Нет, точно не начну».

Долгие рассуждения не дали явного результата: план действий по возвращению в человеческое тело продумать не удалось, но она решила попробовать более походить на человека в повседневной жизни. Правда, как это осуществить в кошачьем теле, оставалось пока для нее загадкой.

«Шарила — город большой», — сделала Лара вывод днем четвертых суток после отъезда из Буртана.

Столица Картума располагалась на широкой низменности, северо-восточная сторона которой окаймлялась берегом огромного голубого озера. Озеро называлось Шари, что в переводе с древнего наречия означало «гигант», как писалось в детской энциклопедии Огаста. Дальний его берег скрывался за горизонтом, а на поверхности озера тут и там виднелись заросшие кустарниками островки и лодки рыбаков. Центральная часть города располагалась на пологом холме и представляла собой хорошо укрепленную крепость с высокой каменной стеной, которая возвышалась над всей округой, как страж и властелин. За крепостной стеной поднимал в

небо острые шпили средневековый замок, который, судя по всему, являлся королевским дворцом Картума. У подножия Королевского холма раскинулся Нижний город, тоже опоясанный длинной крепостной стеной с пятнадцатью оборонительными башнями, именно столько успела насчитать Лара. Большим полукругом охватывая город, стена обоими концами упиралась в берег озера.

Отряд генерала Ардамаса под приветственные крики стражей и высыпающих навстречу жителей въехал в городские ворота. На Королевский холм вела вымощенная булыжниками широкая дорога, вдоль которой располагались самые большие и добротные каменные дома. Отряд проехал немного вперед по этой дороге, потом свернул в сторону широкой площади, которая при ближайшем рассмотрении была признана Ларой Ратушной площадью, так как главным зданием на ней была древняя готическая ратуша, очень похожая на подобные сооружения в Европе. По обеим сторонам от ратуши разместились многочисленные лавки, в том числе лавки лекарей, на вывесках которых Лара с изумлением прочитала, что здесь можно купить змеиное зелье, порошок из засушенных летучих мышей и прочие снадобья.

«Надеюсь, мои раны таким порошком не посыпали, — ошарашенно размышляла Лара. — В этом мире лучше быть вечно здоровым, а не то тебя такими снадобьями напичкают, что вся шерсть облезет и хвост отвалится».

Отряд прошел в очередные ворота с двумя башнями и остановился: на мощенной камнями площадке маршировали уже знакомые Ларе солдаты. При виде вновь прибывших они издали громкий воинственный клич, сотенный звена скомандовал «вольно!», и все кинулись приветствовать товарищей. Итак, отряд Леона прибыл к месту назначения: площадку ровными рядами опоясывали двухэтажные приземистые здания казарм.

Пока разгружался обоз, Лара крутилась у ног Леона, чтобы радостные солдаты, встающие на постой и предвкушающие полноценный отдых, не затоптали ее ненароком. На черный хвостик, сопровождающий генерала в его перемещениях по воинской части, встречные люди смотрели с любопытством, но без изумления — история появления Лары в жизни Ардамаса была всем уже известна. А Лара привычно держалась за спиной Леона, шагая за ним шаг в шаг, чтобы широкие плечи мужчины заслонили ее от множества людей, способных не заметить кошечку и споткнуться об нее, отдавив все четыре лапки и пушистый хвостик. Решив первоочередные вопросы, Леон отбыл в собственный дом, сопровождаемый неизменным Огастом и Ларой: Огаст ехал на собственном коне, а Лара — на генерале, всеми коготками вцепившись в его военную форму и со страхом

посматривая на круп коня, размеренно качающийся под всадником. На Земле в свою бытность девушкой Ларе доводилось ездить верхом, но кони не казались тогда такими огромными, а земля — такой далекой, как это виделось кошачьими глазами. Самого огромного конягу Лара уже давно не боялась: жеребец Леона по кличке Гром за прошедшие недели успел привыкнуть к большой черной кошке, которая постоянно крутилась у ног его хозяина. Теперь он довольно дружелюбно фыркал, если Лара вдруг оказывалась рядом с его мордой, и агрессии по отношению к ней не проявлял.

Дом Леона Ардамаса располагался на холме за вторым кольцом крепостной стены — в Верхнем городе, рядом с королевским дворцом. Дом был двухэтажный, сложенный из белых камней и накрытый крышей из темно-красной черепицы. На стук Леона двери открыл пожилой мужчина, прямая осанка которого и выправка сразу выдавали в нем бывшего военного.

— Добро пожаловать домой, ваше высокородие, — церемонно приветствовал он генерала.

— Здравствуй, Герен, — ответил Леон, передавая поводья коня выскочившему конюху, который увел гнедого куда-то за дом.

Огаст отправился со своим конем вслед за конюхом.

Навстречу вошедшему в родной дом генералу действительно никто не выскочил. Слуги спокойно продолжали заниматься своими делами, торопливо кланяясь при случайной встрече, дворецкий уточнил, когда подавать обед, и тоже оставил хозяина в покое, а Леон, сопровождаемый Ларой, отправился на второй этаж. Личными покоями генерала в доме были три помещения: гостиная, рабочий кабинет и спальня. Из гостиной шли двери не только в кабинет и спальню: была тут и третья дверь, запертая на массивную деревянную задвижку. В спальне тоже была еще одна дверь, которая вела в ванную комнату: там стояла в центре на постаменте огромная медная лохань для мытья, а вдоль стен располагались две лавочки, полочки с кувшинами, ковшиками, щетками, мочалками, моющими средствами и полотенцами, шкафчик, тумба с небольшим тазиком для умывания, небольшой «бритвенный» клинок, зеркало в полстены, вешалка с длинными мужскими халатами и камин, в котором уже развели огонь. В ванной комнате была дверь и с противоположной стороны, запиравшаяся изнутри на задвижку: через нее можно попасть на черную лестницу, ведущую вниз, в служебные помещения. Сейчас эта дверь была распахнута, и по лестнице сновали слуги, которые по приказу

Леона наполняли ванну горячей водой.

Осмотрев свое новое место жительства, Лара уселась в центре хозяйской кровати гигантских размеров и слушала Леона, который предусмотрительно закрыл вход в ванную из спальни, и топот слуг был еле слышен.

— Мне сейчас в штаб армии отлучиться надо, последние данные разведки узнать, о состоянии переговоров на высшем уровне с солликийцами провести, уточнить расположение наших войск и прочее. Ты останешься здесь, ясно? — Леон строго посмотрел на кошку и дождался подтверждающего кивка. — Слуг я уже предупредил: тебя никто не обидит и досыта накормят. Сейчас, как всегда, вместе пообедаем, а потом, если захочешь есть, — спустись на кухню. Кухню найдешь?

Лара кивнула и мысленно усмехнулась: «Чтоб кошка кухню в доме не нашла? Шутить изволишь, генерал!»

— Вот и хорошо. — Леон с сомнением осмотрел кошку и спросил: — А в ванне помыться не хочешь?

Лара задумалась. «Будь человеком», — мелькнуло в ее головке, и она согласно кивнула. Буду мыться, генерал, поступлю как человек!

Закрывшись в ванной комнате, Леон часть воды из своей огромной лохани перелил в тазик для умывания и посадил в него кошку.

«Бе-э, какая гадость эта вода, — скорбно думала Лара, подавляя в себе инстинктивное кошачье желание выпрыгнуть и отряхнуться. — Липкая, мокрая, всю шерсть и подшерсток промочила. Бе-э-э!!! Срочно занимаемся аутотренингом: вода — это хорошо, она теплая, приятная, успокаивающая, в ней так приятно полежать...» Тут Леон начал намыливать Лару какой-то шампунькой, и кошачья сущность без всякого транса истерично взвыла и попыталась взять тело под контроль. Но Лара была настороже и позиций не сдала.

«Угомонись! — прикрикнула она на кошку. — Вот стану человеком, покину тебя, и будешь до скончания дней своих вылизываться. А сейчас не мешай, самой несладко. Никакого удовольствия от купания в этом теле не ощущаю, противно только».

Хорошо, что Леон не стал растягивать гигиенические процедуры, быстро окатил недовольно фыркающую кошку чистой водой, обтер полотенцем и положил на лавку рядом с горящим в камине огнем.

— Совсем не понравилось? — понимающе спросил он. — Ничего, сейчас высохнешь.

«Угу, высохну. — От камина шел жар, наполняя Лару блаженным теплом, она разомлела и прикрыла глазки. Мысли текли вяло и

протяжно. — Сохнуть — приятно. Тепло... Хорошо!.. Но купаться трудно, слишком противно. А раньше я так любила воду! Как-никак на морском побережье всю жизнь прожила. Дамиан, сволочь, не только тела нормального меня лишил, но и все мелкие радости жизни недоступными сделал! Эх, даже водочки для успокоения нервов никто кошечке не плеснет! И чего это Леон так громко смеется, неужели мысли мои услышал?!»

Лара поспешно распахнула глазки и тут же зажмурилась: полностью обнаженный Леон, шикарное тело которого покрывали блестящие капельки воды, стоял, уперев руки в бока, и хохотал, смотря на Лару:

— Какая ты потешная стала! В зеркало глянь!

Глянула. Вот это да! Шерсть распушилась до невозможности, встав дыбом вокруг тела. Из зеркала на Лару смотрело нечто: огромный пушистый продолговатый черный мячик, из которого еле заметно торчали острые кончики ушек и сердито сверкали круглые зеленые глазки.

Тьфу на эту ванну и еще раз тьфу! Чтоб еще хоть раз... Да никогда!

Пообедав вместе с генералом, проводив его до самого порога и мурлыкнув на прощанье, Лара вернулась назад в спальню: попробовать стать прямоходящей. Припоминая свои первые неосознанные попытки оторвать передние лапки от горизонтальной поверхности, Лара была сосредоточена и предусмотрительна: скинула с постели подушку и встала перед ней. Итак, начнем.

Р-раз! Лара рывком оторвала лапки от пола, попыталась выпрямить длинное кошачье тело и... хорошо, что подушку подложить догадалась, а не то мордочка могла бы стать плоской, как у персидского кота!

Вторая попытка. Р-раз! Отрываем лапки, тянемся вверх, ловим вертикальное положение... ловим... ловим... Эх, хороша подушка пуховая! Это вам не синтепон какой!

Третья попытка. Р-раз! Выпрямиться удалось. Балансируя полусогнутыми передними лапками, она замерла в стоячем положении. Ой-ой! Делать шаг в сторону подушки? Места маловато. Рискнуть шагнуть вбок? Сделать выбор Лара не успела: с истошным воплем она повалилась спиной назад, но кошачья ловкость позволила ей молниеносно перевернуться в воздухе и упасть на все четыре лапы. Вот только мордочка все-таки ткнулась. И в этот раз — не в подушку.

— Мяу-у-у! — горько расплакалась Лара и горячо пожалела дрессированных кошек. Сколько же они мучаются, бедные, прежде чем на задних лапках ходить начинают!

Тренировка продолжилась, и все шло предсказуемо трудно и малоуспешно. Во время очередной попытки пройти, как человек, на двух конечностях Лара случайно увидела себя в зеркале и на этот раз рухнула на пол от смеха. Еще бы: толстая овальная пушистая подушечка на лапках, судорожно дергающаяся и плюхающаяся на другую подушку, смотрелась презабавно.

«Ерундой занимаюсь, — окончательно поняла Лара. — Слепая Ведунья явно имела в виду не это. Ладно, поживем — увидим. А пока поспим, отдохнем после физических упражнений».

Смертельно уставшая Лара легла на той же тренировочной подушке.

«Слава мирозданию, это глупое двуногое угомонилось! — услышала она в полусне. — Незачем врожденную убогость на такое идеальное создание, как кошка, переносить! Дал бог четыре лапы — пользуйся и радуйся! Не знаю, за что он вас, людей, так обделил. Видать, за глупость наказал!»

Разбудил Лару стук в дверь. Подскочив с подушки, она опрометью бросилась встречать Леона: очень захотелось с разумным человеком пообщаться, да и соскучиться по другу успела. Не успел дворецкий дверь за хозяином закрыть, как радостная кошка набросилась на генерала: мурчала, терлась о ноги и нетерпеливо подпрыгивала, просясь на ручки.

— Привет, Кошка! Ты все еще жутко пушистая. — Подхватив Лару, Леон прижал ее к груди. — Герен, распорядись, чтобы мне ужин в мою личную гостиную принесли.

Сидя на руках у Леона, Лара довольно потопталась передними лапками по его бицепсам (безусловный рефлекс, перенятый у кошачьей сущности) и бдительно повела носом: где-то он был? Леон заметил, как морщится кошачий носик, и ворчливо произнес:

— Не принюхивайся, нигде, кроме штаба, не был. Ревнивая кошка мне досталась, однако.

Лара фыркнула и уже хотела было гневно мяукнуть, что не в ревности здесь дело, просто кошачий нюх чересчур чувствителен к резким запахам, но запнулась на середине мысли. Она ревнует? В самом деле ревнует?! Да ну, просто боится, что он болезнь какую-нибудь подхватит нехорошую и не будет у нее друга в этом мире! Вот женится Леон на хорошей девушке, и Лара успокоится! Да-да, совершенно успокоится. Ей лично никакие мужчины даром не нужны, с лихвой хватило романтических отношений! Даже такие замечательные, невероятные и неповторимые мужчины, как Леон, не нужны! И Лара постаралась задвинуть в самый дальний уголок

сознания мысль о том, что женское тело может ей и в этом мире достаться, Ведунья же не упоминала про перенос в другой мир. Эх, генерал, вы и кошку собьете с пути истинного! Нет, ей нужно собственное тело и собственный мир, где горюют о дочери родители, ждут друзья и подруги. Разойдутся наши жизненные пути, Леон.

За ужином Леон делился с кошкой новостями, выжидательно поглядывая на нее временами и получая в ответ кивок или утвердительное короткое мяуканье.

— Все остатки армии солликийцев отброшены за границу Картумского королевства, прорыв под Буртаном был последним. Если Бортейн немедленно не капитулирует и не выплатит контрибуцию, то придется снова мобилизовывать распущенные звенья и переходить в наступление, захватывая земли Солликии. Не понимаю, чего ждет Эрдан Бортейп: его войска разбиты и деморализованы, дать отпор нашей армии он не сможет, и в итоге Картум захватит больше, чем Варт Зоилар требует сейчас по мирному договору. У меня есть только одно предположение, оправдывающее такую медлительность солликийского короля: он ожидает громкого государственного переворота в нашей стране, когда к власти либо придут его сторонники, либо трон займет семилетний мальчик, что, по сути, будет означать безвластие и анархию в стране и внутреннюю борьбу за престол, которая позволит Бортейпу отхватить себе лакомый кусочек от Картума. Варту не следовало позволять арестовывать Гильдара и выказывать таким образом сомнения в своем кронпринце и наследнике! Милор слишком мал, чтобы сейчас, в такое напряженное время, объявлять его первым в очереди на корону Картума. Завтра иду на аудиенцию в королевский дворец: Варт прислал приглашение, да я и сам собирался с ним встретиться и поговорить. Гильдара же в покушении на меня обвиняют. Бред!

Лара громко мявкнула и выразительно посмотрела на Леона.

— Что? — не понял посылы мужчина.

Лара раздраженно хлестнула хвостом по бокам, подпрыгнула и повисла на его штанине, обхватив ногу лапками и уцелившись для верности зубами. Леон сообразил довольно быстро:

— Со мной во дворец хочешь?

Лара кивнула: не просто хочу, а определенно пойду с тобой, генерал. Вздумаешь вредничать — на голове твоей поеду, но поеду!

— Хорошо, король нормально к животным относится, у него во дворце и своих котов много. Только от меня — ни на шаг, договорились?

Лара неохотно кивнула, безуспешно пытаясь по старой детской

привычке скрестить пальчики: кто знает, как обстоятельства в королевском замке сложатся, может, и отойти на шагок придется. Проблема была сейчас в другом — Лара не могла придумать способ задать очень важный вопрос, на который, видимо, все знали ответ, но никто не озвучил его для бедной кошки: почему сорокасемилетнему королю Варту Зоилару так срочно нужно назвать своего наследника? Он же еще минимум лет десять сам править будет, так в чем дело? Или у них законы есть, которые срок правления короля ограничивают? Ну, как в России: шесть лет президентом побыл, потом повторно переизбран — и на покой?

Лара пыхтела, пристально смотрела в глаза Леона и пыталась телепатически передать свой вопрос, но то ли не было у них с генералом телепатических способностей и трансцендентальной связи, то ли мужчина попался крайне несмышленный — Леон ничего не понял.

— Извини, — развел он руками, — понимаю, что ты что-то узнать хочешь, но сообразить, что именно, не могу. Я до сих пор в тихом шоке, что с кошкой такие серьезные беседы веду и она меня понимает. Ты действительно меня понимаешь?

Лара раздосадованно кивнула и осмотрелась. Ей в голову пришла одна мысль. Вскочив на прикроватную тумбочку, где лежало несколько книг, она разворошила стопку лапкой и прочитала названия. Сзади подошел и наклонился Леон. Лара отодвинула в сторону книгу с названием: «Королевские династии Картума. История и генеалогия». Попробовала подцепить когтями обложку, но толстый тисненый кожаный переплет поддаваться кошачьим усилиям не желал. К счастью, к услугам Лары был собственный, домашний, вышколенный уже, понятливый генерал, который поспешил сделать то, что требовалось.

Обложка открылась, и кошка сразу ткнула лапкой в слово «король».

— Король, — прочитал Леон, и Лара кивнула.

Затем нашлось слово «зачем», потом — «наследник» и «сейчас». Леон нахмурился, подумал и наконец-то его осенило:

— Хочешь узнать, почему король так озабочен сейчас проблемой назначения преемника?

Лара часто закивала и возбужденно замаякала: ура, ее поняли! Леон улыбнулся лучисто и почесал ее за ушком. Прия-а-тно! Удивительно приятно, елки-палки. Кто бы мог подумать!

— Род Зоиларов уже несколько веков преследует наследственная болезнь, которая сводит всех мужчин семьи в могилу до достижения ими пятидесяти лет. Женщины могут прожить дольше, но их тоже мало, так как, кроме укороченного срока жизни, эта болезнь дает еще один негативный

эффект: малую рождаемость, а порой и бесплодие. В дальних родственниках эта наследственность уже не проявляется, но по прямой линии только прогрессирует. Отец Варта женился рано и прожил со своей женой в браке двадцать лет, и родился у него только один сын — Варт. Через несколько лет после преждевременной смерти супруги, которая скончалась от горячки, прежний король в возрасте сорока лет решил жениться еще раз и взял в жены совсем молоденькую девушку пятнадцати лет. Спустя восемь лет, когда король уже чувствовал приближение скорой смерти и передал управление страной тридцатилетнему Варту, его вторая жена все-таки забеременела и родила девочку — Солару Зоилар, сестру Варта. Роды были очень долгими и трудными, королева умерла, а девочку еле-еле удалось спасти, но она так и осталась очень болезненным ребенком, который большую часть своей жизни проводит в постели и ни разу за семнадцать лет не покидал пределов королевского дворца. Сам Варт тоже в первый раз женился рано, но этот брак в течение шести лет так и остался бесплодным. Более того, ни одна из многочисленных любовниц Варта тоже не понесла от него. После гибели жены он специально решил взять в жены женщину с ребенком, чтобы самому воспитать и усыновить ее сына, сделать из него достойного наследника престола, не надеясь уже, что у него появится родной сын. Но спустя восемь лет брака Лартипе Зоилар удалось родить здорового мальчика — Милора. Теперь Варту хочется, чтобы родной сын правил его королевством, но времени у него осталось очень мало — болезнь уже проявляет себя.

Леон умывался и готовился ко сну, а Лара обдумывала все факты. Вот оно как, значит. Интересное вырисовывается дельце. Если Варт и правда сейчас отдаст богу душу, то стране не позавидуешь: кровный наследник — еще дите малое, кронпринц — не королевской крови, зато злейший враг Картума — Эрдан Бортейп — вполне может претендовать на престол. А еще кузен Варта с доченькой Диалой имеются и сестра Солара, на которую тоже взглянуть надобно: в судебной и криминальной практике Лары встречались случаи, когда инвалиды оказывались далеко не так беспомощны и безобидны, как можно было бы предположить.

Лара в задумчивости юркнула под одеяло, прижалась к горячему боку Леона и продолжила думать. Днем она выспаться-то успела.

Глава 21

ЗНАКОМСТВО С МОНАРХОМ

Утром дворецкий Герен удивленно смотрел, как генерал Ардамас, сев на коня, протягивает руки к своей кошке, которая шустро вспрыгивает на них и удобно устраивается на широком изгибе седла перед мужчиной. Герен был вымуштрованным военным и не привык задавать лишних вопросов начальству. Раз генерал решил взять на аудиенцию к королю свою кошку, значит, на то есть веская причина.

По широкой дороге, которая проходила и через Нижний и через Верхний город, Леон быстро доскакал до королевского дворца, который вернее было бы назвать замком. Спешившись и опустив на землю Лару, он кивнул поклонившейся страже и прошел в холл первого этажа. Подскочивший слуга принял у него плащ и меч (во дворец, видимо, принято входить без оружия, и Лара как запуганный растущей преступностью житель Земли положительно оценила этот момент), а дворецкий проводил до королевского кабинета и «передал» генерала секретарю короля, который объявил о его приходе. Лара скромненько шла след в след за Леоном, попутно запоминая расположение комнат и коридоров замка. Внутреннее убранство не очень впечатлило: русские царские дворцы были куда помпезнее и богаче отделаны. Здесь же все строго и без излишеств: ни тебе позолоты, ни инкрустации стен и колонн полудрагоценными камнями, ни паркета из сотни разных пород дерева. Только отполированный камень, местами мрамор, отделка простым деревом, из богатого убранства — парчовые занавеси на окнах и огромные гобелены ручной работы на стенах. Видимо, во всех дворцах страны, как и в доме градоначальника, где побывала Лара, принято богато отделывать только парадные залы.

— Доброго утра, ваше величество. — Леон вошел в кабинет, и секретарь закрыл за ним двери.

— Доброе оно благодаря тебе, Леон. — Навстречу генералу поднялся пожилой на вид и дородный мужчина. — Спасибо за спасение Буртана. Я и предположить не мог, что солликийцы попробуют предпринять такой демарш, хоть ты меня и предупреждал. Присаживайся, чувствуй себя как дома.

Мужчины обменялись дружеским рукопожатием, а Лара пристально

рассматривала короля Варта Зоилара, имевшего весьма отдаленное сходство с портретом молодого человека в энциклопедии: черные с заметной проседью волосы, темно-карие усталые глаза, лицо в мелких морщинках, дыхание затрудненное, и время от времени король потирал грудь, будто от боли. Кошачий нюх подтвердил, что человек действительно болен: запах здорового тела был совсем другим. Лицо короля сейчас выражало искреннее радушие, и Лара, как ни приглядывалась, не могла заметить на нем признаков притворства.

Тем временем на саму Лару тоже обратили внимание:

— Это та самая героическая кошка? — Король наклонился и протянул к Ларе руку. — Кис-кис, иди ко мне, кошечка.

Лара фыркнула и не пошла. Мало ли, вдруг этот король еще и потискать ее вздумает — Леон ведь говорил, что он любитель кошек. А Лара — не плюшевая игрушка, и вообще, она только с Леоном дружит и только к нему подходит. Леон сел в кресло и приглашающе хлопнул по коленке. Лара на этой коленке и устроилась, подальше от подозрительных пока королей. Неизвестно, что на уме у этого Варта и почему он приказал держать под стражей пасынка.

— Разборчивая она у тебя. Слышал, что только тебя слушает и только от тебя ласку принять готова. И откуда взялась она у тебя — тоже слышал. — Король опустил в кресло и опять потер грудь.

— Что ты решил с наследником, Варт? — в лоб спросил Леон.

— Как всегда — с места в карьер, узнаю своего друга, — усмехнулся король. — Приятно вести прямой разговор, а не бродить часами вокруг да около, как принято среди придворных. Все не так просто, Леон. Ты не представляешь, как хочется передать трон родному сыну. Я много лет и не надеялся, что он у меня будет, был уже уверен, что бесплоден. Помнишь, сколько фавориток пытались своих сыновей за моих выдать? Специально романы на стороне заводили, чтобы мне «наследника» подарить. Будто в этих светлых и рыжих детках хоть капля сходства со мной имелась!

Король пригладил волосы, которые в молодости явно были смоляными, а Лара припомнила, что в этом мире черные волосы и глаза в самом деле встречаются крайне редко, и в основном у аристократов. Каштановая шевелюра Леона тоже считалась признаком аристократизма — все виденные Ларой крестьяне были светловолосы и светлоглазы. Доминантным геном здесь, видимо, являлся ген светлой окраски, а не темной.

— Ну, цвет волос — не главный показатель родства, но во всех тех случаях тайная сыскная служба смогла установить истинное отцовство для

детей, и они в самом деле были не твоими, — согласился Леон. — А Милор — явный Зоилар. Но, Варт, мальчику семь лет. Семь! Если ты так уж хочешь сделать его кронпринцем, то назначь Гильдара регентом — он не будет отбирать престол у брата.

— Ты уверен? — Лицо короля посуровело, он многозначительно посмотрел на Леона. — Даже не сомневаешься, что моего пасынка оболгали и это не он заплатил за твое убийство?

— Уверен, — отрезал Леон. — Мне написали, что посредник убийцы назвал принца заказчиком, но этот самый посредник за пару золотых мать родную под топор палача подведет, а тут ему явно много заплатили!

— Вот именно — много! Пятьсот золотых! Такие наличные деньги мало кто может выделить на непредвиденные расходы. Я сам запросто не могу взять такую сумму из казны, не поставив в известность казначея и Рийхет, — так называлось в Хартуме собрание представителей сословий дворянства, купечества и священнослужителей, выполнявшее примерно те же функции, что Боярская дума на Руси, но с более широким спектром полномочий.

— А откуда они у Гильдара в таком случае? — задал резонный вопрос Леон, вторя мыслям Лары. Лара все чаще замечала, что они с генералом мыслят одинаково.

Король нахмурился, откинулся в кресле и пояснил:

— Во-первых, Гильдар последний месяц до нападения на Буртан провел в приграничных землях рядом с крепостью, а там, по сообщению разведки, видели шпионов Бортейпа — они вполне могли встречаться с кронпринцем для заключения частных соглашений и передачи денег. Причем видели их рядом с поместьем моего кузена, за дочкой которого ухаживает Гильдар. Во-вторых, Аскар по секрету поведал мне (я, между прочим, еще никому не пересказал эту новость и сыскарям даже намек не дал), что в учетных книгах поместья, которые ведет Диала, обнаружилась крупная недостача как раз в размере этой суммы.

Леон задумался и проговорил:

— Аскар сообщил тебе такие сведения, прекрасно понимая, что они еще больше скомпрометируют жениха его дочери, следовательно — он намерен отменить помолвку Диалы с кронпринцем?

Король согласно кивнул:

— Вот именно. Причем Аскар настойчиво советует мне назвать наследником Милора как последнего прямого потомка нашей династии. И у Аскара нет никакой личной выгоды в этом вопросе — ему, наоборот, следовало бы отстаивать интересы Гильдара, чтобы его дочь стала

королевой Картума.

— Интересно, что думает по этому поводу сама Диала, — протянул Леон, и по тому, каким тоном он произнес имя девушки, Лара сделала вывод, что ее генерал недолгобливает невесту друга.

— Это не важно, она еще несовершеннолетняя, — отмахнулся король, — и обязана выполнять решения главы семьи. Кстати, моя семья состоит не только из Гильдара и Милора — моя сестра Солара хотела тебя видеть и лично поблагодарить за защиту страны. После этой войны ты стал национальным героем, Леон, хочешь ты того или нет. — Король встал и дружески хлопнул Леона по плечу. — Давай сходим к Соларе, пока лекарь опять ее в постель не уложил, а потом продолжим разговор.

Леон неохотно поднялся, недоумевающе хмыкнув, и двинулся вслед за королем. Лара поскакала следом — она очень хотела присмотреться к юной сестре короля. Похоже, здесь принято недооценивать женщин, а это очень-очень неразумно со стороны мужчин. Ишь как король от желаний Диалы отмахнулся, а Лара чуйкой чуяла, что эта девушка ох как непроста!

В комнатах Солары Зоилар царила полумгла, окна были занавешены, пахло затхлостью и лекарствами. Кошачий нос сморщился: это помещение не проветривали минимум месяц! Обстановка в темно-коричневых тонах удручала, несмотря на богатство отделки. В глубоком мягком кресле рядом с большой высокой кроватью сидела тоненькая, прозрачно-бледная девушка с ввалившимися тусклыми карими глазами и блеклыми черными волосами, заплетенными в косу до пояса. Темные круги под глазами делали очи Солары неестественно огромными, отвлекая внимание от остальных черт: тонкого носа, правильной формы губ, четкого овала лица. Если бы девушка не выглядела такой откровенно больной и замученной, она была бы весьма хороша собой. Действительно ли эта хрупкая красотка больна или притворяется?

Лара подошла к девушке, приветливо мурлыкая и тщательно принюхиваясь. Увы, Солара Зоилар была не просто очень больна — она находилась при смерти, о чем уверенно сообщил чуткий кошачий нюх. Так что с этой девушки можно снять все подозрения. Вряд ли у нее достаточно сил, чтобы плести интриги или даже задумывать их.

Внимания на кошку Солара не обратила: она испуганно смотрела на генерала Ардамаса. Лара буквально чувствовала исходящие от нее волны животного ужаса.

«В чем дело? Какие у нее есть причины опасаться моего Леона?» — не поняла Лара.

Мужчины поздоровались с Соларой и получили в ответ еле заметный кивок. Король заметил:

— Твоя кошка готова подружиться с моей сестрой, Леон. Думаю, тебе стоит прислушаться к ее мнению.

Леон шагнул к принцессе и запечатлел на ее исхудавшем запястье осторожный поцелуй. Солара вздрогнула и чуть слышно пролепетала:

— Рада видеть вас, генерал Ардамас, вы — настоящий герой. Спасибо... за все.

На этом запас слов у принцессы закончился, и она глубже вжалась в кресло.

— Я выполнял свой долг, принцесса, не стоит благодарностей. Как вы себя чувствуете? — вежливо поинтересовался Леон, отпуская худую ручку.

При этом простом вопросе Солара побелела еще больше, хотя вернее будет сказать — посерела, и чуть не хлопнулась в обморок.

— Х-х-хор-р-рош-шо, — дрожащим голосом еле выговорила она.

«М-да, бедная девица. Она, наверное, и тени своей боится», — посочувствовала девушке Лара и вернулась к ногам Леона.

— Что ж, хорошо — это хорошо, — жизнерадостно заключил Варт Зоилар. — Мы тогда пойдем, не будем тебя утомлять. До завтра, сестра.

Солара кивнула, и мужчины покинули комнату. Лара тоже.

Вернувшись в прежний кабинет, Леон, скрестив руки на груди, смотрел, как король усаживается в свое кресло и снова потирает грудь. Смотрел Леон сурово и крайне неодобрительно:

— Варт, не вздумай вмешивать свою несчастную сестру в придворные интриги. Дай ей прожить спокойно то небольшое время, что ей отведено судьбой!

— А ты прям все уже понял! — проворчал король.

— Понял, что ты и умирающую Солару готов в своих интересах использовать! Никогда ранее ты меня к ней так настойчиво не водил, а она не смотрела на меня с таким откровенным ужасом. Что ты задумал?

Варт Зоилар вздохнул и признался:

— Я хочу назначить тебя регентом при Милоре. У тебя множество преимуществ перед другими кандидатами, а если ты еще и членом королевской семьи станешь, никто против тебя и слова вякнуть не посмеет, понимаешь? Сейчас ты всего лишь очень дальний родственник, седьмая вода на киселе, но в качестве мужа Солары станешь моим зятем и близкой родней.

Леон даже отшатнулся от короля:

— Ты с ума сошел?! Каким мужем, каким зятем?! Господь не сегодня

завтра заберет душу Солары, а ты замуж ее выдать хочешь? В своих интересах использовать напоследок? Окстись, Варт! Понятно, почему девушка с таким страхом на меня смотрит — ты уже посвятил ее в свои планы!

Король грозно нахмурился:

— Солара — принцесса Зоиларов, она с честью выполнит свой долг перед страной и не будет перечить главе семьи! Никто не заставляет тебя консумировать этот брак, достаточно и того, что вы произнесете клятвы перед алтарем и ты проведешь хоть одну ночь в ее покоях! Спать при этом можешь где угодно, хоть на полу! Дальше живи, как жил, и выполняй обязанности главы государства. Максимум через полгода ты станешь вдовцом и сможешь жениться на ком вздумается! Это мое королевское решение, Леон! Думай. Как следует думай! Даже если с Гильдара снимутся подозрения в покушении на твою жизнь, твоя кандидатура на пост регента мне предпочтительней, чем его!

— Я могу идти? — прорычал разъяренный Леон.

— Иди, Леон, — махнул рукой король, — и подумай.

Генерал Ардамас развернулся и ушел из кабинета короля, еле удержавшись от того, чтоб не хлопнуть со всей силы дверь.

«Вот и поговорили, — вздохнула Лара, — а бедной кошке теперь в одиночку взбешенного генерала успокаивать».

— Мяу-у! — позвала она.

Леон подхватил черную кошку и прижался лицом к ее шелковистой мягкой шерстке. Лара заурчала и успокаивающе лизнула его в щеку.

— Ненавижу дворец, Кошка, — прошептал Леон.

Лара заурчала громче и потерлась головой о его подбородок.

«Все будет хорошо, мой генерал. Ты не обязан жениться на этой бледной немочи. Вот оправдают Гильдара, и будет он регентом. Понятно, почему народ Картума считает, что ты в опале и от двора отлучен: ты сам изо всех сил сбежать из этого дворца стараешься».

Леон, держа кошку на руках, подошел к высокому узкому окну, посмотрел на смену караула у парадного входа во дворец, почесал за ушком млеющую от удовольствия Лару. Мимо сновали расфранченные придворные, напоминая Ларе павлинов своими пышными и пестрыми одеяниями, которые приторно любезно улыбались угрюмому генералу, с интересом смотрели на большую кошку в его руках и проходили мимо: лицо у Леона сейчас было такое, что впору не только детей, но и бравых солдат пугать, и к общению оно никак не располагало.

— Пойдем к Гильдару заглянем, — мрачно сказал Леон. — Если

пропустят к нему, конечно.

Покои кронпринца (пока еще кронпринца, судя по всему) находились этажом выше (всего в замке Лара насчитала четыре этажа, причем на первом были какие-то залы, которые она видела мельком, так как они сразу поднялись на второй этаж, где был рабочий кабинет короля и покои Солары (в противоположном крыле). Третий этаж был отделан не в пример роскошнее двух первых — очевидно, здесь размещались личные покои большинства членов королевской семьи (только больную сестру короля поселили подальше). Леон размашистым шагом прошел в правое крыло. После первого же поворота обнаружили широкие дубовые двери, перед которыми стояло двое вооруженных стражников. Воины при виде генерала вытянулись в струнку и гаркнули:

— Здравия желаем, ваше высокородие! — Их лица выражали крайнюю степень неподдельного благоговения перед знаменитым военачальником.

— И вам не хворать. Я могу пройти к кронпринцу?

Стражники неуверенно переглянулись: им явно запретили пускать всех подряд в покои опального принца, но генерал Ардамас — это далеко не все подряд. Похоже, им еще и обыскивать входящих велено, но предложить пройти досмотр самому генералу Ардамасу — это было за гранью их воображения. В итоге один из стражников, освобождая путь к дверям, все-таки рискнул уточнить:

— Оружие, снадобья, колюще-режущие предметы?

— Спасибо, но достаточно и чашки чая, — хмыкнул Леон, проходя в комнаты принца.

За его спиной загоготали стражники, оценившие нехитрый юмор своего кумира. Лара проскочила вперед и осмотрелась: ничего особенного, расположение комнат — как и у Леона в доме: гостиная, из нее выход в спальню. Рабочий кабинет, видимо, на втором этаже, так как здесь ничего подобного не наблюдается. Кошачий нюх доложил, что и вода где-то имеется, так что и личная ванная наверняка дальше есть. Гильдар сидел за книгой и встал при появлении гостей. Напряженно смотря на генерала, принц сказал:

— Здравствуй, Леон, если мне еще позволено называть тебя по имени.

Леон посмотрел на друга как на слабоумного и крепко обнял его:

— Ерунды не говори. Мне и в голову прийти не могло, что ты кому-то такую кучу денег за мою смерть отвалишь — всегда был жмотом, ящик коньяка проигранного до сих пор не отдал!

У Гильдара облегченно опустились расправленные плечи, и он тоже похлопал друга по спине:

— Я уж не знаю, что говорить и думать, Леон. Вернулся в родной дом, а будто в стан к врагам незнакомым. Даже матушка смотрит на меня странно и то и дело слезу утирает. Диала писать перестала, должна была приехать давно — не приехала. Боялся, что и ты на меня как на врага взирать станешь. А я тебе с пяти лет, как во дворце появился, больше, чем отцу приемному доверяю, тебе тогда четырнадцать стукнуло, и ты был мне как единственный старший брат.

«Четырнадцать? То есть сейчас Леону двадцать девять лет всего?! Выглядит он на пяток лет старше, — удивилась Лара. — Тяжеловесные черты лица и ответственная должность, похоже, так себя во внешности проявляют. А кронпринц всей мимикой и жестами демонстрирует растерянность и непонимание происходящего. Либо он гениальный актер (что вряд ли), либо в самом деле ни при чем. Мне много проходимцев, лгунов и интриганов встречать приходилось, даже демон полного доверия так и не вызвал (встретиться мне только, гад эдакий!), так что Гильдара временно освобождаю от своих подозрений».

Мужчины расположились в креслах у окна, Лара подумала чуток и прыгнула на колени к Гильдару: хоть и был у них конфликт раньше, но ему сейчас поддержка нужна. Принц отказываться от дружеского участия не стал, погладил кошку, шейку почесал. Леон улыбнулся:

— Видишь, не все о тебе плохо думают, Кошка тебя невиновным признала, а она животинка жутко умная. Ты показания того заказчика, что деньги стрелку передал, слышал? Кто вообще его допрашивал? Могли его во время допроса пытками заставить нужные кому-то лживые признания сделать?

— Этим делом с самого начала занималась королевская тайная сыскная служба, в ней все люди — проверенные верные сторонники Варта и подделывать показания не стали бы. На первом допросе посредника я сам присутствовал — хотел поучаствовать в поимке той сволочи, что за твою смерть заплатила. Так этот гад-посредник, смотря мне в глаза, и сказал: «Так и так, мол, вы лично, ваше высочество, деньги мне и передали». Дальнейший допрос ничего в его показаниях не изменил — он утверждает, что это был я! Более того, он в точности описал ту одежду, что была на мне в тот вечер, когда я якобы ему деньги передал: и плащ, и сапоги, и цвет перчаток, и тип шпор на сапогах! Главное — сапоги в тот день на мне новые были, их могли только придворные видеть, и то не все и мельком: ужинал я у матушки в покоях, у нее только я, отчим и Милор вечер коротали. А на другой день я с инспекцией в юго-западные земли уехал уже в другой, более простой, походной одежде, и рассмотреть прежний мой

наряд никто уже не мог — я все во дворце, в гардеробной оставил!

— То есть лица твоего он не видел, только одежду рассмотрел. И когда ты ему якобы деньги передал?

— Вечером перед отъездом, примерно за три недели до нападения на Буртан. Лица он не видел, оно было закрыто шарфом и шапкой, так что только глаза в сумраке мерцали. Потом он долго искал надежного исполнителя и заключил с ним сделку, когда узнал о твоём решении ехать на юг. У меня есть копии его допросов, я постоянно их перечитываю, нестыковки в показаниях ищу — и не нахожу! Я все, что он о заказчике рассказывал, из всех записей выбрал и на отдельный лист переписал — показать?

Леон кивнул и взял протянутые ему листки. Кинув взгляд на кошку, широко распахнувшую свои умные зеленые глазки, он начал читать вслух. Лара слушала и все больше поражалась этим подозрительно подробным показаниям.

«В кратком пересказе это звучит совсем нелепо: к этому посреднику прямо на аллее темного парка рядом с королевским дворцом (что там делал элемент уголовного мира?!) подошел мужчина в дорогой одежде. Даже не могу определиться, в чем заключается большая странность дальнейших описаний: то ли в личном вензеле кронпринца на плаще, который „отчетливо отливал золотом в полумраке“, то ли в монограмме Гильдара, вышитой на обшлагах рукавов этого мужчины, которую посредник заметил, когда он протянул мешочек с деньгами. Удивительно, что никто из кустов не кричал: „Гильдар, давай быстрее, а то на ужин к королевематушке опоздаешь!“ Видимо, эти показания будут позже! А про сапоги вообще молчу: складывается впечатление, что золотые из мешочка высыпались в момент передачи и допрашиваемый все пятьсот монеток с земли подбирал, а заказчик их сапогами поближе подкидывал, да еще и фонариком сапожки свои подсвечивал. Но тут явно нет фонариков, как же он в сумерках смог так подробно все рассмотреть?! Все показания похожи на зазубренный наизусть детский стишок».

Леон опять озвучил мысли кошки:

— С сапогами явный перебор. У меня самый наилучший шпион не смог бы после трехминутной встречи в темноте так подробно описать собеседника. Ему эти сапоги специально подробно описали, вопрос только — кто? Кто тебя в них видел, вспоминай.

— Не помню! Это полтора месяца назад было! Я оделся, пошел в крыло к матери, поужинал в кругу семьи, вернулся в спальню — все! На нашем этаже вечером редко придворные бывают, я не помню даже,

встречал ли вообще кого в тот вечер или нет. Стража тоже не помнит, выходил ли я из дворца, но я точно не выходил — я собирался в поездку и весь день после обеда провел в своих покоях, однако подтвердить это никто не может. Вот если б я на балу плясал — тогда были бы свидетели.

— А слуги? — спросил Леон.

— Личного слугу я еще утром отпустил, чтобы тот с семьей время перед долгой поездкой провел, а другие слуги своими делами занимаются, строгий учет времени приходов-уходов хозяев не ведут.

— Тебе известны подозрения Варта о происхождении этих пятисот золотых? — с сочувствием посмотрел Леон на друга.

Гильдар горько усмехнулся:

— Ты про то, что я эти деньги из сундука своей невесты любимой своровал? Или от врага принял? Неужели я когда-либо вел себя как последний вор или подлец? Мне противно оправдываться, Леон. Пусть отчим думает, что хочет.

Лара обратила внимание, что Гильдар, который раньше называл короля отцом, теперь стал именовать его отчимом. Зря Варт разуверился в этом юноше — Гильдар ни в чем не виноват и был бы прекрасным правителем для страны: порядочным и справедливым. Ну да теперь не о том речь: надо доказательства невиновности принца искать, а тут один вариант — найти виновного и заставить его во всем признаться. Все улики против принца косвенные, показания малоубедительны, в российском суде его бы живо оправдали, но тут — Средневековье, о презумпции невиновности слыхом не слыхивали, если даже Гильдара не обвинят открыто, то подозрений будет достаточно, чтоб жизнь парню сломать и от королевского двора навечно отлучить. А кому это выгодно с точки зрения борьбы за власть? Королю солликийцев? При генерале Ардамасе в роли регента ему все равно ничего не светит, тогда кому? Кронпринца подставляет кто-то из картумской знати, кто-то, кто хорошо знает Гильдара, даже одежду его разглядеть спокойно может. И это наводило на мысли о Диале — деньги пропали у нее, Гильдара она знает лучше многих, могла и с личным слугой принца деловые отношения иметь или припугнуть его чем-либо, чтобы тот нужную информацию ей поставлял. Будь она в своем мире, Лара быстро бы следственный комитет на уши поставила и Алексей Иванович с ребятами дело бы раскрутили, но тут, вооруженная лишь хвостом и четырьмя лапками и не имеющая возможности говорить языком человеческим... Эх!

Леон с Гильдаром проговорили еще час: о том, как принц довел военнопленных до столицы, о том, что их уже выкупили солликийцы, о предсказании Слепой Ведуньи, которое Леон не удосужился узнать (за что

был строго отчитан Гильдаром, который наказал ему обязательно съездить к предсказательнице и все выяснить), о предложении короля жениться на Соларе (кронпринц изумился и разъярился не меньше Леона).

— Как ты любишь иногда говорить: сейчас отчиму сильно корона на голову давит, — возмущенно заметил Гильдар. — Остается надеяться, что это ненадолго и он одумается до того, как произойдет что-нибудь непоправимое.

Обедать Леон тоже остался в покоях опального кронпринца, привычно разделив трапезу с Ларой, для которой попросил принести отдельную глубокую тарелку. Именно тарелку, а не миску, вызвав насмешливый хмык у Гильдара. Тем не менее в этот раз принц воздержался от советов по воспитанию кошек. Даже когда кошка стащила со стола на пол красивую большую шоколадку, от которой отказался Леон, и демонстративно накрыла ее лапкой, обозначая как свою собственность, Гильдар не возразил.

— Твоя кошка ест шоколад? — только спросил он.

— Нет, — усмехнулся Леон. — Полагаю, это очередная мзда моему оруженосцу. Она с ним периодически ссорится, а потом сладости во искупление таскает.

«Не во искупление, а в благодарность, что из ящика меня выпустил и дал возможность к Слепой Ведунье сбегать», — мысленно поправила Леона Лара.

— А как зовут твою кошку? — любопытствовал Гильдар. — А то я ни разу имени не слышал, только кошка и кошка.

Леон пожал могучими плечами:

— А какое ей еще имя нужно? Так и зову — Кошкой. Других кошек у меня нет, так что перепутать не с кем.

Только ближе к вечеру Леон распрощался с другом и отправился домой. С Вартом Зоиларом в этот день он больше не встречался и на его предосудительное предложение о браке с умирающей девушкой ответа не дал.

Глава 22

РАССУЖДЕНИЕ О СЧАСТЬЕ И ВИЗИТ НА КУХНЮ

Дома в гостиной на нижнем этаже Лара встретила Огаста и самолично презентовала ему прихваченную из дворца шоколадку, которую вез, конечно, Леон, но на пороге дома честно отдал Ларе.

— За какие такие заслуги тебе подарок, а, Огаст? — полюбопытствовал Леон.

Оруженосец, покраснев и спрятав за спину руку с шоколадкой, пояснил:

— Вероятно, за то, что из ящика выпустил, когда мы из города Лискора ехали.

Леон вздернул широкую бровь:

— Так это ты ее выпустил? А я думал, она сама ящик перевернула и сбежала.

— Нет, это я нарочно ящик на бок положил, чтобы вы так подумали, — смущенно ответил Огаст. — А кошку выпустил, чтобы хоть она к Ведунье сбегала — умная ведь животное, мало ли чего поймет и вам подскажет. И ведь наверняка она к ней бегала! И вернулась потом сама. Странная эта кошка, ваше высокородие, очень странная. Но хорошая. — И Огаст робко погладил Лару по шерстке.

Генерал только головой покачал. Тут к нему обратился дворецкий:

— Ваше высокородие, брат Тельд к вам сегодня заходил, но не дождался. Просил передать, что завтра он весь день у себя в храме будет и очень просит вас к нему заглянуть.

Леон согласно кивнул и пошел в свои комнаты. Лара побежала следом. Закрыв дверь и переодеваясь, Леон без лишних настоятельных кошачьих мяуканий рассказал, что брат Тельд — его друг детства, которого до принятия им монашества звали в миру лорд Тельд Килос. Родовое поместье Килосов располагается по соседству с землями Ардамасов, и молодые наследники обеих фамилий дружили с рождения. Тельд в одно время с Леоном учился, вместе с ним ловил раков и собирал грибы в лесу, а потом в одно время с ним влюбился, но если помолвка Леона закончилась изменой и разрывом отношений, то помолвка Тельда закончилась венчанием и счастливым браком, а спустя два года — великим горем, поскольку

любимая жена, которая умерла при родах (частый случай при таком плачевном состоянии медицины, когда в аптечных лавках продают змеиное зелье и порошок из засушенных летучих мышей). Похоронив супругу и мертворожденного сына, лорд Тельд передал управление помещьем младшему брату и ушел в монастырь, а спустя пару лет стал служить в одном из небольших храмов столицы.

Закончив длинное повествование о судьбе своего друга и их славном далеком детстве, Леон спросил:

— Ведунья ничего тебе о моем пророчестве не намекала?

И Лара поняла, что не так уж скептически Леон относится к предсказаниям, как хочет показать.

Но как выразить то небольшое, что ей известно? Что он счастье свое может упустить? Лара прыгнула на тот же прикроватный столик с книгами, просмотрела еще раз названия и сильно усомнилась в том, что в описании королевской генеалогии или в книге с названием «Исторические битвы» она отыщет слово «счастье». Не о том читает книги генерал, не о том!

Леон посмотрел на скорбную кошачью мордочку, попросил подождать и удалился. Потом вернулся со словарем и открыл его на первой странице, где крупными буквами был написан местный алфавит.

— Ну, проверим еще раз твою исключительную разумность, Кошка. Попробуем угадать главное слово. На какую букву оно начинается, показать сможешь?

Лара задумалась, вспоминая и прикидывая. Читать проще, чем написать слово или вспомнить его написание. В картумской письменности правил и исключений больше, чем в земном английском языке, и написать слово или составить его по буквам она еще не могла. Но в итоге Лара определилась с начальной буквой и ткнула лапкой в один символ. Леон раскрыл страницу на выбранной букве. Лара внимательно просмотрела страницы и отрицательно качнула головой. Спустя десять минут качаний Лара радостно встрепенулась и ткнула лапкой в нужное слово.

— «Счастье», — прочитал Леон. — Предсказание касается моего счастья?!

Лара кивнула, а Леон расхохотался до слез. Он смеялся и смеялся, пока Лара не начала обиженно мяукать. Тогда он подхватил ее на руки, взъерошил шерсть на загривке и пояснил:

— Мое счастье — это тихая мирная жизнь у себя в поместье, подальше от Шарила и королевского двора. И предсказывать тут совершенно нечего, я давно решил, что мне нужно сделать для этого счастья: выиграть войну, вернуться домой, жениться на самой тихой и некрасивой девушке в округе,

желательно постарше, лет двадцати трех — двадцати пяти, чтобы не страдала уже ни романтическими бреднями, ни желанием пофлиртовать с другими мужчинами, ни повышенными запросами о привлекательной внешности и галантном поведении мужа. И жить в покое и согласии, воспитывая детей и следя за благополучием своих людей, проживающих на моих землях. Вот и все, тут и говорить не о чем, и к Ведунье ехать не надо.

Лара насупилась и неодобрительно зафыркала: что за глупости, какая еще некрасивая и тихая женка в его планы на будущее затесалась?! Нужна любимая и самая лучшая, а внешность тут и ни при чем вовсе. Пусть некрасивая, но чтоб любила и ты чтоб ее любил — вот это будет счастье! А то, что ты сейчас бормочешь, — это последствия низкой самооценки, которую тебе создали твоя прежняя невеста и все эти недалекие девочки на выданье.

Так и легли они сегодня в постель: недовольная кошка и посмеивающийся генерал.

Утром, поморщившись в ответ на предложение Леона искупаться в ванне и решительно отказавшись от такого «удовольствия», Лара умылась по-кошачьи, посмотрела на закрытую дверь в ванную, где плескался генерал, и прикинула, что завтрак ей ждать в этой спальне еще минимум час, а кушать хочется сильно и сразу. Но Леон же предлагал ей заходить на кухню? Предлагал. Вот и проинспектируем, что там варится и готовы ли слуги накормить кошку хозяина, пока тот гигиеническими процедурами занимается.

Лара протиснулась в приоткрытую дверь, прошла короткий коридор и спустилась по лестнице: кошачий нюх уверенно вел ее сторону аппетитных ароматов жарящейся, парящейся и запекающейся еды. Слуги, встречавшиеся ей по пути, с любопытством смотрели на черную кошку, но признаков агрессии не проявляли: то ли суеверных людей в столице было меньше, чем в провинциях, то ли Леон отбирал в штат самых непугливых. Дверь на кухню оказалась закрыта. Закон подлости! Лара раздраженно замяукала, и — о чудо! — дверь открылась: перед Ларой стоял мальчишка-поваренок в белом колпаке и фартуке и таращился на нее круглыми голубыми глазенками.

— Тёть Таника, я верно услышал, что мяучет кто-то: кошка генеральская пришла. Пускать?

«Что за вопрос?! — возмутилась Лара и гордо прошествовала мимо мальчишки в центр просторного помещения. — Чистенько тут, опрятненько, вся утварь начищена до блеска, нигде ни пылинки —

„Ревизорро“ в моем лице придраться не к чему. Сколько здесь варочных поверхностей, мама моя! В печи явно пироги стоят, на отдельной дровяной плите котлеты жарятся и котелок с мясным содержимым пробулькивает. Еще и очаг широкий в углу имеется — в нем сейчас огонь не горит, но куча вертелов у стены подсказывает, что это местный мангал гигантского размера. Это тут, что ли, туши баранов целиком жарить полагается? В книгах про Средневековье всегда пишут про зажаренных целиком оленей, свиней и баранов. Ну и что тут у нас на завтрак?»

На Лару смотрели: необъятных размеров повариха, две служанки в фартуках и с ножами в руках, мальчишка, открывший дверь. Лара чинно уселась напротив поварихи и демонстративно-показательно облизнулась: кормите меня все, я поесть пришла. Тетка Таника оглядела ее с головы до хвоста:

— Какая большая кошечка. Наверное, не только мышей, но и крыс ловить может — кошки-крысоловы всегда самые крупные. Асиня, где ты крысу видела: в подвале?

— В чулане, — поправила одна из служанок. — Кошку туда запустим? Хорошо будет, если она ту тварь противную поймает, — не люблю я крыс, у меня мурашки по всему телу бегут, когда я их вижу.

— Киску покормить перед охотой надо? — деловито осведомилась вторая служаночка. — Или она крысу съест?

Лара просто онемела от возмущения, ошарашенно выслушивая эти возмутительные речи. Крысу?! Это она-то съест крысу?! Это ты, голубушка, крысу жевать будешь, а она поест котлеток и рагу из того, что в котелке булькает! Ишь, придумали: из воспитанной домашней кошечки охотника-крысолова делать! У Лары и так дел неспорно: покушение расследовать, интриги дворцовые разгадывать, счастье генеральское искать, тело свое возвращать, способы возвращения в родной мир изыскивать, а они — крысу в чулане лови! Сами ловите или крысоловку ставьте! Хамки и невежи! Дипломированного юриста на крысиную охоту отправлять?! Обнаглели тут за время долгого отсутствия хозяина!

Лара возмущенно замяукала, шерсть ее вздыбилась, а хвост раздраженно заметался из стороны в сторону. Повариха одобрительно присвистнула:

— Глянь, какая кошка боевая: распушилась вся, порывается. Хватай ее и в чулан бросай, Костлей, пусть очистит помещение от грызунов.

— Мяу-а-у-у!!! — взвыла Лара и метнулась прочь от мальчишки, который бросился ее ловить.

Начался кросс по пересеченной местности: стулья, бочки, котлы,

столы и столики, мешки у стен, печь, кочерги, ухваты, горшки, снова стулья... Лара носилась по помещению, проклиная мальчишку, закрывшего дверь, и кухарку, решившую поиздеваться над беззащитной голодной кошечкой, которая всю жизнь панически боялась мышей, а крыс только по телевизору и видела!

Посуда падала на пол, служанки верещали, повариха ругалась словами нехорошими, а мальчишка вошел в раж и с маниакальным энтузиазмом ловил черную кошку. Тут на пути бегства Лары попался развязанный мешок с мукой. Бух! Мяу!!! И мальчишка ловит уже белую кошку. Попытка схорониться в трубе остывшего камина не удалась — когти бессильно проскользили по саже, Лара бултыхнулась в остывшую золу, и теперь мальчишка ловил серую кошку. На шум погрома прибежали слуги-мужчины, и Ларе удалось выскочить в открытую ими дверь.

В истощенном мямом Лара взлетела по лестнице и привычно бросилась к Леону: единственному ее товарищу в этом дремучем Средневековье, где кошкам положено ловить грызунов. Кошкам положено на диванах спать и хозяевам стресс после рабочих будней снимать лаской и мурчанием, а не охотиться на мерзких противных тварюшек!

Леон услышал кошачьи вопли и распахнул дверь к себе в ванную. Белая кошка в серых пятнах, оставляя серо-белый след на коврах, проскочила меж его ног в помывочную комнату.

— Мяу! — пожаловалась Лара и печально осмотрела в зеркале свой непрезентабельный вид. Вылизывать муку и золу ей совершенно не хотелось!

Леон ошарашенно осмотрел кошку и загоготал.

«Если смех и правда продлевает жизнь, то после знакомства со мной генерал приобрел десять дополнительных лет жизни», — философски порадовалась за друга Лара и мстительно потерлась о его голые ноги спинкой: пусть не только она в испачканном виде ходит.

— Ох, Кошка, теперь тебе придется мыться! — Лару посадили в таз с водой и намылили шампунькой.

Обсыхая у камина и опять превращаясь в черный пуховый мячик на ножках, Лара наблюдала, как Леон водит по горлу и щекам острым лезвием клинка, сбривая темную щетину, как играют литые мускулы на его руках и плечах, и прикидывала: упадет с бедер сползшее полотенчико или удержится? Хорош генерал, любому бодибилдеру фору даст! Обязательно перед возвращением в свой мир надо о его счастье позаботиться — заслужил мужик счастье, заслужил! Эх, Ларка, не след тебе на мужика этого заглядываться, не быть вам вместе при любом раскладе! И с чего

вдруг такие настроения в ней проснулись, что от полуголого генерала взгляд оторвать не может? До появления в ее жизни Дамиана особой страстности она за собой не замечала, и в кошачьем теле раньше так на Леона не облизывалась...

«Весна, однако», — мурлыкнул тихий голос внутри.

«Весна?! Я настолько срастаюсь с кошачьей сущностью, что месяц май теперь для меня опасен возможным сумасшествием на сексуальной почве?! Нет! Нет-нет!!! Кошка, даже не мечтай ни о чем подобном, никаких кошачьих тебе не будет, пока я тут вместе с тобой в твоём теле маюсь! И вообще, надо скорее становиться человеком, иначе кошачьи повадки останутся со мной навсегда!»

Лара поспешно отвернулась от Леона и уставилась на огонь, старательно изгоняя из мыслей образ совершенного генеральского тела и размышляя над более важным вопросом: почему замеченная ею еще в первые дни знакомства рваная рана на левом плече до сих пор имеет воспаленный незаживший вид. Куда лекарь Нарас смотрит?!

На завтрак Леон спустился в нижнюю столовую комнату в сопровождении отмытой и расчесанной (новой расчески для кошечки не пожалел и собственными ручками шерстку расчесал) кошки. Пока генерал завтракал, ему красочно расписали происшествие в кухне. Лара уминала свою пайку у стола и негодуяще пофыркивала на отдельные места рассказа: уж прям там все тарелки перебила! Не все — перед Леоном на столе пять тарелок стоит. Уж прям там мешок муки рассыпала! Она в него только чуток нырнула. И вообще — сами виноваты, нечего кошек с неблаговидной целью на кухне отлавливать! По окончании рассказа генерал Ардамас резким тоном повелел кошку не трогать, кормить при появлении той на кухне и к охотничьим делам не привлекать! Если только она сама поохотиться не захочет — тут Леон с сомнением глянул на Лару и еще раз подчеркнул, что насильно сажать его Кошку куда бы то ни было строжайше запрещено.

Лара с благодарностью воззрилась на Леона и вызвалась ехать с ним в храм к Тельду: проводила до крыльца и ухватилась за штаны, повиснув на них всем телом и стараясь вскарабкаться повыше.

— Понял, понял, — проворчал Леон, — вместе едем.

Гнедой конь Леона уже привык спокойно реагировать на сидящую на нем кошку хозяина, которая теперь частенько ездила верхом, и не протестовал против второго седока.

Глава 23

В ГОСТЯХ У БРАТА ТЕЛЬДА

Храм, где служил бывший лорд Тельд Килос, а теперь брат Тельд, находился в Нижнем городе, на одной из небольших площадей. Храм был старый, сложенный из огромных, потемневших от времени бревен. В этой части столицы многие дома были деревянными, и храм Братства очень органично вписывался в окружающие его строения, возвышаясь над ними, как могучий дуб над молодыми березками. Символика священного Братства этого мира мало отличалась от русской православной: те же кресты (только чуть иной формы), светлые нимбы над головами первых монахов — создателей и первосвященников этой веры, иконы, алтари. Отличий немного: осмотревшаяся Лара обратила внимание, что тут нет обычая зажигать в храме свечи и устанавливать их рядом с иконами, — свечей вообще не было, внутреннее помещение освещали факелы, закрепленные на стенах; скамеек для посетителей тоже не было, церковной лавки или ее подобия с выставленными на продажу крестиками, книгами, свечками, иконами и прочим не наблюдалось. Зато в дальнем правом углу отгорожено отдельное помещение, в которое вела резная дверца с надписью: «Исповедальня».

С интересом рассматривая иконы на стенах, Лара признала их шедеврами иконописного искусства: ей часто приходилось видеть собрания раритетных икон и в частных коллекциях, и в музеях, и в храмах, и сейчас ее восхищали столь тонко прописанные образы и воздушность исполнения, создающие иллюзию нерукотворности. Талантливых художников в этом мире было немало. Рассматривая замысловатые сюжеты некоторых икон (не все из них представляли собой просто лики), Лара вспоминала те сведения, что успела почерпнуть из энциклопедии, разговоров людей и собственных наблюдений. Некогда единое Братство, проповедовавшее миролюбие, смирение, любовь к ближнему своему и поклонение высшим силам добра и справедливости, с течением времени разбилось на два направления, которые все еще считались двумя сторонами единого Братства, но цели преследовали уже разные и задачи решали разные. Первым направлением стало монашество, придерживавшееся аскетического образа жизни, проповедовавшее непротивление злу насилием, возносящее молитвы высшим силам за здоровье и благополучие

всех людей в мире. Эти члены Братства служили при храмах и в монастырях, венчали, крестили и отпевали, вели с прихожанами душеспасительные беседы, выслушивали их исповеди и так далее. Вторым направлением стало Святое Воинство, члены которого возложили на себя обязанность освободить мир от нечистой силы и приспешников дьявола. Основоположником и идейным вдохновителем Святого Воинства был Морт Самхейн: это он много столетий назад потребовал прописать в уставе Братства особые полномочия для своих братьев по вере. Эти члены Братства выявляли и казнили колдунов, ведьм, одержимых бесами людей, то есть, по сути, были местной инквизицией, которая в давние времена и на Земле процветала. В этом мире людей сотнями на кострах уже лет двести не сжигали, но члены Святого Воинства еще часто напоминали о себе: с одной стороны, их боялись, с другой — люди не гнушались писать им доносы на странных или неугодных соседей. У Святого Воинства были свои собственные храмы, совмещенные с казематами для тех, кого подозревали в связях с нечистой силой, и легенды об этих казематах ходили не менее страшные, чем о застенках КГБ.

— Рад тебя видеть, Леон! — прозвучал под куполом храма звучный бас, и Лара обернулась, чтобы посмотреть на обнимающихся друзей.

Брат Тельд больше походил на воина, чем на монаха: высокий, широкоплечий, почти такой же богатырь, как генерал Ардамас, только лицо более мягкое, приветливое и с четкими красивыми чертами. Мужчины прошли вглубь храма, где обнаружили две небольшие комнатки, предназначенные для проживания монаха, состоящего при храме.

«Вот что значит „жить на работе“, — покачала головой Лара. — Теперь ясно, почему у них все храмы день и ночь открыты, в любой момент зайти можно, чтобы помолиться, исповедаться или просто по душам с хорошим человеком поговорить. Когда же он отдыхает? Временами вешает на дверь табличку „Не беспокоить“?»

Пока Леон рассказывал другу последние новости о войне, о грядущем перемирии и собственной жизни, Лара продолжала гулять по храму, радуясь, что брат Тельд не выставил ее вон с криками, что черным кошкам (или просто кошкам) в храме не место. Навострила ушки Лара, только когда речь зашла о... ее собственной персоне.

— Члены Святого Воинства столицы очень заинтересовались твоей кошечкой, Леон, будь осторожен. Сам брат Ормонд велел сведения о ней собрать, а сведения-то крайне любопытные собираются. Твои солдаты говорят о ней с восторгом, как о разумном и смелом существе, которое больше иного человека понимает. Солдаты-то болтают без задней мысли,

но Ормонд — человек темный, хоть и грех мне так говорить о собрате по вере. По всему Святому Воинству уже идет слухок, что животинка твоя — это демон в обличье кошки, которому ты душу либо уже продал, либо скоро отдать в награду за услуги собираешься, — предупредил Леона друг. — Военнопленные солликийцы тут сильно много страху своими байками напустили: мол, и солдат твоих пули на поле боя не брали, и кошка эта адским огнем в них плевала и в топи болотные их гнала... — Лара даже споткнулась при таком преувеличении ее заслуг. — А про то, что она тебя от стрелка-убийцы спасла, тоже врут?

— Нет, не врут, — признал Леон. — Она на него в лесочке напала и руку погрызла так, что та онемела и чувствительности лишилась. Кошка очень умная, но она — не демон, она добрая и сострадательная. Рассказать, как я с ней познакомился?

Леон стал рассказывать о событиях в отдаленном селе, где два первых месяца куковала Лара, а она меж тем задумалась.

«Надо осторожнее быть, а то сожгут меня на медленном огне как демона. Плохо, что и Леона своим поведением подставить могу: он же не скрывает хорошего отношения ко мне, везде с собой носит, в своих комнатах и в палатке со мной вместе живет. В случае проблем еще и заступаться за меня начнет, а это совсем плохо — могут и его как пособника демона в оборот взять. Так, сидим тихо и прикидываемся тупым животным. А кошачья сущность тоже сидит тихо и не мявкает, что это люди — тупые животные, а кошки — соль земли. Почему это я тебя и без транса теперь слышу, а?! Сгинь, нечистая сила!»

Приняв такое решение, Лара не подошла к брату Тельду, когда ее позвал Леон, — не понимаю, мол, речи человеческой, хожу гуляю. Леон хмыкнул, но настаивать не стал. Попрощавшись с другом, он отвез Лару домой, быстро пообедал и снова уехал, решительно отказавшись взять с собой Лару и даже не объяснив, куда едет.

«Снова придется кошачьей жизнью жить, никуда за порог комнаты не выходить, в дела человеческие не лезть, интеллект не демонстрировать, — проводила Лара ускользнувшего Леона тоскливым взглядом, сидя на подоконнике и глядя в окно спальни. — Так действительно безопаснее для всех. Святое Воинство тут обладает реальной силой, а люди настолько суеверны и запуганы рассказами о нечисти всякой, что будут косо и на генерала-победителя смотреть, коли его в связи с демонами обвинят. Солдаты его, конечно, безмерно уважают, но предсказать их реакцию на обвинения „святых отцов“ я не возьмусь: темнота и невежество — это отличная почва для развязывания мракобесия и джихада против неугодных

личностей. Если этот Ормонд объявит Леона приспешником дьявола, а Варт Зоилар за него заступится, то ни к чему хорошему это не приведет, тут и до гражданской войны недолго. Кому это выгодно? Опять-таки Бортейпу или самому Ормонду, если он хочет установить в стране теократию. Интересно, есть ли в книгах сведения об этом Ормонде? В той, что лежит у кровати Леона и называется „Королевские династии Картума. История и генеалогия“ было много про Братство написано, я это с первого взгляда заметила: здесь монаршая власть и церковь сильно взаимосвязаны. Попробуем почитать».

Лара прыгнула с подоконника на тумбочку, уперлась лбом в корешок тяжелой книги, дотолкала ее до края тумбочки уронила на пол. Осторожно зубами ухватила за обложку, попятилась — и книга открылась. Листы пришлось переворачивать таким оригинальным способом: прилеплять кончик листа на влажный кошачий язык, приподнимать его, прихватывать зубами и снова пятиться к краю книги. Лара действовала максимально аккуратно и не порвала ни одного листа. Книга оказалась на удивление интересной, написанной хорошим художественным языком, а не сухими канцеляризмами, и читалась как приключенческий роман. Только освоив первые пять страниц, медленно и с трудом разбирая слова, как ученик-первоклассник, Лара спохватилась, что изучение повествования следует начать с конца, где описана современность этого мира, а не дела давно минувших дней. Книгу пришлось закрыть и перевернуть (а именно — оттащить ее к стене, упереть торцом, с помощью лапок поставить вертикально, подтолкнуть, развернуть и уронить другой стороной вверх; Лара устала так, будто вскопала сотку земли под картошку). Передохнув, она открыла книгу и отлистала двадцать последних страниц все тем же «кошачьим» способом.

«Чтение — это великий труд, — перевела дух Лара, — требующий хорошей физической подготовки!»

Ей повезло: в книге действительно описывалось правление династии Зоиларов с первого ее представителя и до Варта Зоилара включительно, заканчивая церемонией его коронации. Но самое главное, в книге описывалась и династия Драгейдов (само собой), в том числе и ныне живущие ее представители, среди которых был лорд Ормонд Драгейд, возглавлявший сейчас Святое Воинство всего Картума! Лара поразились беспечности короля, который допустил, чтобы один из наследников прежней правящей династии занял такой важный пост во влиятельном Братстве. Видимо, дело было в законе, согласно которому все вступающие в Братство люди отрекались навсегда от своей мирской жизни и лишались

права на наследование богатств и имущества семьи, на наследование титулов, на ношение собственной фамилии.

«То есть юридически брат Ормонд уже не является членом семьи Драгейдов и не может претендовать на престол как наследник старой династии, — поняла Лара. — Но практически он может мечтать о возвращении своего рода на трон Картума. Кроме того, из Братства можно выйти по собственному желанию, и никаких штрафных санкций это за собой не повлечет. Только никто на подобное не решается, ведь ни деньги, ни поместья, ни титул к человеку уже не возвращаются, и в мирскую жизнь он выходит обычным нищим, который в вопросах пропитания и жизненного обустройства может рассчитывать лишь на помощь родственников и собственные умелые руки».

Тут дверь в спальню Леона открылась, и Лара, радуясь, что сидит с противоположной стороны кровати, поспешно легла на книгу, полностью закрыв ее своим пушистым телом. Вошедшая с чистым постельным бельем служанка попыталась отогнать хозяйскую кошку подальше от ложа, но Лара предупреждающе оскалила острые зубки, и девица решила, что легче киску обойти. Ворча себе под нос, что незачем в доме бесполезных животных держать, которые крыс-мышей не ловят и только ковры шерстью пачкают, она быстро перестелила постель и ушла, а Лара продолжила читать.

Леон вернулся в начале ночи, и от него снова пахло дешевыми духами. Лара начинала ненавидеть этот запах. Никакие разумные мысли о том, что с Леоном у них только временное взаимовыгодное сотрудничество, что спустя несколько месяцев они расстанутся навсегда, не помогали. Лару душила боль, просто боль, не ревность. И могла ли она ревновать в кошачьем теле? И к кому — к случайным «ночным бабочкам»? Но больно было так же, как после предательства Дамиана. В случае с демоном Лара испытывала боль от того, что чувствовала себя использованной и брошенной на произвол судьбы, а сейчас она ощущала себя ненужной, никчемной приживалкой, которую содержат из милости и к которой никто не испытывает ни искреннего интереса, ни симпатии.

Забравшись под подушку, Лара утонула в жалости к себе, в невозможности для себя нормального существования, в своем страхе, что она не сумеет вернуть человеческий облик самостоятельно, навсегда останется в этом теле и окончательно сольется сознанием с внутренней кошкой. Дамиан обещал объявиться, но что он потребует взамен на возвращение ее в собственное тело? Лара понимала, что условия демон выдвинет неприемлемые. И что тогда? Остаться навсегда кошкой? Как она

сможет жить внутри кошки? Опять заснуть, уйти от реальности? А потом неожиданно проснуться и увидеть вокруг пару драных кошаков и выводок котят...

А-а-а-а-а!!!

Невозможно совместить человеческие желания, устремления и чувства с кошачьей жизнью! Невозможно в принципе! Ей нужна любовь, семья, работа, круг друзей! Леон ей нужен, весь! Как только в душу проник, непонятно! Не ухаживал, слов красивых не говорил, вообще как на женщину не взглянул ни разу, а занозой в сердце застрял — не вытащишь! А он... А что он? Спит. И ей надо лежать тихо, чтобы не разбудить уставшего мужчину, — у него сейчас проблем хватает, пусть хоть ночью спокойно отдохнет. Как она будет жить, если застрянет в этом теле?! И Леон...

«Извини, что прерываю твои истерические душевные вопли, но с этим бесхвостым кошаком ты сейчас биологически несовместима, так что любви между вами быть не может, тут голосить нечего, люби себя и успокойся. Понятие семьи абсурдно, нет смысла всю жизнь держаться за хвост одного самца, это обедняет генофонд потомства. Работать нужно головой, а не лапами, ими пусть дураки работают, а среди кошек дураков нет, прошу запомнить. Круг друзей среди кошек у нас был в том селе (приятно вспомнить, что творили!), можем и здесь собрать. Кстати, зря отказалась крыс ловить — прикольное занятие, азарт, адреналин! Это все? Теперь можем спать спокойно?» — раздраженно зашипела вторая половина.

«Лучше помолчи, без тебя тошно, — вздохнула Лара. — Не знаю, что там имела в виду Слепая Ведунья, только зря к ней бегала. Если у нее пророчества такие же, как советы, то Леону к ней ехать нечего. „Будь человеком“! А вот буду, всем чертям и демонам назло буду! Себя уважать перестану, если не выживу, не создам себе человеческую жизнь пусть даже и в мохнатом теле! Кошка, ты со мной или против меня?!»

«Куда там против, ты ж, глупая, совсем без меня пропадешь», — вздохнула кошачья сущность.

Глава 24

НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

Проснувшись утром, Леон прислушался, спит ли кошка. Она спала, но сопела и ворочалась во сне, временами вздыхая совсем по-человечески. В этот раз она не сбежала спать в другой угол комнаты, но, встретив ночью на пороге, посмотрела на него так, что Леон почувствовал себя последним негодяем, который хамски наплевал в ее чистую и нежную кошачью душу. Вчера Леон так устал, что вырубился моментально, как только голова опустилась на подушку, но и во сне его преследовало чувство вины и ощущение, что кошка под боком не спит, а тихо горюет о чем-то своем.

«Почему я так странно к ней отношусь, будто это и не животное вовсе, а близкий, родной человек? — недоумевал Леон. — Потому, что она разумна и я воспринимаю ее как друга? Гильдар с Тельдом тоже разумны, они тоже мои друзья, но перед ними я не чувствую вины, когда посещаю дом доступных женщин. Если сегодня она попросится со мной, придется взять ее во дворец, а то она и вовсе со мной общаться перестанет, хотя куда правильнее запереть ее дома: воинствующие монахи из Братства в самом деле задумывают козни против меня с ее участием. Я-то им не по зубам, но представление с участием Кошки они устроить могут, недаром всё-всё о ней разузнали и теперь на всех углах шепчутся о ее дьявольской хитрости и демонской природе».

Леон встал осторожно, посмотрел, как кошка беспокойно крутнулась на месте и снова засопела, и начал собираться на встречу с королем. Им с Вартом было о чем поговорить. Но тихо уйти во дворец в одиночестве ему не удалось: к завтраку кошка спустилась с самым решительным видом и боевым настроением.

Сидя у ног Леона, расположившегося в кресле того же самого рабочего кабинета короля, что и в прошлый раз, Лара внимательно слушала его разговор с Вартом Зоиларом. Король выглядел еще хуже, чем раньше: сидел, ссутулив плечи и тяжело опираясь на подлокотники своего кресла.

— Думаешь, Ормонду Драгейду вздумалось в придворные интриги поиграть? Хочет прилюдно обвинить тебя в связи с демоном, который принял облик черной кошки? Брось, Леон, несуразица какая-то, доказательства он какие приведет? Лепет военнопленных солликийцев,

которые уже покинули Картум? Рассказни наших солдат, которые все воспринимают как очередную легенду об удачливом и непобедимом генерале Ардамасе? Всем ведь уже известно, каким образом ты провел Герстена и каких таких «солдат» не брали пули. При чем тут кошка? Ормонд будет выглядеть по-идиотски, решишь он выдвинуть такие обвинения. Нет, если твоя животинка действительно демон и начнет дымиться, когда он плеснет на нее святой водой, или если кошка обратится в столб адского пламени при всем честном народе, тогда Ормонду поверят. Но ты-то не настолько суеверен, чтобы серьезно относиться к таким возможностям? Ну-ка, киска, иди ко мне, кис-кис!

Король склонился и протянул к Ларе руку. Лара опасливо посмотрела на него, но пошла. Как только она приблизилась к креслу короля, на нее вылился поток воды из большой чаши, стоявшей перед Вартом.

— Мяу!!! — Лара отпрыгнула назад и начала отряхиваться. Брызги полетели во все стороны. Что за издевательство над животным?!

Король хрипло рассмеялся, держась за грудь:

— Такое представление не поможет Ормонду убедить народ в том, что твоя кошка — демон. Мои коты так же возмущаются и встряхиваются, когда на них вода попадает. А ведь это была святая вода — Лартипа сегодня из храма принесла, чтоб я пил и с божьей помощью поправлялся.

— Я не думаю, что Ормонд рассчитывает лишь на суеверие народа, у него наверняка запасные козыри в рукаве имеются. Знать бы еще какие, — недовольно заметил Леон. — Эрдан Бортейп послезавтра в Шарилу на подписание мирного договора прибудет?

— Да, он уже на подходе, явится послезавтра утром. Мы сразу всенародно объявим о капитуляции Солликии, примем денежную часть контрибуции на центральной площади, а вечером будет бал в честь окончания войны, на котором ты тоже обязан присутствовать: хочу вручить тебе медаль за защиту Буртана перед лицом солликийцев, они же рассчитывали на захват крепости как на последний шанс изменить расклад сил в свою пользу. Сам мирный договор подпишем на следующий день после бала — это дело важное, и помпезность с поспешностью тут не нужны. Предупреждаю: на подписании договора будет присутствовать весь Рийхет, и я сразу после подписания хочу объявить Милора наследником. Если у Бортейпа будут какие-то возражения по этому поводу, то пусть он сразу попробует их высказать!

— Ты полагаешь, что королю, который только что подписал капитуляцию и отдал часть земель Картуму, будет неудобно тут же заявить о своих претензиях на наш престол? Согласен, — кивнул Леон. — А еще

меня преследует подозрение, что возражения найдутся у кого-то другого.

— Гильдар — не кровный сын мне, и у него не может быть возражений. Он — не Зоилар, — сумрачно ответил король.

— А я говорю не о Гильдаре. — Леон поднялся и отвесил королю прощальный поклон. — Что бы ни случилось, Варт, ты можешь рассчитывать на мою верность. Кошка, пошли.

— В таком случае женись на Соларе, — проворчал ему в спину король, но Леон проигнорировал это пожелание. — Тебе выделили покои во дворце на время празднований в честь окончания войны, лакей тебя проводит.

Король позвонил в колокольчик, и в кабинет с поклоном вошел секретарь.

— Насчет Солары еще подумай, — напутствовал Варт Зоилар, а Леон молча вышел в коридор.

Осмотрев предоставленные ему комнаты на третьем этаже (в юго-восточном крыле которого находились личные покои членов королевской семьи, а в северо-западном — гостевые апартаменты, где и поселили Леона) и отправив королевского слугу в свой дом за Огастом и личными вещами, Леон решил провести друга. Направляясь по переходам замка в покои Гильдара, Леон бросил случайный взгляд в окно и встал на месте. Наблюдая за тем, как недовольно он хмурит брови, как нервно барабанит пальцами по оконной раме, Лара пожелала тоже взглянуть в окно, но оно было слишком высоко для кошки, а по отвесной стене взобраться вверх невозможно. Но стена — не единственный предмет, позволяющий добраться до окна, тут еще и генеральское атлетическое тело имеется. Лара решительно подпрыгнула и покарабкалась вверх, цепляясь когтями за мундир: не дерево, конечно, но тоже ничего.

— Ай! Чтоб тебя, Кошка, больно! — Разозленный Леон оторвал от себя кошку и весьма неласково скинул на подоконник: — Смотри, что хотела!

«Откуда я знаю, что я хотела? Я хотела рассмотреть, что вызвало твое недовольство, вот и расскажи, в чем проблема: вижу я только юную деву, которая в сопровождении черноволосого мужчины грациозно плывет невдалеке от главных ворот в сторону дворца, выйдя из дорогой кареты. Симпатичная девушка, лет пятнадцати, не больше, так что, надеюсь, это не твоя тайная страсть, Леон. Во-первых, она слишком молода для серьезных отношений, и это пахнет растлением несовершеннолетних (как адвокат тебя предупреждаю), во-вторых, мне не нравится капризное и самодовольное выражение ее лица — однозначно это мелкая избалованная

эгоистка, а тебя настоящее счастье где-то дожидается, и ты точно его упустишь, если с этой кралею свяжешься. И последнее: я хвостом чувствую, что ты МНЕ судьбой предназначен! Уж не знаю, как, но МНЕ!»

— Это Диала и Аскар Зоилары на праздники пожаловали, — пояснил Леон.

Вот эта тонюсенькая молоденькая девчонка с копной черных кос на голове — невеста Гильдара?! Та самая Диала?! Они тут с какого возраста в брак вступают, скажите на милость?! Теперь понятно, почему Леон себе жену двадцати трех — двадцати пяти лет хочет: в Картуме женщины такого возраста явно считаются никому не нужными старыми девами, на которых никто второй раз не глянет и о верности которых беспокоиться не надо. Интересные у них тут порядки: замуж с подросткового возраста отдают, а совершеннолетие, когда сам себе супруга выбрать можешь, только в двадцать лет наступает. Вот решит юная дева воспротивиться выбору своего отца — и останется старой девой. Но это все вторично, сейчас главное — запах этой девицы распознать и запомнить, давно мечтала проверить, не она ли в Лискоре яд лакею передала.

Лара не раздумывая шмякнулась на каменный пол с высоченного подоконника и понеслась вниз по центральной парадной лестнице. Криков Леона она уже не слышала, движимая лишь желанием срочно обнюхать Диалу, да и Аскара заодно. Несясь во весь опор, она огибала многочисленных лакеев и придворных, спеша выскочить на улицу через приоткрытую боковую дверь для слуг, ведущую в сад: двери парадного входа были закрыты, и Лара не собиралась дожидаться, когда кто-нибудь вздумает войти или выйти, и местные швейцары в королевских ливреях распахнут эти тяжеленные створки.

Лара черным метеором вылетела на аллею и понеслась вперед, спеша догнать идущую по центральной дорожке королевского парка парочку. Но догнать не удалось: на ее пути встретилась пара черных сапог с серебряными блестящими шпорами и украшенными серебряной же вышивкой отворотами, и чья-то рука ухватила Лару за шиворот и вздернула вверх.

— Вот мы и встретились, моя ласковая кошечка, — воркующе произнес до боли знакомый голос.

Лара неверяще вскинула глаза: на нее смотрели черные очи Дамиана Сантеро. Демон весело усмехнулся, смотря на растерянно зашипевшую кошку, и галантно представился:

— Герцог Дэмьен Раус, потомственный аристократ мира Сайр, к вашим услугам! Ничего, что я тебя на весу держу, дорогая? Не хочется

ловить тебя по всему саду, а нам столько нужно сказать друг другу! — Дамиан издевательски рассмеялся. — Ну, мне сказать, а тебе промяукать, но обещаю — я постараюсь понять каждое слово.

«Гад! Ненавижу! Пусти!» — Злобное мяуканье разнеслось по аллее, и возмущенные требования Лары поддержал мрачный голос Леона:

— Отпустите мою кошку, герцог.

Дамиан не спешил с выполнением этой просьбы:

— Видите ли, лорд Ардамас, эта кошечка скорее моя, чем ваша. И в отличие от вас, я не собираюсь отказываться от своей подруги лишь на том основании, что эта моя подруга полтора последних месяца спит в вашей постели.

Леон побледнел от негодования при этом чересчур прозрачном намеке на его бывшую невесту — намеке, граничащем с оскорблением, — и процедил сквозь зубы:

— Легко бросаться презрительными словами, вызывающими заслуженный гнев людей, если в итоге столь же легко отказываешься от поединка. Поостерегитесь, герцог Раус, а то как бы вас не ославили трусом на все королевство.

Дамиан сжал четко очерченные губы, гневно блеснул черными глазами и ответил:

— Это мисс Норлас не стоила того, чтобы рисковать из-за нее жизнью, а за кошечку я готов побороться. Впрочем, всегда предпочитал решать дело миром: продайте мне кошку, лорд Ардамас: триста золотых даю.

«У-у-у, вражина! — вознегодовала Лара. — Работотровец!»

— Я не продаю друзей, а эта кошка спасла мне жизнь, — отказался Леон.

— Готов дать за нее пятьсот золотых. Слышал, именно во столько другой ваш друг оценил вашу жизнь, лорд Ардамас, — добавил яда Дамиан. — Подумайте, ваше поместье тяжело пережило военные годы, такие деньги очень помогли бы вашим людям избежать дальнейших тягот, связанных с разрушенными домами и заброшенными полями.

— Отпустите мою кошку, герцог. — Леон положил руку на рукоять меча.

«Когда только забрать его у лакея успел, — мимолетно удивилась Лара. — Дамиан тоже второй рукой к оружию тянется? Это они тут реально побороться вздумали?!»

Лара с силой дернулась, вывернулась из захвата мужской руки и плюхнулась на землю.

«Побороться?! Никаких „побороться“! Я за Леона горло тебе

перегрызу, Дамиан, попробуй только оружие достать! — Лара встала перед Леоном, растопырив все четыре лапы и грозно рыча на Сантеро, который в этом мире звался герцогом Дэмьеном Раусом. — Вот сладострастный демонюга — по бабам нескольких миров пройтись успел: и в нашем мире девочек у него море было, и в этом мире с невестой Леона переспал, и наверняка не только с ней!»

Мужчины задумчиво рассматривали угрожающе рычащую кошку, защищавшую одного из них от другого. Клокочущий рык Лары то повышался до высоких визгливых ноток, то переходил в низкое басовитое ворчание, а хвост как бешеный бил ее по бокам.

— Ты и вправду привязалась к этому грубоватому вояке, Лара? — Неприятная усмешка скользнула по губам Дамиана. — Крайне неблагоразумный поступок в твоём положении. Или ты плохо представляешь себе свое положение? Я могу просветить: приходи на беседу, мои комнаты расположены в гостевом крыле дворца, и тебе с твоим нынешним нюхом не составит труда их найти, не так ли? Подумай, генерал тоже тебе симпатизирует, готов на поединке драться за тебя, поразительно просто! А ведь ему сейчас небезопасно подчеркивать свою привязанность к черной кошке, в которой глава Святого Воинства подозревает демона. Тебе всегда удавалось находить себе верных друзей, Лара, — это редкая и ценная способность.

Леон, прищурившись, пристально наблюдал за тем, как сиятельный лорд беседует (!) с его кошкой. Сама кошка всем своим видом показывала, насколько отвратителен ей этот человек, а Леон все четче понимал, что его кошку следует немедленно спрятать от всех любопытных глаз, иначе она точно пострадает в намечавшейся заварушке, ведь совсем не умеет скрывать свои необычные способности, слишком явно демонстрирует наличие сознания, подобного человеческому. В то, что кошка — представитель темных сил, Леон не верил: демоны не рискуют жизнью ради других и не умеют дружить так, как умеет она.

Между тем напряженное противостояние двух лордов привлекло внимание других гостей королевского дворца. Молодая девица, затянутая в платье с корсетом, оголяющее тело почти до талии (лиф платья еле держался на груди, плечи и руки были полностью обнажены, а на спине зиял глубокий вырез), подплыла к мужчинам, придерживая кончиками пальцев длинный шлейф.

— Добрый день, герцог Раус, генерал Ардамас. — Девица присела в низком реверансе.

Лара была теперь слишком мала ростом, чтобы оценить открывшийся

при этом мужчинам вид, но понимала, что жесткий, топорщащийся корсет не облегает тело, как перчатка, и оставляет достаточно пространства, чтобы... Но мужчины не заинтересовались. Не впечатлились совершенно, продолжая сверлить друг друга ненавидящими взглядами.

— Надеюсь, вы оба будете присутствовать на балу в честь заключения мира с Солликией, — сделала девица еще одну попытку привлечь внимание к своей особе.

Подтягивались и другие придворные.

Дамиан очнулся первым:

— Конечно, леди Арабелла, такое событие пропустить невозможно. Вы оставите за мной один танец?

Леди Арабелла покраснела и кокетливо захлопала ресницами, поглядывая на красавца-демона:

— Хотя все танцы, если пожелаете, ваша светлость!

От выслушивания дальнейших любезностей Лару освободил Леон, подхвативший ее на руки и сухо распрощавшийся с Дамианом и леди. Широким шагом он покинул великосветское общество и направился назад во дворец.

Поддавив сумятицу мыслей и чувств, вызванную внезапным столкновением с врагом, Лара осознала, что невесту Гильдара она благополучно упустила, так и не выполнив поставленную задачу: найти и обнюхать Диалу Зоилар и ее папочку. Заворочавшись на руках у Леона, Лара требовательно замяукала: «Пусти!» — но ее проигнорировали. Только закрыв дверь комнаты в выделенных ему королем покоях, Леон опустил кошку на пол.

— Ты раньше жила у герцога Рауса? — поинтересовался генерал.

Лара отрицательно помотала головой и, подскочив к двери, просительно поскреблась. Ее намек опять проигнорировали!

— Но ты знакома с герцогом, — утвердительно сказал Леон, и Лара кивнула. — Он называл тебя Ларой — это твое имя?

Лара снова кивнула и нетерпеливо боднула головой закрытую дверь. Леон присел рядом с ней на корточки и объяснил:

— Брат Ормонд действительно собирает сведения о тебе, тебя могут похитить и убить как демона, понимаешь? — Лара фыркнула и снова боднула головой дверь. — Тебе лучше посидеть здесь, тебя тут никто не тронет, понимаешь?

«Я-то все понимаю, Леон. Демону я живой нужна, у него на меня планы! На разговор он меня приглашает, видите ли. У меня и других дел предостаточно. Где же эта Диала сейчас быть может? Хм... У жениха?

Леон же к Гильдару собирался, так чего мы тут время теряем? Пошли!» — И Лара зубами потянула Леона за штанину к двери.

— И куда ты меня тянешь? Я лично к Гильдару собираюсь и тебя в одиночку гулять по замку не отпущу, — сурово заявил Леон, и Лара активно закивала: «К Гильдару, родной, к Гильдару!»

Ларе в кои-то веки повезло: в покоях Гильдара, чинно сложив ручки на коленях, сидела его невеста — черноволосая молоденькая девушка, которую она видела в окно. Рядом с ней стоял и ее батюшка, наблюдая за соблюдением правил приличий помолвленной парой.

«Вот это полиция нравов: к собственному жениху без компаньонки (или компаньона) не зайдешь, — верно поняла Лара причины присутствия здесь до кучи Аскара Зоилара. — Но мне это только на руку, обоих сразу рассмотрю и запах запомню».

Кузен Варта Зоилара обладал теми же фамильными черными волосами до плеч и темно-кариими глазами. С непроницаемым выражением лица он поздоровался с Леоном и кинул странный нечитаемый взгляд на кошку.

При виде гостей Диала грациозно поднялась со своего места, поздоровалась с Леоном и, проворковав Гильдару: «До скорой встречи, дорогой!» — покинула комнату вместе с отцом, прошуршав платьем мимо Лары и обдав ее запахом духов. Чуткий кошачий нос распознал и собственный аромат девушки.

«Что ж так не везет по жизни хорошим мужикам! — вздохнула Лара вослед красотке. — Вечно они выбирают не тех женщин!»

Запах Диалы был запахом той женщины, что передала лакею Лиарна Морейда яд для генерала Ардамаса.

Глава 25

НОВЫЕ ТАЙНЫ

Пока Леон общался с арестованным кронпринцем, Лара продолжала размышлять.

«Гильдар жестоко ошибается в своей невесте или я жестоко ошибаюсь в Гильдаре? Может, пора признать собственную наивность и понять, что слишком рано я сняла с него подозрения и Диала действует по указке принца? А то, что на него поклеп возводят и под охраной держат, — это все для отвода глаз сам Гильдар и организовал? Убьют Леона, и посредник заказного убийства в слезах признается, что сознательно оклеветал Гильдара Зоилара, так как обещал ему кто-то много денег за такое лжесвидетельство?»

Полная самых мрачных домыслов и предположений, Лара пристально наблюдала за двумя беседующими мужчинами. Убедившись, что кормить-поить-угощать Леона тут пока не планируют, Лара, пользуясь законным правом любой кошки бродить где вздумается, пошла обследовать спальню принца, тщательно осматривая все уголки и обнюхивая все подозрительные предметы: кисеты (как выяснилось, с местным аналогом табака), кульки с травками и снадобьями (кошачий нос заверил, что все безобидно), карманы разброшенной по спальне одежды (куда только личный слуга принца смотрит), все шампуньки в ванной комнате. Ничего, что уличало бы Гильдара в злодейских замыслах, не обнаружилось. Лара облазила все закутки, протерла пушистым брюшком пыль под всеми диванами и кроватью (какие горничные тут нерадивые!), обнюхала стены в поисках потайных ходов — ничего. Почитала заголовки многочисленных книг на подоконниках, на столе и даже под столом: варианты «Сто способов убить человека без меча и картечи», или «Ядовитые травы Картума», или «Тайнопись великих колдунов и рецепты зелий» здесь не обнаружились. Лара не поленилась и из-под подушки тонкую книжечку вытащить и разочарованно мявкнула: принц повторял правила придворного этикета перед званым балом.

Когда хмурая кошка вернулась в гостиную, Леон окинул ее изумленно-возмущенным взглядом: в таком помятом и пыльном виде он свою Кошку не видел со времен ее визита на кухню к поварихе Танике. Поджав губы и недовольно прищурившись, Леон попрощался с товарищем и направился к

себе.

— И чем это ты в покоях принца занималась? — заперев дверь, спросил он.

«Э-эх, как же немым людям жить трудно, особенно если нет рук, чтобы карандаш в них держать и писать, что нужно! И если сурдопереводчика рядом не имеется», — заметалась Лара по гостиной.

Припомнив разговор в таверне Лискора, Лара понеслась в спальню, где стоял шкаф, в надежде, что одежду генерала уже доставили. Ура! Вещи были разложены на кровати в ожидании Огаста, который повесит их в шкаф, и Ларе не составило труда вырыть из этой груды цветную пеструю ленту, которую полагалось вставлять в петлицы парадного мундира. Свернув из нее разноцветный ворох, Лара во второй раз в жизни попыталась изобразить таким образом женщину, чинно вышагивая по ковру спальни. Скосила глаз на Леона: понял он ее или недуг недогадливости у генерала прогрессирует?

— Ты встретила ту женщину, что передала яд лакею в доме градоначальника Лискора? — недоверчиво ахнул Леон, и Лара кивнула. — Уверена? Перепутать не могла?

Лара отрицательно затрясла головой, подцепила зубами ленту и вернула ее на кровать. Выжидательно посмотрела на Леона: давай, перечисляй всех встреченных, их немного было!

— Леди Арабелла, что подошла в саду к нам с герцогом? — Лара отвергла такой вариант. — Леди Силия, что заговорила со мной в коридоре? — Лара вновь качнула головой.

«Неужели мимо нас прошло сегодня столько дам?! У меня скоро голова от всех качаний отвалится! Надо бы ускорить процесс», — подумала Лара на десятом названном имени, потянула Леона к окну и прыгнула на мужчину, взбираясь по одежде вверх.

— Ай! — При этом вскрике Лара шустро скакнула на подоконник и замерла, с задумчивым видом уставившись на панораму королевского парка. — Ты опять?! — воскликнул Леон и поперхнулся внезапной догадкой, увидев, как подчеркнуто внимательно Кошка смотрит в окно. — Это что, Диала?!

Обрадованная Лара быстро и часто закивала в знак согласия и мяукнула от полноты чувств: наконец-то генеральская врожденная догадливость к нему вернулась.

Леон помрачнел, как грозовая туча, велел Ларе сидеть в его комнатах и никуда не выходить, после чего ушел сам, ничего не объяснив переживающей за него кошке. Вскоре прибежал Огаст, который и вещи

генеральские по местам разложил, и еды кошке принести не забыл, а Леона все не было и не было... Лара с раннего вечера сидела на резном столике в гостиной, уставившись в окно в ожидании Леона, а явился он усталый и молчаливый только в начале ночи. Пахло от него казармой и лошадиным потом. Леон сразу завалился спать, так и не сказав ни слова дождавшейся его возвращения Ларе. Гад!

Весь следующий день Леон опять где-то отсутствовал, даже на обед не изволил явиться, а Лара волновалась и думала, думала, думала, но так толком ничего и не придумала. Слишком мало исходных данных для построения гипотез, да и главных действующих лиц грядущей интриги она в глаза не видела: ни Эрдана Бортейпа, ни Ормонда Драгейда, а ведь между ними тоже могли быть взаимоотношения и тайные договоренности. Вот соберутся они все завтра на балу — тогда она все разнюхает и разузнает.

Вот и настал долгожданный день победы: сегодня король Солликии должен был прибыть в Шарилу, чтобы демонстративно сложить оружие у ног Варта Зоилара и передать в картумскую казну денежную часть контрибуции. Королевский дворец с раннего утра напоминал растревоженное осиное гнездо: стучали двери, перекрикивалась дворцовая прислуга, бегали лакеи, бегали личные слуги остановившихся в замке лордов и леди, бегали сами придворные, с площади доносились звуки горнов и шум тысячной толпы.

Завтрак подали на рассвете прямо в покои генерала. Разделив трапезу с Огастом и Ларой, лорд Ардамас вырядился как на свадьбу и отбыл, удосужившись в этот раз сообщить Ларе, что его ждет король, и добавив:

— Скоро все закончится, Кошка, и уедем мы в мое поместье. — Леон погладил Лару по голове. — А оставшиеся дни сиди тихо и не пытайся сбежать из моих покоев!

С этим предупреждением Леон опять оставил большую черную кошку томиться в одиночестве, даже Огаста забрал. Не пощадив парчовые, затканые золотым узором шторы, Лара взобралась на подоконник (дырочки и длинные стрелки, оставшиеся на занавесах в результате ее выходки, Лару не смутили: крепче ткани делать надо). С окна третьего этажа (а потолки здесь высоченные, это вам не панельный дом с «улучшенной планировкой»!) было видно королевский парк и центральную площадь за оградой парка. Огромная толпа тоже была видна, так же как и возвышение с высоким тронном для короля, скамьи со спинками, покрытые блестящей на солнце парчой, ковровая дорожка, яркой лентой выделявшаяся на серой брусчатке площади. Время шло, солнце начинало

припекать, а места для ВИП-персон начинали заполняться: придворные рассаживались на скамейках стоящих с одной стороны трона, который пока пустовал. Радуюсь острому кошачьему зрению, Лара ждала начала представления. Вот на площадь высыпал небольшой конный отряд под предводительством ее генерала и встал дугой напротив вельмож и за спинкой трона. Лара полубовалась бело-золотым мундиром Леона, его военной выправкой, густой шевелюрой каштанового цвета, которая в свете яркого солнца приобрела оттенок красного дерева. Леон встал рядом с возвышением для короля: его плечи находились вровень с подлокотниками королевского трона. Вот и король со свитой из парадных дверей дворца вышел и медленно прошествовал к предназначенному для него месту. Как только вся картумская встречающая сторона собралась в полном составе, в проход, который организовали в толпе солдаты королевского звена, вступили солликийцы. Впереди всех на белом коне ехал в золотом мундире высокий и плечистый мужчина, который не мог быть не кем иным, кроме как Эрданом Бортейпом. Как ни напрягала Лара острое кошачье зрение, но с такого расстояния рассмотреть его лицо она не могла. Лара слышала и в Лискоре, и в Шариле, как дамы из высшего общества шептались о том, каким красивым и галантным кавалером был солликийский король, как приятно было общаться с ним на торжественных собраниях и балах (до начала очередной войны высшая знать двух стран частенько ездила в гости друг к другу, по делам и просто развлечения ради, так что все придворные Варта Зоилара хорошо знали короля Солликии). Лара помнила портрет Эрдана в энциклопедии, там он был изображен совсем юным, безусым еще мальчиком, действительно очень красивым. Лара напрягла память: сейчас этому мальчику должно быть двадцать пять лет и женат он еще не был.

Король Солликии спешил к краю ковровой дорожки золотистого цвета и двинулся к королю Картума пешком в сопровождении нескольких человек, тащивших явно тяжелые сундучки.

«Контрибуция прибыла. — Лара смотрела, как сундучки устанавливают у подножия трона, а Эрдан Бортейп поднимается на первую ступень возвышения, вынимает из ножен свой меч и кладет его у ног Варта Зоилара. Губы у заграничного короля зашевелились: он говорил подходящую к случаю речь. Потом поднялся Варт и тоже что-то явно заговорил, но его лицо Лара видеть не могла. — Как старинное немое кино смотрю, только поясняющих речи надписей нет».

Говорили два монарха довольно долго, толпа частенько взрывалась одобрительными криками, а вельможи улыбались и степенно кивали.

«Столько народу в этой войне полегло, столько земель разорено и

истоптано, своими глазами видела, а они теперь сидят и улыбаются. Дипломатия, однако», — фыркала Лара, которая и в бытность свою человеком часто поражалась профессиональному лицемерию многих политических деятелей. Дипломатия — штука тонкая: хочешь, не хочешь — а мило улыбаться и говорить комплименты изволь, должность у тебя такая. С улыбками бомбят и жгут напалмом, с улыбками сообщают, что это было необходимо. Се ля ви, как говорят французы.

Сейчас оба короля пожали друг другу руки и как близкие друзья плечом к плечу отправились во дворец. Придворные потянулись следом, а конница Леона совместно с королевским звеном сдерживала напор толпы простолюдинов, которые тоже были совсем не против попить на королевском балу. Впрочем, на площадь мигом выкатили бочки с бесплатным вином и брагой, и народ бросился к ним, чтобы выпить за победу и обмыть мирный договор. Как ни крути, а простому люду приятнее смотреть на кружку бесплатного спиртного в своей руке, чем на богатые плащи на королевских спинах. Оценив народный разгуляй, начавшийся на площади, Лара спрыгнула с подоконника: пришло время для шпионско-розыскных действий. План был давно продуман и опробован: вчера она дважды, оставшись в одиночестве, пробовала громко выть под дверь, и оба раза пробежавшие мимо слуги открывали ей дверь, так как, видимо, были приучены выпускать на волю из комнат многочисленных котов короля. Генерал Ардамас никак не мог предвидеть такую возможность, поскольку собственных котов до недавнего времени в доме не держал. За вчерашний день Лара успела провести предварительную рекогносцировку местности (поживешь с военным и нахватаешься таких вот странных словечек) и уже хорошо представляла себе планировку королевской обители. Лара видела в замке нескольких откормленных котов, но нос к носу с ними пока не сталкивалась.

«Надеюсь, что накормленный до отвала кот — это всегда добрый и ласковый кот, который не набросится на незнакомую черную кошечку. — С этими мыслями Лара выскользнула из покоев Леона, когда очередной мчащийся куда-то слуга выпустил ее и закрыл дверь в генеральские покои. — Жаль, что я так мало про кошек знаю. Эй, кошачья сущность, ты ведь теперь со мной и без медитации общаться можешь? Кстати, как так вышло? Надеюсь, мы не слились в единое целое?!»

«Больно мне надо сливаться с таким убогим сознанием, — надменно ответили Ларе. — Просто ты уже давно не воспринимаешь меня как врага, перестала бессознательно закрывать от меня свой разум, а я немного привыкла к стремительности и безалаберности твоего мышления, вот и все.

Надеюсь, ты не станешь злоупотреблять нашей окрепшей связью и по пустякам беспокоить меня не будешь».

Лара в очередной раз опешила от речей своей второй половины и не нашла достойного ответа.

Черная кошка тихо кралась по переходам дворца, последовательно осматривая двери гостевых комнат третьего этажа и принюхиваясь к запахам постояльцев. Внимательно слушала разговоры людей, а люди и внимания на нее не обращали.

«Я — Черный Плащ! — мысленно давясь от смеха, думала Лара. — Я — ужас, летящий на крыльях ночи и предвещающий проявление всех черных пятен на ваших репутациях! Поведайте друг другу свои секреты, кошки стесняться не нужно... Я — Черный Хвост, который разведает все ваши черные тайны! Эй, кошачья сущность, это ты мне тут позитива подбрасываешь?»

«Не я, а наше общее тело, которое у нас одно на двоих. У него инстинкты врожденные, в том числе охотничий инстинкт, который ты все время подавить пытаешься, вот он и проявляет себя сейчас, когда ты на облаву вышла: не крысиная охота, конечно, но очень похоже. И смысл примерно тот же».

«Я бы даже сказала: один в один. Крысы, как и кошки, тоже бесхвостые и двуногие бывают».

Закончив с гостевыми комнатами, Лара двинулась в сторону королевского крыла, не забывая чутко принюхиваться, стараясь вовремя уловить знакомый запах Леона, который мог бы пресечь ее гуляние по замку, водворить обратно в свои комнаты и запереть в ванной, чтобы никто на ее крики о помощи не откликнулся. Еще стоило опасаться Гильдара, который мог бы сообщить о ее похождениях Леону, который мог бы пресечь ее гуляние по замку, водворить обратно в свои комнаты и запереть в ванной, чтобы никто на ее крики о помощи не откликнулся. А еще не стоило попадаться на глаза невесте Гильдара, которая могла бы рассказать о ней самому Гильдару, который мог бы сообщить о ее похождениях Леону, который мог бы пресечь ее гуляние по замку, водворить обратно в свои комнаты и запереть в ванной, чтобы никто на ее крики о помощи не откликнулся... И отцу невесты Гильдара, который мог бы... Ну и так далее. Лара перебирала мысленно всех людей, встречу с которыми стоило отложить на потом, и принюхивалась, принюхивалась, принюхивалась...

Из широких дверей дальних покоев высыпала стайка щебечущих и приседающих в реверансах придворных дам, и Лара шмыгнула за очередной гобелен, скрывающий небольшую нишу в стене. Ниша, кстати,

была хорошо обустроена для тайных встреч: низкий узкий диванчик с кучей мягких подушек, коврик на полу, подсвечник со свечами на стене (через толстую многослойную ткань гобелена вряд ли мог пробиться хоть один лучик света). Кошачьим глазам и без света все хорошо видно было, так что Лара быстро осмотрелась и высунула за край гобелена половину черной мордочки с носом и одним глазом.

«Черный цвет идеален для маскировки, — в сотый раз за этот день порадовалась Лара. — В этом темном углу за гобеленом никто меня не увидит. Впрочем, знакомыми запахами тут не веет, можно и выйти в случае необходимости. Кто это на праздничный обед отправляется?»

Придворные дамы расступились, и вперед прошла светловолосая невысокая женщина с горделивой царственной осанкой, одетая в пышное платье цвета электрик. Множество золотых украшений и изящная корона в белокурых локонах яснее ясного говорили о том, что это королева Картума — Лартипа Зоилар. Рядом с королевой выступал худенький мальчик в синем костюмчике и в черных, с золотой отделкой полусапожках. На боку мальчика висел на расшитой каменьями перевязи маленький меч в богато изукрашенных ножнах. Мальчик был черноволос, кареглаз, а черты его лица точь-в-точь повторяли черты Варта и Аскара Зоиларов.

«Вот и второй наследник, — поняла Лара. — Милор Зоилар собственной персоной. Надеюсь, он, как и отец, любит кошек». — И Лара с мурлыканьем выскочила из своего тайного убежища и уселась в трех метрах перед важно вышагивающим младшим принцем. При виде кошки лицо мальчика расслабилось, с него ушло строгое, сосредоточенное выражение, и Милор расплылся в улыбке:

— Ой, какая киска красивая! Я такой еще не видел. Кис-кис! — Мальчик позабыл о своем нарядном виде, присел и протянул Ларе ладошку.

Лара подскочила к принцу и потерлась головой об эту ладошку.

— Брысь!!! — завопили фрейлины и замахали руками на отпрянувшую Лару, а королева дернула мальчика к себе и строго отчитала:

— Милор, на твоём костюме останется шерсть, а руки будут пахнуть кошатиной, это недопустимо! Леди Тасмия, принесите розовую воду для омовения рук его высочеству.

Лицо мальчика снова погрузнело и замерло надменной маской. Вся процессия дождалась, когда принцу тщательно помогут ручки, и тронулась в дальнейший путь.

А Лара, забившись обратно в нишу за гобеленом, в шоке осмысливала новый факт, который уверенно сообщил ей чуткий кошачий нюх: запах Милора Зоилара имел куда больше родственных ноток с запахом Аскара

Зоилара, чем с запахом короля! И о чем это могло говорить?! Случайность ли, что принц сильнее пахнет своим двоюродным дядей, чем отцом? Цвет глаз и волос ребенок вполне может унаследовать и от дальнего родственника, а запах?

«Эй, кошка, вы умеете по запаху определять своих кровных родственников? Вы своих котят от чужих как отличаете: только на вид или по запаху тоже? А кот может понять, что это котята от него, а не от кошака с соседнего двора?»

«Кошки — не люди, — презрительно ответила кошачья сущность. — Для нас не важно, кто одной крови с нами, а кто нет: кормящая кошка-мать любого голодного котенка накормит как своего! Люди порой не только котят, но и кроликов маленьких к нам подкладывают, и даже крысят, интереса ради, и ничего, кормим! А котам и вовсе без разницы, чьих котят кошка принесла, — злобный голодный кошак и своих, и чужих новорожденных котят сожрать может!»

«Ты мне сейчас не это объясни, ответь просто: можешь ты однозначно сказать, кто отец Милора, или нет?»

«У котенка самое большое сходство с запахом его родителей, особенно до времени полового созревания, потом запах меняется», — снизошла до вразумительного ответа внутренняя кошка.

«То есть Милор — сын Аскара?!»

«Ясное дело, — зевнула кошачья сущность. — Слушай, это не важное дело, так что оставь меня в покое».

Лара оставила: она погрузилась в задумчивость, пытаясь по-новому взглянуть на всю ситуацию в целом.

«Аскар наверняка знает, что принц — его сын: долгое время у короля детей не было, а после того как королева интрижку с ним закрутила, родился Милор. Тут и без генетического теста на ДНК все понятно. Варт, видимо, в самом деле бесплоден. Почему Лартина решилась на измену и рождение незаконнорожденного сына — это отдельный вопрос, сейчас важнее другое: каковы планы Аскара Зоилара? Если он желает, чтобы правил Милор (что вполне вероятно, сын-то у него один), то Гильдар ему не нужен ни в качестве регента (эту должность он явно захочет занять сам), ни в качестве мужа Диалы (не знаю, как тут карают королев за измену, но если судить по земной истории, то в Средневековье карали очень строго; если проступок Лартипы раскроется, то и ее сыну от первого брака мало не покажется). Следовательно, ему и генерал Ардамас как кость в горле. Убьют Леона, Гильдара осудят как заказчика убийства — и у Варта Зоилара останется только один выход: признать Милора наследником, а Аскара —

регентом. Вот и понятно, что Леона заказал Аскар Зоилар. Ему тут сплошная выгода — и Леона с пути убрать (снайпер подвел, так он доченьку с ядом подослал), и Гильдара безнадежно скомпрометировать. Даже пропажу денег из своей казны на него списал! Диала наверняка специально свидания с „суженым“ в поместье организовывала, чтобы можно было потом его в недостатке обвинить. Жаль Гильдара, ловко его опутали. Хуже всего, если в темных делишках кузена Варта еще и соликийский король замешан, тут уже военным захватом власти дело закончиться может. Как бы рассказать Леону про Милора? И кстати, чего это я так размурлыкалась и распушилась?!!»

Лара отвлеклась от детективного расследования и узрела перед собой крупного, пушистого, дымчато-серого голубоглазого кота, который приветливо мурлыкал и подкрадывался все ближе и ближе, ободренный теплой встречей.

«Красавец!» — с придыханием подумала она, по телу прокатилась жаркая волна, лапки ослабели.

«О да-а-а!» — эхом откликнулась кошачья сущность.

«О!.. Что?!! Ах ты, кошка облезлая!!! — рассвирепела Лара. — Мы же договорились: все романтические свидания с представителями кошачьего мира у тебя будут после того, как я тебя покину! После, а не сейчас, ясно?!»

«Что ты так разошлась? Ты посмотри только, где я потом себе такой экземпляр раздобуду?! Это же лучший кот в моей жизни: усы какие, глянь! Шерсть какая густая, шелковистая, глянь! Никакого сравнения с тем лысым (это ж надо, шерсть только на голове — издевка природы!) и бритым бесхвостым кошаком, по которому ты убиваешься! Вот это самец, настоящий! Хвост — в обхват моей шеи, лапы — каждая как две моих, ступает величаво, смотрит ла-а-асково. А твой-то?! Тьфу! Нескладный, двуногий, шерсть вся повылазила еще при рождении, зубы плоские, усы выскабливает каждое утро, видно, чтобы не позориться перед народом своим бледным подобием настоящих усов — вот таких, как у этого милого котика. Напоминаю: с генералом своим ты временно несовместима, так что грех упускать такого красавца, му-у-ур-р-р!»

Лара осерчала, как никогда в жизни. Серый котик обиженно мявкнул, когда прелестная черная кошечка, так ласково встретившая его поначалу, вдруг замахнулась когтистой лапкой. В чем дело?! Чем он ей так не угодил, что она теперь бросается на него с яростным рычанием? Ой, кусаться-то зачем?! Нет так нет, он и не настаивает вовсе!

Лара смотрела, как удирает серый королевский кот, и решительно отказывалась слушать веления кошачьих инстинктов. Она — человек, и

точка. Кошачья сущность побухтела обиженно и объявила бойкот.

«Отлично, хоть в тишине поживу немного», — откликнулась на этот демарш Лара.

«Ты еще пожалеешь», — совсем по-детски ответила «соль земли».

Глава 26

НАЧАЛО ЛЮБВИ

После этого последнего кошачьего предупреждения раздвоенность в сознании Лары в самом деле пропала: она ощущала только свои чувства, только свои мысли — на нескольких новых встретившихся во дворце котов смотрела спокойно, на запахи жарящегося мяса с кухни не отвлекалась и была привычно собранной и деловитой. Лара категорически запретила себе испытывать вину перед кошачьей сущностью, которая своим вызывающим молчанием старательно давила на жалость, сострадательность и миролюбие попаданки.

Обследовав до конца третий этаж и решив, что на четвертом этаже, где жили фрейлины, камердинеры, экономка, дворецкий и прочие «топ-менеджеры» этого дворца, ей делать нечего (а паче того на чердаке, где жил младший обслуживающий персонал), Лара пробежалась по пустующему второму этажу, на котором обнаружилась жизнь только в покоях принцессы Солары. Чуть теплящаяся жизнь: чуткие кошачьи ушки поведали, что в этот праздничный день больную девушку оставили в ее комнатах без присмотра и она сейчас тихо стонала в одиночестве. Лара искренне пожалела сестру Варта, но помочь ей ничем не могла и понеслась дальше.

На первом этаже бурлила жизнь: праздничный обед уже начался, всюду сновали лакеи с бутылками дорогих вин, слуги с широченными золотыми блюдами, на которых громоздились разнообразные закуски. Вся картина напомнила Ларе юбилей одного из знакомых отца, который пожелал провести праздник в «старинном стиле» и арендовал для застолья один из дворцов черноморского побережья. Тогда так же бегали наряженные в лакейские ливреи екатерининских времен официанты, а меню банкета в точности воспроизводило то, что описывала в своих мемуарах одна из фрейлин Екатерины Великой. Лару тогда больше занимала не степень соответствия этого подражания оригиналу, а сама возможность устроить пир горой в объекте культурного наследия России. Ей такая возможность представлялась странной. Но так представлялось лишь ей одной.

Радуюсь картумской моде на украшения в виде пышных занавесей, которые висели на каждом оконце, обрамляли все дверные проемы и арки, спускаясь до самого пола и метя золотыми кистями полы, Лара втихаря

разглядывала великосветское общество. Праздничные наряды дам были не столь откровенны, как повседневные платья, оставляя открытыми только шеи и плечи, увешанные фамильными драгоценностями. Во главе стола рядышком сидели два короля, морально готовившиеся к завтрашнему подписанию мирного договора и оттого употреблявшие горячительных напитков больше разумной меры. По правую руку картумского правителя устроилась его супруга, рядом с которой на высоком стуле с парчовой подушкой сидел принц Милор, а по левую руку солликийского монарха восседали принц Гильдар и настороженный Леон. Аскар Зоилар с дочерью Диалой развлекали гостей на противоположном конце длинного стола, занимая места напротив венценосных особ. Музыканты играли бравурные марши, слуги обносили гостей горячим: жареной дичью, свиным карбонатом, телячьими отбивными, седлом барашка, фаршированной рыбой и горячими пирогами с мясной и рыбной начинкой. Прикинув, что поесть все вышеперечисленное гости будут минимум часа два, Лара решила, что и ей не худо бы подкрепиться, и побежала в сторону кухни.

Повара королевской кухни были гостеприимнее (вернее, кошкоприимнее), чем вредная тетка Таника у генерала Ардамаса: Ларе живо кинули котлетку в чистенькую миску, стоявшую в ряду других таких же мисочек у дальней стены под окном. Соседом Лары «по столу» оказался толстый рыжий котяра, уминавший ошметок парной говядины. Особого интереса к черной кошке он не выказал, и Лара спокойно пообедала.

Вернулась Лара на свой шпионский пост, когда музыканты сменили марши на мелодичные романтические напевы и многочисленные гости потянулись в бальные залы. Теперь забот у разведчицы прибавилось: приходилось не только красться по трем огромным залам, по которым скользили в танцах пары, но и выскакивать в сад, куда часто выходили присутствующие. Большинству людей не было дела до шмыгающей под ногами кошки, но обилие запахов и шум мешали Ларе отслеживать запахи тех людей, с которыми ей не стоило сталкиваться сейчас: запах Леона, например, так что из-за прикрытий Лара старалась выглядывать как можно реже. От Дамиана, который расточал улыбки кружащимся вокруг него, как мотыльки вокруг огня, девам, тоже нужно было держаться подальше. Главным объектом Лариной слежки являлись, естественно, Диала и Аскар Зоилары.

Вот черноволосая Диала в сопровождении приятельниц направилась в сад, и Лара припустила за ней, отвлекшись от мрачного созерцания своего генерала, мило беседовавшего аж с тремя девицами одновременно, причем две из них уже явно достигли совершеннолетия и вполне соответствовали

тем критериям, по которым Леон собирался подбирать себе необременительную спутницу жизни. Лару душила глупая и бессильная злость, перемешанная с неуместной обидой, а кошачья сущность продолжала бойкот и не спешила подкидывать Ларе оптимизма и боевого настроения.

«Ничего, и без хвостатых справимся. Вот верну себе свое тело, и Леон на собственном опыте узнает, что влюбленная женщина — это милое, слабое и беззащитное существо, от которого невозможно спастись никакими средствами! Можно только покорно сдаться и полюбить в ответ на любовь. Вот и призналась я сама себе в собственных чувствах, и счастье, что никакая вторая половина не иронизирует по этому поводу». — На этой мысли Лара ощутила слабое шевеление кошачьей сущности и ее горячее желание высказать все накипевшее, но бойкот есть бойкот, и кошка промолчала, а Лара укоризненно рыкнула в сторону стоящего в отдалении Леона с пестрым трио и побежала в сад: следить за Диалой.

Смеркалось. Вдоль широких дорожек зажгли осветительные факелы, пламя которых позволяло гуляющим не оступиться и не заблудиться в королевском саду и смежном с ним парке перед парадным входом. По контрасту с освещенными центральными аллеями темнота в других частях сада казалась непроглядной, однако именно туда и направилась Диала, незаметно оторвавшись от других девушек, вышедших подышать свежим воздухом. Воздух действительно был свеж: вечерняя прохлада сменила дневную жару, и по саду сейчас разливался упоительный аромат цветущих яблонь, вишен и слив, дополненный сладковатым благоуханием жасмина.

Диала Зоилар свернула в малозаметный проход в высоких и густых зарослях кустов акации. Кошка пробралась следом и увидела небольшую уединенную темную беседку. Нюх сообщил, что девушка находится в этой самой беседке, и пока одна. Стены беседки были выложены из камня и имели высоту около метра — заглянуть внутрь кошка могла только через единственный вход, что она и сделала.

— И тут кошка, — недовольно прошипела Диала, заметившая незваную гостью. — В последнее время они меня просто преследуют, скоро поверю в их демонскую природу, как последняя простолюдинка. Пошла прочь! — Диала бросила в Лару подушечкой, которая лежала среди многих подобных на узкой софе, стоявшей в беседке.

Лара выскочила и примостилась под стеной беседки с обратной стороны от входа, выглядывая из-за угла при всех подозрительных шорохах.

«Судя по внутреннему убранству беседочки, это еще одно местечко

для тайных свиданий вроде тех ниш за гобеленами во дворце, — посмеивалась она. — Вот тебе и строгие нравы: на людях все девы такие непорочные и благонравные, но стоит им сбежать хоть на миг от бдительного присмотра — и пожалуйста: оказывается, все „заповедные“ уголки сада им известны и наверняка не раз посещены в прошлом. Очень интересно узнать, кого это она тут дожидается. Я безмерно удивлюсь и признаю собственное скудоумие, если появится ее жених Гильдар».

Интересоваться и строить предположения Ларе довелось недолго. Еще одна фигура проскользнула меж акаций к беседке: фигура высокого, закутанного в плащ мужчины. Лара прокляла безветрие весенней ночи — ее нос не мог уловить запаха прибывшего. Впрочем, если он зайдет в беседку, то рано или поздно она его учует. Зашел. И одновременно с подтверждением от органов кошачьего обоняния Лара сразу узнала, кто это, так как Диала воскликнула:

— Эрдан, наконец-то!

Последовали звуки поцелуев и девичий стон. Лара скривилась, но осталась на своем посту.

— Подожди, — произнесла, задыхаясь, Диала, — нужно обсудить...

— Потом, — резко оборвали ее. — Вначале мне следует снять стресс после того унижения, что я был вынужден перенести сегодня и которого бы я избежал, если бы ты, дорогая, справилась со своей задачей!

«Какие высокие отношения, какое уважение к женщине, — закатила глаза черная кошка, стараясь не прислушиваться к красноречивым звукам, доносившимся сейчас из беседки. — И ради этого Диала привечала у себя в поместье солликийских захватчиков, потеряв репутацию в глазах всех жителей Лискора? Согласилась стать пособницей убийцы? Ради этого предала и оболгала влюбленного в нее Гильдара, честно предложившего ей руку и сердце? На что она рассчитывает взамен всех этих деяний?»

В беседке зашуршала одежда: очевидно, стресс был снят, и теперь Лара могла рассчитывать на более содержательный диалог Диалы Зоилар с Эрданом Бортейпом. Однако ее ждало разочарование.

— Ты слишком много внимания уделяешь смазливym тетушкиным фрейлинам и чересчур активно флиртуешь с дочерью герцога Астила, — обвиняющим тоном заметила Диала.

— А ты чего ждешь? Что я буду вертеться вокруг твоей юбки? Так вокруг нее твой жених вертится, а меня уволь от этого дела, — фыркнул король Солликии. — Вы с твоим папочкой ничего сделать не смогли: ни генерала Ардамаса со свету белого сжить, ни кронпринца подставить так, чтоб его немедленно сослали в отдаленный уголок королевства. Что мне

обещал твой батюшка взамен на военную поддержку после смерти Ардамаса? Что он станет регентом, что даст за тобой приданое в размере половины всех южных провинций Картума, тех самых провинций, за которые наши страны уже третью сотню лет воюют. А в итоге что?! В итоге я вынужден буду отдать завтра часть своих земель!

— У отца есть план, — взволнованно зашептала Диала. — Он знает какой-то секрет королевы, и тетушка Лартипа вынуждена ему помогать во всем: она даже помогла собрать улики против собственного старшего сына, когда требовалось обвинить его в подготовке убийства генерала. Она на многое пойдет ради сохранения своей тайны, так что Гильдара точно обвинят, особенно если генерал Ардамас прямо в его покоях от яда скончается.

— Уверена, что вы сможете организовать это дело? — заинтересовался Эрдан. — Плевать на Гильдара, но смерть Ардамаса будет для меня лучшим утешением после унижительного поражения в войне.

— Как, разве для тебя не важно, что наша помолвка с кронпринцем будет расторгнута? Разве ты меня не любишь? — всхлипнула Диала.

— Конечно, люблю, — смягчился Эрдан Бортейп, — ты моя дорогая девочка.

— Ты не будешь больше страстно целовать ручки всем этим пустышкам, что вокруг тебя увиваются? — ревниво спросила Диала.

Мужчина подавил досадливый вздох:

— Это же лучшее прикрытие для наших с тобой отношений, милая! Смотря на то, как я танцую с очередной девицей, думай о том, что я в это время мечтаю держать в объятиях тебя, а не ее, и мечтаю об очередной встрече с тобой, — последние слова Эрдан прооручал не хуже серого королевского кота.

— Ты мой, — томно прошептала Диала. — Мой прирученный хищник, у тебя не может быть других увлечений, ты только мой!

— Конечно, — звук поцелуя, — не сомневайся в этом, моя девочка! Я так скучал по тебе, так стремился приехать, увидеть тебя хотя бы краем глаза, цветочек мой!

— Любимый, ты только мой! Навсегда!

«Еще одна дура сочла себя укротительницей тигров, — вздохнула Лара и легла на землю, прижав уши к голове лапами, не желая слушать второй раунд любовных игр этой парочки. — Он же попользуется тобой и бросит без тени сожалений, если ты не принесешь ему в клювике вожаки земли в южных провинциях. Он и сейчас с тобой лишь потому, что это

такая извращенная месть Варту Зоилару за победу в войне: ты победил, но я встречаюсь с невестой твоего приемного сына и наследника прямо посреди праздничного приема! Фу, гадость какая! А Диала верит в свою неотразимость и незаменимость, верит тем сладким словам, что он ей сейчас шепчет, как и я когда-то верила, что искренне интересна Дамиану Сантеро, что смогла заменить ему всех многочисленных женщин, что были до меня, и тех, что продолжали улыбаться ему во время нашей связи. Женщины так мечтают встретить „настоящего мачо“ и „принца на белом коне“, что в итоге частенько „находят“ их в таких вот негодях, а потом долго убиваются, что не смогли удержать такое сокровище. А „сокровище“ просто нашло более выгодный для себя вариант и теперь этому варианту шепчет те же ласковые слова, что ранее шептало ей. Неужели так хочется верить в собственную исключительность, что нет желания задуматься над поступками своего кавалера? Поступки ведь куда показательней сладкоречивых заверений».

Тайное свидание невесты кронпринца Картума с королем враждебного государства закончилось, не порадовав Лару новыми признаниями в темных замыслах. Девушка ушла первой, а Эрдан Бортейп посидел немного, бормоча: «Бабы — дуры, ни черта не могут, и папеньки их такие же».

Король Солликии тоже ушел, а Лара понеслась сторожить своего генерала: не дай бог, отправится чайку попить к другу Гильдару в сопровождении его коварной невесты.

До конца торжеств Лара глаз не спускала с Леона. Повосхищалась им, когда он четким шагом прошел к трону Варта Зоилара, чтобы получить медаль за защиту Буртана, полюбовалась, как при этом награждении перекопилось лицо Бортейпа, послушала восторженные щебетания девиц вокруг своего Леона и скривилась сама не хуже солликийца.

«Ничего, вот стану человеком и разгоню этих девиц к такой-то матери, не будь я Ларисой Савельевой, дочерью весьма авторитетного человека, и девой, закаленной в светских боях без правил».

Этим праздничным вечером, когда гулял весь народ Картума, в древних развалинах языческого храма тот же лжемонах, что и прежде, проводил новый ритуал призыва демона. Огонь в чаше вспыхнул, и потусторонний голос саркастически произнес:

— Тебе опять нужен совет или указание? Разве ты не узнал еще все, что тебе требовалось? Исповеди королевы не хватило? Напомни-ка, чего ты там хочешь?

— Хочу вернуться на трон моих предков! — дрожащим голосом воскликнул лорд.

— Насколько я помню, королем Картума не может быть священнослужитель, — насмешливо произнес голос, — а ты — один из Братства, хоть и не адепт веры. Прямо скажем, предатель собратьев своих.

— Я отрекись от сана, только помогите мне вернуть власть, которая должна принадлежать мне по праву рождения! Мне, а не Зоиларам!

— Для смещения правящей фамилии нужна серьезная причина. Давай разберемся: в чем ты хочешь обвинить Зоиларов?

— В том, что их единственный кровный наследник — ублюдок, а не законный сын короля! А еще — в преступной связи с демонами, с нечистой силой! И их самих, и их сторонников, особенно генерала Ардамаса!

Голос мрачно захохотал:

— Все неизменно в мироздании, преступник всегда обвиняет другого в том, в чем сам виновен. И это логично, он ведь хорошо знает, о чем говорит, тогда как жертвы навета находятся в полном неведении и оттого еще более беззащитны.

В очаге взметнулся огонь, и проявилась рогатая голова истинного облика Дамиана Сантеро, сына Темного Владыки:

— И как ты хочешь доказать связь генерала с нами, демонами?

— У Ардамаса недавно занятная черная кошечка завелась: я разузнал о ней все солдатские сплетни, она точно не простая кошка, и вы лучше всех других должны об этом знать, — пролепетал Ормонд Драгейд, испуганный до полусмерти, но не отступившийся от своих планов. — Я лишь прошу вас в нужный момент поспособствовать яркой демонстрации ее демонской природы, чтобы надежно очернить генерала в глазах людей.

Дамиан усмехнулся и прищурил глаза, в которых метались огненные всполохи:

— Да, кошка непроста, хоть выводы ты сделал не совсем верные. Но твоя главная задача — справиться с генералом, а не с кошкой, про нее забудь! Забудь и не трогай, приказываю! В твоём распоряжении много ратников священного воинства — они все хорошо обученные и вооруженные солдаты. Твоего предка лишили короны в результате военного переворота, и я советую тебе так же поступить с Зоиларами. Король уже распустил войско, у Ардамаса армии сейчас нет, и если ты будешь быстр — ты уберешь со своего пути генерала и не дашь ему возможности возглавить армию Зоиларов. Тем более, я полагаю, у тебя уже все приготовлено и продумано. Ну а про Милора — сам уже все знаешь, но побереги этот козырь напоследок, мой тебе совет... — Тут образ Дамиана

растаял, и потомок Драгейдов утер пот со лба.

— Да, — согласился Ормонд, — я все сделаю, господин!

На выходе из склепа лорд Ормонд Драгейд был остановлен шипящим шепотом:

— Кошку при первой же возможности — убить, ясно?! Обязательно убить! — И произнес это голос, сильно отличающийся от первого и куда более страшный и зловещий. — Люди уже подготовлены — кликнешь клич, и тысячи суеверных фанатиков придут на площадь и не дадут страже вмешаться в расправу над кошкой.

— Да, господин, — проблеял Ормонд. Он обернулся, но никого в гаснущем в чаше огне не увидел. — Вы можете сделать ее смерть яркой демонстрацией ее демонской природы? — И он с надеждой затаил дыхание.

— Могу, — исключительно честно ответил Темный Владыка и презрительно усмехнулся про себя: «Но зачем мне так утруждаться, презренная вошь?»

Вдохновленный демонской «поддержкой», лорд Ормонд поспешил прочь из разрушенного храма, чтобы успеть к утру оповестить о завтрашнем сборе свое войско. Король пусть напоследок на балу своим попляшет, а утром его будет ждать весьма неприятный сюрприз.

Глава 27

ВАЖНЫЕ БЕСЕДЫ

«Наконец-то моя прелесть решила покинуть это собрание расфранченных девиц, — заворчала про себя Лара, выдвигаясь из бальной залы за генералом. — Король уж полчаса как ушел, а ты все хвостом тут крутил. Если на все согласную грелку в постель себе присматривал, то зря надеешься, что я тебе свидание устроить позволю: все глазки твоей пассивности выпарапаю! Жди меня, и будет тебе счастье, генерал! Вот прям уверена, что Слепая Ведунья так бы тебе и сказала: „Ваше счастье — в вашей кошке, лорд Ардамас! Не расстраивайте ее случайными связями, а то она ведь и взбеситься может, и тогда не поздоровится уже вам!“»

Генерал не стал рисковать своим драгоценным здоровьем: он не вышел в сад с потайными беседками, не скрылся за гобеленами удобных ниш, — он маршировал на второй этаж в сторону королевского кабинета, к полному одобрению Лары.

Благоразумно подумав о том, что ей тоже не стоит рисковать своим драгоценным здоровьем и показываться ему на глаза и что в кабинете Варта ничто Леону угрожать не может, Лара осталась ожидать его в широком проходе, схоронившись в густой тени под подоконником, куда не попадал свет от факелов, установленных на стенах. Лара смотрела, как по стенам средневекового замка мечутся блики от всполохов огня, слушала, как бренчат латами и оружием стражники у входа в королевское крыло, бросившие на нее лишь мимолетный взгляд, когда она проскочила мимо них, крадись за Леоном, и ее вновь накрыло ощущение, что она не в параллельной реальности находится, а в каком-то фантазмагорическом сне, из которого никак не выбраться. Она, адвокат двадцать первого века, расследует заговоры против короля, живущего в древнем замке, и против генерала, командующего войском, солдаты которого вооружены не автоматами, гранатами и снайперскими винтовками, а мечами и мушкетами! Ностальгия по родному, привычному миру, тоска по родителям, оставшимся в нем, нахлынула, как девятый вал. Сейчас Лара обрадовалась бы даже старенькому «жигуленку», проскочи он по брусчатке главной площади Шарилы. А про смартфон, Интернет и прочие прелести цивилизации лучше и вовсе не вспоминать, так же как и о возможности увидеть папу с мамой хотя бы по скайпу. Тут вместо e-mail и WhatsApp —

голубиная почта, а мобильная связь — это громкий окрик. Вместо фотографий в книгах печатают нарисованные портреты, а телевидение, театр, оперу и кинематограф заменяют редкие балаганные представления на ярмарочных площадях. И во всем этом Лару больше всего поражала ее готовность остаться здесь навсегда, лишь бы быть рядом с Леоном, но только не в кошачьем теле! Несоответствие собственной внешней формы и внутреннего содержания начинало сводить с ума почище необычайности новых жизненных реалий.

— Здравствуй, Лара, — произнес красивый и бесконечно усталый мужской голос рядом с ней.

От неожиданности Лара подскочила и мигом вынырнула из грустных размышлений, злобно зашипев на Дамиана, который стоял, сложив руки на груди и опершись на стену у окна. Ни кошке, ни демону темнота не мешала ясно и четко видеть.

— Жаль, что не могу читать твои мысли, но свет твоей души и без них многое мне говорит, — размеренным тоном, не спеша, произнес Дамиан. — Он сейчас такой яркий, светлый. Людям доступно только одно чувство, которое так осветляет душу: это любовь. Чистая и самоотверженная любовь, Лара. На Земле я всегда знал, что твои чувства ко мне поверхностны и не задели всерьез твоего сердца, так как этого света в тебе тогда не было. Но он есть сейчас. Значит, суровый вояка сумел протоптать дорожку к твоему сердцу, а, Ларочка? Что же ты наделала, хорошая моя, ты даже не представляешь, как рискуешь, светлея столь явным образом в кошачьем теле. Слепая Ведунья сказала тебе, что душа не может длительно существовать в форме, каковая ей не соответствует, но что происходит с такой несоответствующей душой? Ее выталкивает из тела, Лара! Но без помощи связавшего тебя заклятием демона твоя душа сквозь грань миров пройти не сможет и в твое собственное тело вернуться не сможет тоже! Ты рискуешь затеряться среди миров навсегда! Занять чужое человеческое тело ты не можешь без согласия его владельца, а такого согласия никто не даст, все инстинктивно и бессознательно отторгнут тебя! В одном человеческом теле не могут жить две души, такое бывает крайне редко и только после насильственного внедрения души через сложный ритуал, но в итоге все равно одна из душ уходит, умирает. Ты готова убить человека ради кражи его тела, адвокат Савельева?

Дамиан тяжело вздохнул и замолчал, пристально смотря на Лару.

«Он плохо выглядит. Лицо усталое и будто постаревшее, — мелькнула рассеянная мысль. Она пыталась переварить услышанное и пока сосредоточивалась на не самом важном. — Как он узнал про Ведунью?»

Дамиан прочитал этот невысказанный вопрос в зеленом кошачьем взоре и пояснил с усмешкой:

— Я связан с тобой, Ларочка, по-настоящему связан. Я ощущаю твое местоположение, общее состояние твоей души: сильную боль, ярость, уныние, ликование. Ты же не забыла, что я питаюсь негативными эмоциями и той энергией, что выделяет при них твоя душа? А поместив тебя в кошачье тело, я вынужденно посадил самого себя на диету из твоих, исключительно твоих, эмоций, Лара. Первый месяц ты досыта кормила меня своим унынием, но сейчас...

«А сейчас диета поменялась, и у тебя несварение», — злорадно подумала Лара, поняв причины болезненного вида демона: эмоции любви были для него как отравляющие вещества и приносили только вред.

— Рано радуешься, — опять все понял по выразительной мордочке Дамиан. — Если я ослабну, то не смогу перенести твою душу обратно в твой мир, и мы оба застрянем здесь: ты — навсегда, а я — до твоей смерти в этом теле, которая разорвет связь между нами. Да, мне будет очень плохо, но тебе будет хуже, Лара. Ты подумала о своих родителях, которые дежурят сейчас у твоего бесчувственного тела, погруженного в долгий летаргический сон на Земле, который уже перешел в кому? У них ведь никого нет, кроме тебя, каково-то им будет похоронить единственную дочь? Они так ждут, когда ты очнешься, придешь в себя.

Лара взвыла — умел демон надавить на самое болезненное. Но какой у нее есть выход?! Это же по его вине все так закрутилось и перепуталось, он что — действительно полагал, что она будет покорно дожидаться его возвращения, тихонько темнея и закармливая его до отвала? Какой выход он может сейчас предложить?

К сути своего предложения демон как раз и перешел:

— Ты немедленно прекращаешь за всеми шпионить (да-да, мне известно о твоих похождениях во время бала, я ведь чувствую твое местоположение), предоставляешь Леона его собственной судьбе и сегодня же переходишь жить ко мне в покои, чтобы тебя не прибили ненароком те озверевшие суеверные фанатики, которых лорд Ормонд в большом количестве собрал сейчас в Шариле. Как только я немного восстановлюсь, я немедленно возвращу тебя в прежний мир и прежнее тело. — Посмотрев на озадаченную кошачью мордашку, Дамиан невесело пояснил: — При утрате возлюбленного трудно хоть на время не впасть в уныние и отчаяние, Лара, так что, дорогая, ты накормишь меня до отвала.

«Он знает, о чем говорит, — многих девушек таким образом на Земле выпил, и я еще как его накормлю! — Лара с ужасом представила себе

вечное расставание со своим генералом. — Сколько же времени я Леона забывать буду?! И смогу ли вообще забыть? А предоставить его своей судьбе — совсем не вариант, я обязательно расскажу ему сегодня обо всем, что развела, умудрюсь рассказать. Я не покину этот мир, пока Леон не уедет спокойно в свое поместье. „Не покину этот мир“ — звучит как-то зловеще и двусмысленно, прям мороз по коже».

Дамиан выпрямился и требовательно посмотрел на кошку:

— Думай быстрее, Лара, твой генерал уже выходит. Очень надеюсь на твое благоразумие: на Земле у тебя родители, любимая работа, высокотехнологичный мир, стоит ли замуровывать себя в диком невежественном Средневековье? И ради чего? На кошке генерал все равно не женится! И даже любовницей не сделает, сколько бы ночей ты не провела в его постели. — Демон желчно хохотнул и исчез в небольшом столбе дыма.

«Все-то ты видишь, все знаешь, — прошипела Лара, — удобная способность — мигом переноситься куда вздумается, Джеймс Бонд обзавидует. Ничего, мы и по старинке работаем не хуже. Эх, жаль, не смогу ничего выяснить про этого Ормонда».

Пока Лара вела важные переговоры с высшим демоном, генерал Ардамас беседовал с королем. Ситуация вокруг завтрашнего подписания мирного договора складывалась очень непростая, и были известны далеко не все намерения заинтересованных в срыве мирного процесса лиц. Обсуждали мужчины многое, в том числе и состав завтрашней делегации от Картума.

— Я уже послушал твоего совета, разрешив Гильдару участвовать во всех мероприятиях, хотя с него до сих пор не сняты подозрения в покушении на тебя! — резко говорил король. — Мне действительно не стоит выметать сор из избы перед солликийцами, но мое решение насчет Милора неизменно!

— Не стоит брать на переговоры Милора и Лартипу... — снова повторил Леон, но был на полуслове перебит королем:

— Я намерен объявить Милора первым наследником, не забыл? Было бы странно сделать это в отсутствие его и королевь-матери. Более того, закон не запрещает присутствия на подписании важных соглашений всех членов королевской семьи, а наоборот — рекомендует такое присутствие. Будущий король должен видеть собственными глазами, как творится история его страны, а не читать об этом в чужих мемуарах! В последний раз предлагаю и тебе стать моим братом: женись на Соларе, Леон! Это

самой разумное и простое решение для многих твоих и моих проблем, нынешних и будущих, я приданое большое дам, после войны оно очень тебе поможет.

Лицо Леона окаменело.

— Просто удивительно, как все обеспокоены моим финансовым положением. Герцог предлагает Кошку у меня за пятьсот золотых купить, король хочет сестру свою продать с немалой доплатой. Извини, Варт, но я не женюсь на Соларе. Забудь об этом. Я категорически отказываюсь в этом участвовать, раз и навсегда. Я согласен тянуть лямку регента, но принцесса в эту сделку не входит. Я все сказал!

— Это окончательный отказ?

— Да. Я окончательно и бесповоротно отказываюсь жениться на Соларе Зоилар. Мое слово твердо.

Король вздохнул и смирился; им с Леоном нужно было успеть обсудить более важные на текущий момент дела. В частности, оживление фанатичных приверженцев Святого Воинства, которые активно распускали слухи о связи генерала Ардамаса с демонами. Леон полагал, что Ормонд Драгейд готовит какое-то яркое представление, которое должно убедить всех в правдивости этих слухов, однако не наблюдал никакой подготовки к этому представлению, и это настораживало. На что рассчитывал Ормонд? Или на кого?

В добротном доме в селе Ведомок резко села на постели пожилая слепая женщина, широко распахнув не видящие окружающую действительность глаза. Она грустно и обреченно покачала головой и забормотала:

— Почему не пришел ко мне, почему не спросил о пророчестве?! Самомнение людей, их нежелание последовать советам высших сил — основа их гибели. Снова ощущаю свою полную ненужность: умные хорошие люди все меньше и меньше прислушиваются к своей интуиции, к словам ведунов и пророчиц, а напрасно! Эх, жаль. Бесконечно жаль!

В приоткрытую дверь заглянула девушка-служанка.

— Что-то случилось, госпожа? — робко спросила она. — Вам плохо?

— Плохо не мне, — вздохнула Слепая Ведунья. — Это один самонадеянный генерал только что отказался от своего счастья! А ведь счастье было так близко, только «да» скажи! Но гордыня и упертость любого обрекут на одиночество. — Женщина вздохнула еще раз и улеглась обратно на подушку.

— Это вы про генерала Ардамаса говорите? — рискнула уточнить

девица.

— Про него, про него, — проворчала Слепая Ведунья.

— А есть ли у него способ вернуть это счастье? — жалостливо спросила служанка и слезинку платочком промокнула.

— Не знаю. Теперь я ничего про него не вижу. Видно, не от него самого теперь его будущее зависит. Если его суженая выберет легкий путь — разминутся они на тропах мироздания, а по трудному пути люди идут редко.

— Значит, надежда еще есть, — обрадовалась служаночка.

— Надежда есть всегда. Даже в тех случаях, когда у человека уже нет ничего другого, — поучительно изрекла Ведунья и закрыла глаза, показывая, что разговор окончен.

Дверь королевского кабинета открылась, вышел Леон. Лара решила, что пора обнаружить свое присутствие, поэтому прыгнула вперед, заранее прижав ушки к голове и соорудив самую жалостливую мордочку на свете:

— Мяу!

Леон замер и ошеломленно уставился на свою Кошку:

— Ты откуда взялась?! Как смогла тяжелую дверь в моих покоях открыть?! — Он присел перед Ларой и почесал ее за ушком, укоризненно приговаривая: — Опасно бродить по дворцу, тут много приспешников Святого Воинства среди слуг, а лорд Ормонд с утра тебя велел найти и к нему принести, слышишь? Не знаю, для чего ты ему нужна, но точно не для благого дела. Так, от меня ни на шаг сейчас, ясно?

Лара кивнула, и они пошли к комнатам Леона во дворце. По дороге Лара крепко задумалась, как сообщить генералу данные ее хвостатой разведки, и не сразу заметила, что они прошли спальню генерала и оказались в его ванной комнате. Точнее, оказалась она, генерал пропустил ее вперед, а сам замер на пороге.

— Вот отсюда тебе точно не выбраться, — довольным тоном сказал Леон и... запер дверь в ванную! Запер на засов со стороны спальни!!! Гад!

Лара негодуя взвыла, набросилась на дубовую дверь когтями, но совесть у Леона от ее воплей не пробудилась. Сдохла его совесть, как больная мышь! Ларины ушки уловили звук шагов генерала, который проследовал назад в гостиную и вышел из своих покоев, захлопнув входную дверь. Финита ля комедия, Лара, главный акт дворцовой пьесы пройдет завтра без тебя! Глупый Леон, хоть бы послушал сначала, что она разузнать успела!

Побесновавшись немного и мстительно исцарапав гладкую

поверхность двери (пусть король удержит с него неустойку за порчу предмета интерьера!), Лара внимательно осмотрела свою темницу. Дверь тут всего одна, выть рядом с ней бесполезно: через две двери и две комнаты ее никто не услышит. В качестве запасного выхода имелось в наличии окно, но это маленькое прямоугольное оконце располагалось под самым потолком, его узкий подоконник находился в двух с половиной метрах от пола, а занавесей в ванной комнате, как назло, не было! Длинные полотенца и халаты висели на крючках на противоположной стене, полочки ровными рядами шли на стене, противоположной двери, а рядом с окном не наблюдалось ничего, что помогло бы кошке взобраться на подоконник и рискнуть выбить стекло, проскользив с третьего этажа вниз по каменной стене. Шансы не разбиться при этом у нее были хорошие: Лара часто слышала в своем мире, что кошки удачно приземляются на все четыре лапы при падениях с довольно больших высот.

«Это средневековая мода такая: кошек запирать? То в комнате, то в ящике, то „в покоях“! Который уже раз мне из неволи выбираться приходится?! Судьба прозрачно намекает на то, что лучше сидеть тихо и не высовываться, или на то, что наработанный опыт сильно пригодится впоследствии? Хм, предположим второе и обследуем камин, который, слава богу, давно остыл. Та-а-к... Фу, сколько тут золы! Распустились слуги у Варта — когда они в последний раз золу выгребали? А трубу от сажи когда в последний раз чистили?! В позапрошлом году?! Черт, когти скользят, как я и думала, но лезть вверх все-таки можно».

БУМ!!!

«Ай! Ой как больно-о-о! Бедная моя голова, это она о печную выюшку так ударилась? Из чего они их делают: из чугуна? Был чугун в Средневековье или не был — вот в чем вопрос...»

Лара шлепнулась назад в камин, подняв облако серой пыли, разлетевшееся по всей ванной комнате. Серия чиханий, последовавшая за этим, поспособствовала более равномерному распределению золы по чисто отмытому полу, в результате чего выскобленные добела доски приобрели приятный грязновато-серый оттенок, а отпечатки кошачьих лапок от задумчиво нарезающей круги Лары придали полу неповторимый дизайн. Выхода не было, в этот раз ее закрыли качественно и надолго. Злобно попыхтев и помянув всеми русскими нехорошими словами небезызвестного генерала, Лара обессиленно прилегла на порог ванной: ночь уже шла к концу, а кошкам тоже сон нужен.

Глава 28

СМЕРТЬ НА ПОТЕХУ

Проснулась Лара от шороха шагов с другой стороны двери. Судя по «внутренним часам», спала она недолго, часика три, но рассвет уже наступил, небо в оконце было ярко-голубым. Лара прислушалась: шаги были легкие, и через дверь даже кошачьи ушки улавливали их с трудом.

«Отравительница Диала пожаловала? Букет роз, облитый ядом, принесла? Бутылку лучшего вина с тем же порошочком, что лакею подсунула?» Лара настороженно прислушалась. Плеснула вода, скрипнула деревянная ручка на ведре — и черная кошка истошно замяукала под дверью, поняв, что в спальне Леона хозяйничает горничная.

Дверь распахнулась, явив взорам Лары девицу в белом фартуке с тряпкой в руках. Увидев, ЧТО творится на полу ванной и во что превратилось внутреннее дверное полотно, девица побагровела, раздула щеки, как бурундук, а дальше Лара уже не видела: некогда, знаете ли, на горничных смотреть, надо идти по важным кошачьим делам, лучше вообще бежать, и бежать быстро-о-о!!! Удивительно, до чего агрессивные горничные во дворце обитают, кто только подбором персонала у Варта занимается? Зачем же швырять тяжелыми предметами в кошечку важного гостя?! В земных отелях за такие дела и уволить могут, между прочим! Распустились тут, понимаешь! Золу чаще выносить нужно! Ну натоптала чуток, но это же не смертельно, были бы у нее руки — она бы сама за собой прибрала, а так извиняйте: временно непригодна к профессии сотрудницы клининг-центра.

Улепетывая от злющей служанки, Лара возблагодарила высшие силы за приоткрытую входную дверь и вылетела в просторный коридор третьего этажа. Споткнувшись о край ковровой дорожки, тянувшейся через все гостевое крыло, и кувыркнувшись по ней пару раз, Лара очистила свою шелковистую шерстку от большей части золы и саж, что так сильно портила ее пристойный внешний вид, вызвав этим еще один возмущенный вопль девицы в фартуке. Дальнейшее поспешное бегство от неприятеля, вооруженного веником и тряпкой, привело Лару на первый этаж. Тут ей удалось оторваться от преследования и даже вкусно перекусить на кухне за «кошачьим» столом. Утолив первый голод, Лара подивилась странной тишине, установившейся в королевской кухне. Тишине, которую прерывали

озабоченные и испуганные шепотки:

— Все говорят, что генералу Ардамасу темные силы выиграть в войне помогли, что договор у него с демонами и теперь, после победы, платить по этому договору придется! Кровью невинных душ!!!

— Чушь не городи! Мой дядька под началом лорда Ардамаса всю войну от первого до последнего дня прошел, и никаких его связей с темными силами не заметил! Генерал — гениальный военачальник, знаешь, какие истории мне дядька о его смекалке и отваге рассказывал?!

— А кошка эта черная? Члены Святого Братства говорят...

— Не всего Братства, а только фанатиков от Святого Воинства, которые в любом колдуна и ведьму разглядеть готовы, даже в тебе! Что «кошка»? Кошка и кошка, ничего особенного, на «невинные души» не набрасывается, мирно вареную курицу жует, как все. Она у генерала и появилась-то недавно только!

— Вот именно что недавно: это демон за данью к завершению войны явился, как договор к концу подошел. Уж такие странные и подозрительные истории про эту черную тварь рассказывают...

— Про Мису, дочь кузнеца из соседнего прихода, тоже много странного рассказывали, насмерть запытали ее в подвалах Святого Воинства, а ничего плохого про нее так и не прознали. Как мерли коровы у народа, так и продолжали подыхать, пока один лекарь не догадался, что на лугу трава ядовитая для скотины завелась. А у Мисы трое детей без матери остались малолетних.

— Так, может, она и завезла на луг семена травы этой!

— Дурень! У нее самой единственная корова сдохла, а ей детей малых кормить! Муж на войне, родня далеко — легко ли бабе? Яснее ясного, что семена ветром принесло, вихри какие по осени были!

Стукнула дверь, все затихли и пугливо обернулись. Вошел еще один слуга, и все облегченно выдохнули:

— А, это ты... Думали, мало ли — это те, что с воинами из Братства дружбу водят...

— А вы не чешите языками о том, о чем не следует, и бояться не надо будет, — проворчал вошедший пожилой мужчина, и все с этим советом согласились: народное вече разошлось, зазвенели ложки, крышки, деловито засновали с ухватами поварята.

«Вот это каша заварилась, — поразились Лара. — Как можно умудриться из такой ерунды, как единственная черная кошка, целое уголовное дело с демонами и темными силами состряпать?! Вот это

политические технологии, до которых мой родной высокоразвитый мир еще не дорос: на Земле месяцами и годами „цветные“ революции готовят, а тут по углам пошептали, страху нагнали, суеверных обывателей черными демоническими кошками застращали — и готово! Куй железо, пока горячо! Крут лорд Ормонд Драгейд, нереально крут, снимаю шляпу! Как бы мне не подставить Леона ненароком своим чересчур некошачьим поведением! Буду держаться подальше от всех людей, а то им тут так мозги промыли, что они и простое „мяу“ за вызов адских гончих принять могут».

Лара бочком протиснулась в кухонные двери и опять начала перемещаться по замку короткими пробежками, хоронясь за занавесями и перескакивая из одного укромного места в другое, только когда затихали все шаги вокруг, а нюх подтверждал, что людей рядом нет. Так добежала она до главного тронного зала для совещаний, где уже собрались все лица, обязанные присутствовать при таком важном событии, как окончательное обсуждение и подписание условий мирного договора между двумя странами. Двойные двери зала были распахнуты настежь, а проем входа, как и везде, обрамляли длинные занавеси: в них и схоронилась кошка.

Большой зал площадью примерно четыреста квадратных метров не имел ни одной центральной опоры для перекрытий, что усиливало ощущение простора, поскольку не препятствовало солнечному свету наполнять огромное помещение, вливаясь через ряд высоких узких окон. Друг от друга оконные проемы отделялись мраморными колоннами, поддерживающими своды арочно-купольной системы перекрытий зала. Плафон высокого потолка был украшен живописью и позолоченной лепниной. Стены покрывала орнаментальная резьба и вездесущие гобелены, которые здесь были обрамлены барельефами и представляли собой тканые картины с историческими сюжетами, изображающими старинные битвы, бывших монархов на охоте и в бальном зале, прекрасных дев, смотрящих на рыцарей из окна высокой башни. Мебель в зале состояла из деревянных золоченых кресел, крытых белой, расшитой золотой нитью тканью, расположенных вдоль стен и вокруг длинного овального стола цвета мореного дуба, а также небольших горok, столиков, пуфиков, раскиданных по периметру зала. Главным элементом интерьера был, безусловно, сам овальный стол, во главе которого возвышался трон короля, увенчанный сверху массивной золотой короной.

«Если эта декоративная коронка, случаем, упадет на голову монарха, то Картуму в самом деле срочно потребуется наследник, — отметила Лара про себя. — Посмотрим, кто тут у нас собрался и узнаю ли я лица по прочитанным и пролистанным книгам. Так, с одной стороны стола стоят

солликийцы с Эрданом Бортейпом, их я по вчерашнему обеду и балу помню, с другой — картумский Рийхет, в составе делегации которого... лорд Ормонд Драгейд собственной персоной! Представитель духовенства, так сказать! Рядом с ним еще члены Братства. Мой Леон, видимо, представляет дворянство вместе с той кучкой надменных аристократов с Аскарсом Зоиларом и Дамианом (то бишь герцогом Дэмьеном Раусом) во главе, а парочка тех увешанных золотом и драгоценными камнями толстячков — члены торговых гильдий. А, вот и Варт Зоилар пожаловал: с женой и обоими сыновьями — родным и усыновленным. Так, все изящно раскланялись, комплиментами и ледяными улыбками обменялись, уселись обсуждать».

С жадным интересом всматриваясь в происходящее в главном зале для совещаний, Лара не заметила, что сама уже давно является предметом пристального наблюдения со стороны двух слуг мужского пола и плотного телосложения с цепкими взглядами и неприятными хитроватыми выражениями лиц. Как только король сделал знак стражникам на входе закрыть двери, а Лара собралась незаметно и быстро прошмыгнуть в зал под стоявший рядом с дверями стул, накрытой белой тканью, как и все стулья в зале, ее схватили сзади за шкуру и подняли в воздух со словами:

— Отнесем кошку на место, нечего ей в тронном зале делать.

Стражники равнодушно кивнули, продолжая закрывать двери. Инцидента с пленением черной кошки никто из сидящих в зале видеть не мог, но у Лары оставался шанс громко завопить и позвать на помощь Леона. Леона... которого все подозревают в связях с демонами, а ее считают демоненком-посредником... Леона, напротив которого уже уселся Ормонд Драгейд... Леона, против которого члены Святого Воинства уже настроили большую шумную суеверную толпу под стенами замка, которая только и ждет повода для обвинения и кровавой расправы. Генерал армии, рьяно защищающий простую кошку, будет выглядеть слишком необычно для всего этого необразованного, темного, запуганного собрания, неспособного понять, что для некоторых долг дружбы и чести — это жизненно важный долг.

И Лара промолчала. Она даже не мяукнула, когда ее потащили в сторону черного хода замка, которым пользовались слуги. Только на улице она попробовала начать извиваться и царапаться, пытаясь вывернуться из крепкой хватки. Получив удар кулаком по голове, Лара бессильно повисла в воздухе, стараясь перебороть повисший в сознании красный туман и из последних сил вслушиваясь в слова слуг, наверняка тех самых, что «водили

дружбу с воинами из Братства».

— Точно эта кошка?

— Точно. Я хорошо ее запомнил, когда она за Ардамасом по дворцу бегала. Брат Ормонд обещал, что зрелище ее смерти будет очень показательным и явно говорящим о ее демонской природе.

Не в силах пошевелить ни хвостом, ни лапой, Лара позвала кошачью сущность:

«Кошка... Кошечка... Прости меня, если можешь. Прости! Я не думала, что все так для нас... для тебя обернется! Прости!»

В ответ раздалось недовольное сонное бурчание:

«Я бойкот еще не отменяла. Чего ты там пищишь так жалобно?»

Лара вздохнула, чуть помедлила и покаянно призналась:

«Кажется, на казнь нас волокут. Смерть нам скоро придет, кошка. По моей вине! Прости, я не хотела тащить и тебя вслед за собой!..» Слова закончились. Она не могла выразить всей степени своей вины перед этим забавным и умным существом, которое убивали по причине Лариной глупости и недосмотра. О себе Лара не думала: чего тут думать, если демон все подробно объяснил? Застрянет ее душа в этом мире без шанса на перерождение, если только какой-нибудь полоумный колдун обряд притяжения душ не проведет и в чужое тело ее опять не заселит. Сможет ли она воспротивиться такому обряду? Должна же быть и у одинокой бестелесной души свобода выбора?! Не хотела больше Лара чужие тела занимать, перед их законными хозяевами вину свою ощущать!

«Прости, кошка, — еще раз вымолвила Лара, — если бы я могла спасти тебя от смерти, я бы это сделала».

«Истинные философы смерти не боятся, — без привычного уже апломба вяло отозвалась кошка. — Смерть — это шаг в новую жизнь».

«Угу», — со слезами ответила Лара.

«Это больно?»

«Не знаю. В прошлом теле я не умерла, а только уснула, сразу очнувшись в твоём теле», — всхлипнула Лара, осматриваясь: ее притащили на центральную площадь и торжественно, под рокот толпы, подняли на помост, где вещал что-то огромный мужик в одеянии члена Святого Воинства.

Лара видела, как солдаты королевской гвардии стараются пробиться к помосту, чтобы остановить творящееся непотребство, но их отталкивают и оттесняют сотни людей с фанатично горящими глазами. Острое кошачье зрение позволяло видеть четко и то, что творилось на краю площади, и Ларе показалось, что там мелькнула вихрастая голова Огаста. Парень махал

руками и что-то толковал солдатам, а те лишь головами качали. Лара понимала служивых и была полностью солидарна с их решением не применять оружие против толпы. Для солдат она — просто кошка, всего лишь кошка, жизнь которой не стоит расправы над сотнями людей.

«Что ж, скоро узнаем, больно умирать или не очень. Познавать новое и неизведанное — цель любого просвещенного ума», — изрекла кошачья сущность и умолкла.

— Высшие силы, явите демонскую природу кошки генерала Ардамаса! — проорал член Братства, выхватывая меч. Его верный слуга продолжал крепко держать Лару за спинку на вытянутой руке.

«Высшие силы, ни в коем случае ничего не являйте! В конце концов, это моя смерть, и я имею право требовать, чтобы она прошла спокойно, не подвергая опасности моего любимого человека! Леон — лучший из всех людей в этом темном мире, не дайте его оболгать и уничтожить!!!» — взмолилась Лара.

Глава 29

ВСЕ ТАЙНЫ И ИНТРИГИ РАСКРЫВАЮТСЯ

Двери тронного зала для совещаний закрылись, и Леон обвел пристальным взором все присутствующих за овальным столом лиц, понимая, что именно здесь и сейчас в самом ближайшем будущем прорвется тот гнойник преступных замыслов, что зрел в королевском окружении все долгие военные годы. Самоуверенный вид герцога Рауса раздражал Леона больше, чем торжествующий взгляд брата Ормонда из Святого Воинства, и больше, чем трусливо бегающие глазки Аскара Зоилара. Личные секретари обоих королей зашуршали бумагами, Варт выступил с вводным словом, и началось очередное обсуждение условий договора, напомнившее Леону базарную торговлю лошадьми, когда торговец с пеной у рта доказывает необходимость как следует раскошелиться, а старший звена объясняет, что казна стеснена в средствах и ей следует сделать скидку.

Бурные дебаты в самом начале вдруг прервало странное поведение герцога Рауса: он вскочил со своего места, побелел, покачнулся, застонал. Лицо его исказилось, как от сильнейшей боли, он согнулся в три погибели и хрипло задышал.

— Что с вами? — изумленно спрашивали собравшиеся вельможи.

Герцог с видимым трудом распрямылся, обвел всех безумным взглядом, с надрывом прошептал: «Лара!!!» — и бегом бросился вон из зала, с шумом врезавшись в закрытые двери и распахнув их своим телом. Ошеломленные стражники, стоявшие у входа в зал, появились в дверном проеме и вопросительно воззрились на короля. Варт пожал плечами и взмахом руки велел опять закрыть двери. Вельможи обеих стран чуток пошептались о необычном инциденте и вновь переключились на обсуждение договора. Леон же подавил в себе неестественное желание броситься вслед за герцогом: у него мороз по спине прошел при имени «Лара» — так ведь Раус называл его Кошку...

«Мне следует сосредоточиться на более важных вещах, — убеждал себя Леон. — Сейчас речь идет о благополучном будущем всего Картума! Да и что может случиться с Кошкой в моей ванной?! Там ведь даже ведра с водой нет, в котором она могла бы утонуть! Никаких диверсантов

стражники на королевский этаж не впустят, придворные тем более в чужие покои на глазах у расставленной повсеместно стражи не войдут, переживать не о чем! Она в самом безопасном на текущий момент месте».

Успокоившись, Леон продолжил пристально наблюдать за выражениями лиц и действиями всех присутствующих.

Прошло три часа.

В тронном зале закончили обсуждение мирного договора. Оба короля подписали документ, собравшиеся поаплодировали правителям, стражники пропустили в зал лакеев, чтобы они предложили вина главам двух государств. Потом слуги по приказу короля покинули помещение, и Варт Зоилар, встав с трона, торжественно сказал:

— Многоуважаемый Рийхет, крупнейшие представители дворянства моей страны и наши дорогие соседи солликийцы, я хочу сделать одно важное объявление. Моим первым наследником я объявляю моего младшего сына — Милора Зоилара. Регентом при кронпринце Милоре вплоть до дня его совершеннолетия назначается всем вам хорошо известный лорд Леон Ардамас. Соответствующий приказ уже готовится к подписанию. Гильдар Зоилар на правах близкого кровного родственника будет также по мере своих сил помогать брату управлять нашей большой страной, когда я покину эту бrenную землю. — И с улыбкой Варт закончил свою речь стандартной фразой: — Нет ли у кого возражений, уважаемые лорды и господа?

Король Картума напрасно надеялся, что все заинтересованные лица скроют свое недовольство под любезными улыбками и проглотят эту горькую пилюлю молча. Встал первый воин Святого Братства — брат Ормонд, в миру лорд Драгейд, и насмешливо-язвительно произнес, растягивая слова и явно наслаждаясь моментом своего триумфа:

— Возражение есть. Трон не может занимать ублюдок, даже если он и несет в себе каплю королевской крови!

Громкий потрясенно-испуганный вздох пронесся по залу. Ормонд с мерзкой ухмылкой повернулся к королеве Лартипе Зоилар, которая с ужасом смотрела на него, распахнув огромные голубые глаза.

— Вы изучали законы Картума, помните, какая кара ждет королеву, выдавшую незаконнорожденного выродка за наследника престола, ваше величество? — с подчеркнутой издевкой произнес Ормонд два последних слова.

Лартипа побледнела. В мертвой тишине она прошептала:

— А как же тайна исповеди?! — и упала в обморок.

Варт Зоилар посерел лицом и тоже качнулся, но ему подставил

широкое плечо Гильдар, и король удержался на ногах, хоть и схватился за сердце.

— Вы готовы отвечать за свою клевету?! — прорычал Леон, жалея, что во дворец нельзя проносить боевое оружие, а только ритуальное и относительно безопасное.

Ормонд Драгейд небрежно пожал плечами:

— Какая же это клевета? Своим восклицанием королева, как мне кажется, полностью подтвердила мои слова. Отец Милора — не король Варт Зоилар, а Аскар Зоилар. Не верите — посмотрите на него!

Под пристальными взглядами высокопоставленных вельмож двух стран кузен короля мелко затрясся и огляделся вокруг затравленным взглядом.

— Милор — Зоилар по крови, он должен править, он и никто другой! — прохрипел Аскар и рванул воротник вышитой сорочки.

Лицо Варта исказилось от боли, он начал задыхаться, тяжело навалившись на пасынка. Гильдар помог королю сесть на трон и отдал ему свой полный бокал вина. Варт опрокинул спиртное в рот и отдышался, пытаясь сесть ровнее.

Гнетущую тишину прорезал тонкий детский голос:

— Лорд Драгейд, вы говорите, что мой папа — мне не папа?! Я вызываю вас на поединок за это оскорбление! — И принц Милор, выхватив из ножен свой кинжальчик, бросился на члена Святого Братства.

Его на полпути перехватил Леон Ардамас, обезоружил, прижал к себе лежащегося мальчугана и напомнил ему прописную истину:

— Не каждый вопрос можно решить силой, мой мальчик.

Ормонд желчно усмехнулся:

— Странно слышать такие слова из уст боевого генерала, для которого силовые военные операции — это вся жизнь. Но король Варт Зоилар распустил вашу армию, генерал Ардамас, а вот я свою, наоборот, поставил под ружье.

Ормонд Драгейд (которого теперь никто не смог бы назвать братом Ормондом) вынул из кармана небольшой рожок и протрубил короткий сигнал. В зал ворвались вооруженные мечами и кинжалами солдаты Святого Воинства и окружили всех присутствующих. Лартипа Зоилар пришла в себя, увидела вооруженных мятежников и с испуганным криком прижалась к ногам мужа, застывшего на троне каменным изваянием. Плечо Варта ободряюще сжимал Гильдар Зоилар. Леон Ардамас поставил Милора на пол и задвинул мальчика за свою широкую спину.

— Что ж, лорд Ормонд, полагаю, следует раскрыть все факты, раз уж

победитель выявлен и это вы. Вы не против? — предложил Леон.

Ормонд Драгейд горделиво расправил тощие плечи и снисходительно процедил:

— Что именно вас интересует, генерал? Небось ваша драгоценная кошка, через которую вы якшаетесь с демонами? Ну так мы ее нейтрализуем, доказав ее связь с темными силами.

Леон скрипнул зубами, но легко сдержался и ответил:

— Что вы, меня интересует ответ на более важные вопросы. Например, кто нанял стрелка для моего убийства и надоумил Диалу Зоилар попытаться отравить меня в Лискоре.

— Это не Диала дала лакею яд! — вскричал Аскар Зоилар.

Леон повернулся к нему и спокойным тоном сообщил:

— У встречи вашей дочери с лакеем в саду Морейда был свидетель, который уверенно опознал вашу дочь, — уточнять, что свидетелем была Кошка, Леон, само собой, не стал. — Это Диала передала яд, что подсыпали потом в мой бокал с вином, которое я так и не выпил. Мой лекарь забрал тем вечером осколки бокала с остатками вина и исследовал их, а лакея поймали мои люди. Он упирался сперва, не хотел выдавать Диалу, долго молчал, не называя имени заказчика, но, когда я пояснил ему, что их встречу видели, что точно известно, что именно Диала Зоилар передала ему яд, он сдался и заговорил. Бедняга безнадежно влюблен в вашу бессердечную дочь, но лечь ради нее под топор палача не захотел: ему обещали жизнь взамен на признание. Кстати, Диала неосмотрительно сохранила в своем личном дневнике ту записочку, что вы прислали ей, заказав мое убийство, Аскар, так что вам тоже не стоит отпираться.

Лорд Ормонд зловеще захохотал:

— Хороши нравы в королевской семье! Кузен короля спит с его женой и мечтает посадить на трон своего тайного ублюдка, а названного королем кронпринца обвинить в убийстве, которое сам же организовал и оплатил, свалив на племянника и недостачу денег в своей казне, и наем убийцы. Как же вы улики против Гильдара сфабриковать сумели, а?

— Это я помогла, — тихо призналась Лартипа Зоилар. — Аскар шантажировал меня тайной рождения Милора, он велел мне тщательно запомнить и подробно описать одежду моего старшего сына в тот вечер. Я согласилась. Я так боялась, Гильдар, прости, сынок!

Лартипа обняла ноги старшего сына и зарыдала в голос. Гильдар дрогнувшей рукой пригладил матери волосы и глухо произнес:

— Ничего, мама, мы все переживем. Все.

Из-за спины Леона выдвинулся Милор и шагнул к Гильдару.

— Даже если папа мне не папа, ты-то все равно мне брат? — с мукой в голосе и с горячей надеждой спросил мальчик.

— Конечно, Милор, никогда в этом не сомневайся! — вымученно улыбнулся брату Гильдар и притянул его теперь за свою спину.

— Пора заканчивать эту трагедию, — иронически произнес Ормонд Драгейд. — Я не буду уточнять, какую роль в этих интригах сыграли вы, ваше величество Эрдан Бортейп, мне и без того известно, что вы нередко навещали Диалу Зоилар и вели с ней долгие приватные разговоры наедине. Надеялись, что замыслы Аскара Зоилара осуществляются, Гильдара бросят в темницу, Аскар станет регентом при сыне, а Диала выйдет за вас замуж, вернув в качестве приданого те земли, что сегодня отошли Картуму? Что ж, вы напрасно развлекали в постели невесту Гильдара, она не принесет вам ничего, кроме разоренного войной поместья, если, конечно, вы все-таки соберетесь узаконить ваши с ней отношения, в чем я лично сильно сомневаюсь.

— Не смейте так говорить о Диале! — воскликнул Гильдар и угрожающе шагнул к Ормонду, но увидел предупреждающее качание головой Леона и остановился. — Про Диалу — тоже правда? — хрипло спросил он у друга.

Леон поморщился, но кивнул: его разведка нашла слишком много доказательств интимной связи Диалы Зоилар с Бортейпом. Гильдар побелел как мел и обернулся к королю Солликии. Эрдан Бортейп пожал плечами:

— Мне предложили — я не отказался. Я — король и должен думать о благе государства. Лично в этих интригах я не участвовал, я просто ждал их результата. И незачем так убийственно смотреть на меня, Гильдар, ваша невеста сама мне проходу не давала.

Плечи Гильдара поникли, но потом расправились, а голова юноши с застывшими слезами в глазах гордо вскинулась.

— Я разрываю помолвку с вашей дочерью, — хрипло сказал он трясущемуся как лист Аскару Зоилару. — Она вольна выйти замуж за кого ей заблагорассудится.

Ормонд Драгейд обвел торжествующим взглядом напуганных членов Рийхета, двух королей, которых сторожили его вооруженные люди, и ощутил приятное чувство заслуженного триумфа: сегодня его род вернет себе корону Картума. Прямо сейчас Варт Зоилар напишет отречение от престола, Рийхет утвердит его кандидатуру в качестве нового короля, и свергнутого монарха сошлют в дальнее поместье под строгий присмотр. Варту недолго жить осталось, он не успеет доставить лишних хлопот. Ардамаса как подозреваемого в связи с демонами заточат в подземелья

Святого Воинства и допросят с пристрастием. Очень тщательно, долго и мучительно допросят! А если смерть кошки генерала окажется достаточно красочной, как обещал демон, то и казнить Ардамаса прилюдно можно будет, никто тогда встать на его защиту не рискнет. Лартипу Зоилар вместе с обоими сыновьями он заточит в монастыре на окраине страны, в северных горах, как и положено за измену королю (куда более мягкое наказание, чем казнь, которую тоже допускает закон, между прочим!). И впоследствии никого не удивит, что оба бывших принца поскользнутся на обледеневшем склоне гор и покинут навсегда бrenную землю. Он не намерен оставлять в живых эти осколки династии Зоиларов. Он, Ормонд Драгейд, победил в этой схватке, он — герой!

В звенящей тишине тронного зала раздалось негромкое покашливание генерала Ардамаса, и глубоким голосом он произнес с тайной усмешкой:

— Рад, что теперь мы все прояснили, — не люблю я все эти тайны, знаете ли, ничего хорошего в них нет. Лучше сразу признаться в совершенном проступке, чем тянуть этот груз долгие годы, позволяя шантажировать себя и совершая в итоге все новые и новые подлости. Учти это на будущее, Милор, и бери пример со своего старшего брата — он очень благородный и порядочный человек, в мире таких немного. — Тут Леон повернулся к изумленному такими спокойными речами Ормонду и продолжил: — Подавать условный знак, трубя из маленького хрупкого горна, слишком хлопотно и ненадежно, Ормонд. Горн могут забрать стражники при осмотре, на него можно случайно сесть и погнуть, приведя в негодность, так что добрый старый свист куда лучше, хоть и не так эффектен в исполнении.

Генерал Ардамас молодецки свистнул. Тут же вылетели окна, обдав всех вихрем мелких осколков, распахнулись двери, и в зал влетели вооруженные солдаты Картума: аж целое звено. В выбитые теперь окна с ободранными занавесями было отлично видно, что еще несколько звеньев оцепили площадь и территорию дворца, повязав «святых воинов» и кучно усадив их у высокой ограды замка. В захвате плацдарма участвовали не только солдаты Ардамаса, но и монахи Братства: в разгромленный зал для совещаний, хрустя осколками стекла под сапогами, вошел брат Тельд в сопровождении еще пятерых монахов с крестами в руках. Встав перед огороженным Ормондом, который растерялся в быстро изменившейся ситуации, брат Тельд сурово произнес:

— Вы обвиняетесь в том, что предали идеалы и цели нашего Братства, в том, что использовали наше святое дело в своих личных корыстных целях, совратив вслед за собой с пути истинного и многих других наших

собратьев. Святое Воинство вновь вольется в ряды монашества, как это было изначально, и не будет иметь отдельного главы. Мы больше не позволим вам творить беззаконие и насилие, прикрываясь святым именем нашего Братства! Уведите их!

Солдаты подхватили под белы ручки и Ормонда, и других воинов Братства и увели их вслед за монахами из дворца. Личный лекарь Ардамаса, сопровождавший его во всех походах и накладывавший швы генеральской кошке после битвы за Буртан, подлетел к королю и осмотрел его, выдав сразу микстуру и порошок. Вельможи двух стран понемногу приходили в себя: повсюду раздавались потрясенные охи и ахи. Король Варт Зоилар удивленно посмотрел на своего генерала:

— Как же так, Леон? Я же распустил армию, приказ о роспуске подразделений вступил в силу неделю назад, а здесь целый корпус, если не два!

— Три корпуса, — лукаво уточнил довольный Леон. — Непросто было спрятать по домам такую прорву вооруженного люда, да еще так, чтобы ищейки Ормонда не пронюхали, но народ гораздо охотнее помогает тем, кому доверяет, чем тем, кого боится, так что мои солдаты смогли внезапно и бескровно взять полный контроль над ситуацией и сейчас патрулируют все районы города во избежание сюрпризов. Извини за нервотрепку, но мне нужно было снять все обвинения с Гильдара, а сделать это можно было только так. Да и не люблю я тайны, лучше знать все, чем жить в блаженном неведении!

Король задумался и мрачно заметил:

— Тебе ничто не мешает прямо сейчас объявить королем самого себя, раз армия, как выяснилось, подчиняется твоим указам, а не моим!

Ардамас расхохотался:

— Ну уж нет! Такого счастья, как корона, мне даром не надо! Я предлагаю всем присутствовавшим тут людям забыть о заявлении короля насчет назначения кронпринцем Милора, пусть наследником остается Гильдар Зоилар — он вполне этого заслуживает! Что ж, ваше величество, полагаю, теперь самое время для вас объявить собрание завершенным, а мирный договор с Солликией — успешно подписанным.

Что Варт Зоилар и сделал. Все потихоньку разошлись по своим покоем, как давно поступили другие перепуганные гости королевского дворца. Солдаты Ардамаса освободили дворец от своего присутствия, захватив с собой всех прихвостней Ормонда среди слуг, на которых им живо и без всяких просьб указали другие служащие короля.

За три часа до этого на Королевской площади перед дворцом

— Высшие силы, явите демонскую природу кошки генерала Ардамаса! — проорал член Братства, выхватывая меч. Его верный слуга продолжал крепко держать Лару за спинку на вытянутой руке.

«Высшие Силы, ни в коем случае ничего не являйте! В конце концов, это моя смерть, и я имею право требовать, чтоб она прошла спокойно, не подвергая опасности моего любимого человека! Леон — лучший из всех людей в этом темном мире, не дайте его оболгать и уничтожить!!!» — взмолилась Лара.

Сверкнуло на солнце лезвие меча... Черная пушистая ушастая головка скатилась под ноги палача.

Толпа замерла в ожидании обещанных спецэффектов...

Растекалась кровь и капала с помоста, черное тело упало рядом с головой и осталось лежать неподвижно.

Толпа подождала еще немного и разочарованно выдохнула:

— Простая кошка! Тьфу!

«Святой воин», зарубивший черную кошку «демонской природы», озадаченно почесал в затылке:

— Что-то не так, ведь брат Ормонд был точно уверен! Вы не ту тварь притащили, олухи!

— Точно ту, — возразили лакеи, но их уже не слушали.

Зрелища не получилось. Толпа разошлась. Тело кошки осталось лежать на помосте.

Вся Шарила с раннего утра бурлила слухами и сплетнями, причем слухи про связь генерала Ардамаса с демонами после неудачной демонстрации на площади никто уже и не вспоминал. Леон контролировал наведение в городе порядка, как и всегда после захвата его армией очередного крупного поселения, которое он освобождал от солликийских вторженцев. Только через несколько часов после окончания собрания в королевском дворце и попытки государственного переворота к нему в кабинет в фамильном особняке Ардамасов пробился заплаканный Огаст.

— Что случилось? — нахмурил брови Леон.

Юноша всхлипнул и утер нос рукавом, хотя генерал постоянно ругал его за эту дурную привычку. Сглотнув ком в горле, Огаст прохрипел:

— Ваша кошка, генерал... Она... Ее...

— Она сумела и из ванной комнаты выскочить? — улыбнулся

генерал. — А я как раз собирался тебя за ней во дворец отправить. Вот непоседа, все ей нейдет куда-то сбежать! Ничего, Кошка — умница и дорогу до дома найдет точно.

По лицу Огаста ручьем потекли слезы. Он смахивал их ладонью, вытирал рукавом рубашки, но соленые капли все текли и текли...

— Ормонд велел схватить кошку, чтобы продемонстрировать толпе на площади ее демонскую природу... Не знаю, как, но его приспешники ее нашли и притащили на площадь...

Леон побледнел и встал из-за стола. Посмотрев на зареванное лицо оруженосца, он тихо спросил:

— И что?

— Ей отрубили голову, — еле слышно прошептал Огаст. — Она до сих пор так и лежит на том помосте на площади. Это точно наша кошка, ваше высокородие, я видел ее...

ЭПИЛОГ

С оцепленной солдатами центральной площади уже давно сбежал народ, и сейчас на ней было очень тихо. Особенно в центре, куда почти не доносилось бряцание оружия, которым были обвешаны патрулирующие район дворца солдаты. Генерал бегом вбежал на площадь, бросился к деревянному помосту, с которого днем выступал перед народом сторонник Драгейда из Святого Воинства, и опустился на колени перед телом своей Кошки. Его душило ощущение страшной потери, как это бывало с ним, когда он терял на поле боя друзей, когда умирали его родные и близкие от болезней и старости. Его Кошка, его ласковая, умная, благородная кошечка... Как же так, почему?! Она никогда никому не причинила ни малейшего зла! Проказничала, озорничала порой, но была добрейшим существом с ясным человеческим сознанием, с чувством долга и чести! А ее убили просто на потеху суеверной толпе!

Леон скинул с плеч парадный мундир, который так и не успел сменить на более простую одежду, покинув дворец. Разложив его на деревянном помосте, он бережно перенес на него тело и голову кошки, завернул и унес в сад своего дома. Огаст притащил лопату и выкопал глубокую яму, пока Леон бездумно сидел на скамье под цветущей яблоней, укачивая сверток на руках, как заснувшего младенца.

— Давайте лучше в белой простыне похороним, как в саване, как положено, — тихо предложил Огаст.

Леон кивнул и развернул мундир. Последний луч уходящего солнца упал на тело черной кошки, пробежал искорками по блестящей шерсти, на миг полыхнуло пламенем, и вместо кошачьего мертвого тела на ткани мундира осталась только горстка черно-серого пепла. Огаст ахнул, Леон потрясенно распахнул глаза. В полном молчании они завернули пепел в простыню и похоронили под яблоней.

— Странно все с этой кошкой. С самого начала странно было, — задумчиво сказал Огаст.

— Она не была демоном, — процедил сквозь зубы Леон.

— Само собой, — согласился Огаст. — Она была слишком хорошей для демона.

Солнце закатилось за горизонт. История жизни Лары в кошачьем теле закончилась.

notes

Примечания

Образ действия (*лат.*). Понятие используется для описания чьих-либо поведенческих привычек, манеры работы, способа выполнения тех или иных действий. Часто употребляется в криминалистике.